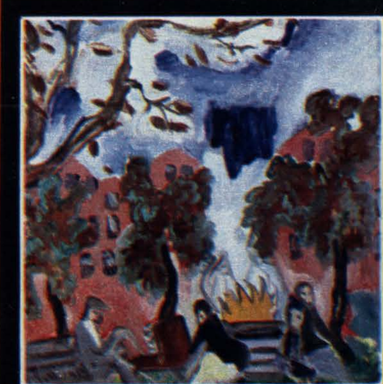
78

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 23 июнь 1988

СКАЗОЧНАЯ АЗБУКА

РАССКАЗ ИОНА ДРУЦЭ

ДРАМА В СТЕПИ

ВЕК ПРОЖИТЬ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 23 (3176)

4 — 11 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Средний возраст — 100 лет! Долгожители Абхазии. (См. в номере материал «Разговоры за столом»).

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 16.05.88. Подписано к печати 31.05.88. А 00346. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 780 000 экз. Заказ № 2417.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МЕНЬШЕ РАКЕТ — БОЛЬШЕ ДОВЕРИЯ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ВСТРЕЧА НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ В МОСКВЕ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

В ноябре 1985 года впервые встретились Рональд Рейган и М. С. Горбачев. В своем репортаже я тогда писал: «Участников советско-американского диалога на высшем уровне Женева встретила придавившими город сплошными свинцовыми тучами, холодом, пронзительным ветром, снегом пополам с дождем. Солнца как будто бы и вообще не существовало. Можно сказать, что примерно такой же политический климат сопутствовал и долгому времени, предшествовавшему этой встрече».

Да, к тому времени отношения между СССР и США настолько ухудшились, что многие высказывали сомнения в целесообразности советско-американских переговоров на высшем уровне. Но, как известно, встреча в Женеве состоялась. За ней последовали — Рейкьявик в октябре 1986 года и Вашингтон в декабре 1987 года. Если в Женеве Рейган и Горбачев заявили, что ядерная война будет означать угрозу существованию всего человечества, то в Вашингтоне они уже сумели подписать договор о сокращении количества ракет. Это был первый реальный вклад в процесс разоружения.

И это был первый конкретный показатель начавшегося процесса перестройки международного мышления. «Более широкий смысл слова «перестройка» состоит в том, что оно отражает не только назревшие в нашей стране проблемы,— отмечает М. С. Горбачев.— Можно сказать, что весь мир нуждается в перестройке, то есть качественном изменении, прогрессивном развитии. Люди нуждаются в том, чтобы определиться, где они находятся, в понимании тех проблем, которые всех волнуют, в осознании того, как жить дальше».

Солнечным теплом и безоблачным небом встретила в эти дни Москва американских гостей. Встреча стала логичным продолжением курса на сближение позиций США и СССР по проблемам разоружения и многим другим вопросам. Но мы трезво оцениваем и трудности этого благотворного процесса. Вот такой факт. Рейган уже находился на пути в Москву, когда министр обороны США в своем выступлении перед американскими военно-морскими курсантами назвал Советский Союз «главным врагом». Неужели нельзя было воздержаться от такого заявления хотя бы ради переговоров на высшем уровне? Как тут не вспомнить аналогичную ситуацию во время встречи Рейгана с Горбачевым в Женеве. Тогдашний министр обороны США К. Уайнбергер направил Рейгану письмо, в котором рекомендовал ему отказаться от любых акций по разоружению, в том числе и от Договора ОСВ-2. Неведомыми путями письмо попало на страницы американской прессы, и факт этот справедливо рассматривался как попытка торпедировать встречу в Женеве. Но жизнь уже доказала, что от одной советско-американской встречи в верхах до другой новое мышление и процесс разрядки набирают силу. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в США в канун нынешних московских переговоров, идею регулярности советско-американских встреч в верхах поддержали 78 процентов опрошенных. В то же время 61 процент участников опроса считают, что нашей стране нельзя доверять в области выполнения договорных обязательств, и почти половина поддерживает программу «звездных войн». Что ж! Льды «холодной войны» тают не так быстро, как хотелось бы.

Сегодня в советско-американских отношениях наблюдается явный переизбыток ракет и некоторый недостаток доверия. Но все больше и больше людей начинают понимать: чем меньше ракет — тем больше доверия. Об этом думалось в главной журналистской ставке — в Центре международной торговли на Красной Пресне. Более пяти тысяч корреспондентов из 62 стран работали здесь в ходе встречи. За многие годы мне довелось в качестве корреспондента участвовать во встречах нашей страны с Западом на высшем уровне в разных городах и странах. Не припомню такой рабочей, доверительной и дружеской атмосферы, какая была в эти дни в пресс-центре. Объяснение одно — перестройка, перешагнувшая наши географические границы.

Итоги этих переговоров, подписанные на них соглашения еще будут тщательно проанализированы и по достоинству оценены. Обнадеживает такой диалог корреспондентов с М. С. Горбачевым в Кремле: «Вопрос: Господин Горбачев, возможна ли пятая встреча на высшем уровне, которая бы завершила работу над договором по стратегическим наступательным вооружениям?

Ответ: Вполне возможна».

Итак, после Женевы, Рейкьявика, Вашингтона и Москвы — в добрый путь!

Владимир НИКОЛАЕВ

НА ТРИБУНУ XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ ● НУЖНЫ ЛИ ПРАЗДНИЧНЫЕ ДЕЖУРСТВА? ● О МЕМОРИАЛЕ ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ ●

■

Уже более десяти лет хочу получить ответ на вопрос: кто, где и когда оспорил правильность ленинского пути построения социалистического государства. Конечно, марксизм не догма, но все же кто, где и когда опроверг правильность ленинского метода борьбы с бюрократией?

В работе «Государство и революция» В. И. Ленин писал: «Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы ***всем*** *должностным лицам в государстве до уровня* ***«заработной платы рабочего»****. Тут как раз всего нагляднее сказывается* ***перелом*** *— от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как* ***«особой силы»*** *для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей* ***всеобщей силой*** *большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты!»*

Забыты не совсем. Появилась, например, в 1987 году изданная тиражом 1000 экземпляров книга В. П. Макаренко «Бюрократия и государство. Ленинский анализ бюрократии царской России». Но В. Леглер в «Новом мире» (1987, № 12) утверждает, что написана эта книга для узкого круга профессионалов, современных проблем не касается и с предложенных в книге позиций «довольно сложно обсуждать сегодняшние проблемы, особенно явный рост бюрократизма в последние два десятилетия», а в обоснование своих критических выводов ссылается на Владимира Ильича: «У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно!»

Казалось бы, не много исказил тут В. Леглер, но как точно отрезал суть. Нет у В. И. Ленина последнего восклицательного знака, а стоит точка, за которой и дается путь построения социалистического государства на основе принципа демократического централизма: «Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают ***по мере*** *введения, кроме выборности,* ***еще*** *сменяемости в любое время,* ***да еще*** *сведения платы к среднему рабочему уровню,* ***да еще*** *замены парламентарных учреждений «работающими, т. е. издающими законы и проводящими их в жизнь». Случайность у В. Леглера? Опечатка в журнале?*

Вот еще пример. Теперь у инструктора ЦК Компартии Белоруссии С. Дубенецкого, предложившего со ссылкой на мнение Владимира Ильича осуществление простых демократических мероприятий в заметке с закавыченным названием: «Полная выборность, сменяемость в любое время...» («Советская культура», 27 февраля). У Ленина нет многоточия: «Полная выборность, сменяемость ***в любое время*** *всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму». Итак, у В. И. Ленина нет многоточия, у С. Дубенецкого нет упоминания об окладах жалованья.*

В. П. КРЮКОВ,
кандидат технических наук
Москва

■

Перед каждым праздником в нашем учреждении (создаем оборудование для шинной промышленности) издается приказ, назначаются дежурные, которые приступают к дежурству сразу после работы, накануне праздника, и, сменяя друг друга через восемь часов, находятся в здании до начала послепраздничного рабочего дня. Обязаны они следить, как бы чего не вышло. Днем маются от безделья, читают, ночью спят. Сменяясь, новый дежурный расписывается: «Дежурство принял». Тот, кто сдает, пишет: «Дежурство сдал. Замечаний не было». И все. Оплаченный день отгула заработан.

А ведь наше здание круглосуточно охраняется вневедомственной охраной. И в праздники, и в будни есть вахтер. Стоит столик с телефоном, рядом пульт, соединенный с датчиками сигнализации, установленными по всему зданию. Так зачем же на праздники еще и дежурные из служащих? Ведь в конце каждой недели мы оставляем здание на два дня и не назначаем дежурных. А на один праздничный день без них не обойтись!

До этого года наше учреждение располагалось в трех зданиях; и мы теряли в среднем за год на дежурствах 12—13 человеко-дней. Теперь, правда, располагаемся в двух корпусах, и потери уменьшились. А сколько человеко-дней теряется по области? По всей стране? Этого, уверен, никто не знает, не считает — не из своего же кармана. Свыклись.

Конечно, в облисполкоме, райисполкоме, видимо, кому-то надо быть в праздники на случай непредвиденных событий. Но зачем дежурить в НИИ, КБ и так далее?

С. Ш. ГИЛИНСКИЙ
Ярославль

■

Слушал дикторов, которые захлебывающимися от радости голосами вели передачи о праздновании 1 Мая, и подумал — а почему именно таким тоном нужно говорить в этот день? Зачем эти наигранно-бодрые голоса — только потому, что так положено? К слову, начало Дню международной солидарности трудящихся положили трагические события. Отчего же не слышно и этой ноты в репортажах? Почему слабо слышен мужественный, серьезный, правдивый разговор, который, я считаю, должен сейчас вестись и во время праздников? Мы узнаем сейчас о себе такое, что переворачивает привычные представления, потрясает души, заставляет думать и мучиться. Мы скорбим о жертвах чудовищных репрессий, люто ненавидим палачей революции. Мы очищаемся — а это всегда тяжелый и мучительный процесс,— и здесь не к месту заливаться соловьем. Тем более что перестройка идет тяжело, то и дело узнаешь о победах бюрократии,— а не только о победах над ней.

Хочется серьезного и правдивого, со всеми сомнениями и колебаниями разговора по душам.

Не знаю, где как, но в поселке у нас почти не видел людей, чье настроение в праздник было бы адекватным дежурным репортажам корреспондентов. Да, люди отдыхали, пировали, веселились, кто-то колол дрова, рыбаки сидели с удочками, молодые ходили в гости друг к другу с магнитофонами, супружеские пары прогуливались с детьми, но общее настроение, народный дух был отнюдь не таким, как его пытаются представить представители средств массовой информации.

В. В. НИКИТИН,
учитель, 30 лет
п. Спасская Губа, Карелия

■

В № 9 опубликовано письмо с предложением о сооружении мемориала, посвященного жертвам репрессий сталинского времени. Главная мысль письма в том, что в состав мемориала, кроме памятника, следует включить информационно-исследовательский и просветительный центр с музеем и библиотекой, с материалами о людях, подвергшихся несправедливым обвинениям в те годы, с работами, разъясняющими, кем были нарушены демократические нормы в нашей стране. Считаем, что сооружение мемориала могло бы стать таким же заметным событием в деле демократизации общественной и государственной жизни, каким стало предотвращение поворота северных и сибирских рек в политике природопользования. Поэтому хотим предложить организационный шаг, необходимый, с нашей точки зрения, для полноценной реализации замысла. Обеспечить его воплощение в жизнь можно только при условии, что для руководства сооружением и последующей работой мемориала будет создан максимально демократический и авторитетный орган — избираемый инициативный Общественный комитет в составе 40—50 видных партийных, государственных, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции, руководителей предприятий, колхозников, рабочих.

Считаем, что выборы и регистрацию инициативного Общественного комитета для руководства сооружением и последующей работой мемориала нужно провести как можно скорее, например, осенью этого года. Ведь все меньше и меньше среди нас людей, переживших репрессии сталинского времени, и создать мемориал пока они живы — наш долг. Думаем, что читатели «Огонька» назовут имена тех, кого бы они хотели видеть в составе такого комитета. Средства же на сооружение мемориала можно собрать так, как издавна собирали в нашей стране средства на памятники,— всенародно. Для этого нужно объявить номер счета в Госбанке.

В заключение хотим сказать, что большинство авторов этого письма являются членами образованной в Москве в августе 1987 года инициативной группы «Мемориал», цель которой — способствовать созданию мемориала и формированию авторитетного общественного комитета. По инициативе группы уже собраны для передачи в Верховный Совет СССР и ЦК КПСС первые десять тысяч подписей под Обращением с просьбой ускорить создание мемориала и формирование Общественного комитета. В числе подписавших Обращение — более ста видных писателей, академиков, деятелей театра и кино.

В. ЛЫСЕНКО,
кандидат философских наук,
Л. ПОНОМАРЕВ,
доктор физико-математических наук,
Ю. САМОДУРОВ,
кандидат геолого-минералогических наук,
Я. ЭТИНГЕР,
доктор исторических наук,
Э. АМЕТИСТОВ,
доктор юридических наук,
Ю. СКУБКО,
кандидат экономических наук

■

Речь идет о судьбе старейшего в стране Свердловского института охраны материнства и младенчества Минздрава РСФСР. Он стал действительным центром для врачей Советского Союза по разработке методов выхаживания наиболее ранимых групп новорожденных, организатором изучения влияния производственных факторов на организм работающей женщины. Именно на базе этих исследований приняты в стране хоть какие-то новые законы по охране труда беременных женщин на производстве.

В 1980 году Совмин выделил шесть миллионов рублей для строительства акушерского корпуса, чтобы заменить им старый, построенный еще в 1936 году. Исполком горсовета отвел земельный участок, мы закончили проектирование и с 1985 года начали строительство. Но в феврале нынешнего года стройку законсервировали. Причиной явилось то, что облздравотдел не отселил размещающийся на нашей стройплощадке областной онкологический диспансер. О том, что его нужно срочно перемещать, знали все. Предполагалось, что для него перепрофилируют одну из городских больниц. Однако курирующий здравоохранение отдел науки обкома КПСС предложил консервацию строительства акушерского корпуса до лучших времен. В результате онкология и охрана материнства и младенчества оказались на задворках. Решено было начать проектирование и строительство онкодиспансера и лишь после завершения, то есть через пять-шесть лет, его догнивающее здание щедро передать нашему институту — пусть что хочет, то с ним и делает, поскольку институт не областной, а Минздрава РСФСР.

Между тем мы госпитализируем наиболее тяжелый контингент женщин Свердловска и Свердловской области, и, естественно, наши пациенты не из Рио-де-Жанейро. Все женщины с преждевременными родами госпитализируются только к нам. Когда институт закрывается на ремонт, немедленно в городе повышается детская смертность, так как выхаживать слаборожденных детей негде.

Я обращалась в Минздрав СССР, непосредственно к министру здравоохранения РСФСР товарищу Потапову, ответ один: «Это дело местных организаций». Я же считаю, что это не местный вопрос, ведь препятствуют развитию одного из немногих научных учреждений, которое всерьез занимается проблемой снижения смертности, а главное, оздоровления новорожденных,

да еще и оказывает практическую помощь женщинам и детям Урала.

Р. А. МАЛЫШЕВА, директор Свердловского НИИ охраны материнства и младенчества, заслуженный деятель науки, профессор

■

Глубоко огорчен крайне несправедливой, на мой взгляд, даже оскорбительной по отношению к памяти Пастернака рецензией Д. Урнова на роман «Доктор Живаго», опубликованной в «Правде» 27 апреля. Не успел роман (с опозданием в тридцать лет!) дойти наконец-то до советского читателя, и вот уже его пытаются развенчать, разгромить, хотя на этот раз, слава богу, дело обходится без политических обвинений, как это было тридцать лет назад.

Основная мысль Урнова — тезис о том, что роман «Доктор Живаго» — это как «Клим Самгин» Горького, «история пустой души», что вопреки замыслу автора Юрий Живаго выглядит в романе заурядной, ничтожной личностью, у которой и мыслей-то своих нет, и потому этот роман — крупнейшая творческая неудача автора, Бориса Пастернака.

Но позвольте! Ведь это, как говорил Смердяков, про неправду все написано. Как же так? А обостренная совестливость доктора Живаго, свойственная старой русской интеллигенции? А глубокие размышления Юрия Живаго об истории, о России, о жизни и смерти? Ведь недаром, наверное, самые философские стихи Пастернака «Гамлет», «Гефсиманский сад», «Рассвет» — это стихи из романа, стихи Юрия Живаго в той же мере, как и самого Пастернака.

А сила чувства любви Юрия к Ларе, эта «любовь на все времена», эти лучшие страницы русской лирики? А тонкое эстетическое чутье Юрия Живаго (красота, говорил Соловьев,— это форма истины и добра). Наконец, такое проникновение в природу, сопереживание ей (свойственное Пастернаку, конечно), что природа становится в романе союзницей доктора, утешительницей его, происходит, если можно так сказать, их взаимное слияние. Может ли это все быть признаками «пустой души»?

«Доктор Живаго» — великое произведение, потому что это первый в советской литературе роман такого масштаба, такого постижения событий о трудной, подчас трагической судьбе русской интеллигенции, которая, подобно Ахматовой, Мандельштаму, Булгакову, Пастернаку, испытывала колебания и сомнения, трагически переживала события революции не в силу своего «барства» или недомыслия, не потому, что не верила в идеалы социальной справедливости, а потому, что в силу исторической прозорливости страшилась их утраты (горькие плоды эти с 30-х годов мы пожинаем по сей день). Что такое «век-волкодав», эти люди узнали на собственной шкуре. Постижение диалектики революции, которая с начала 30-х годов сменилась сталинским террором, трагически отразилось на ее судьбе. И не с высокомерным смешком, а с состраданием и пониманием, которого до сих пор нам не хватает, следовало бы отнестись к ее исканиям и страданиям.

Д. Урнов развенчивает образ Юрия Живаго. Но ведь всякому ясно, что, Юрий Живаго — это духовный автопортрет автора. Так что метит кинуть Урнов все-таки в самого поэта. Не довольно ли каменьев, которые швыряли в Пастернака в 1958 году, которые, в сущности, убили его?!

М. С. ЗАНАДВОРОВ, психолог
Москва.

ДВЕ ИСТОРИИ С ОДНИМ ИВАНОВЫМ

Кто не помнит этой фразы из ставшего классикой фильма — «На моей фамилии вся Россия держится». Да, фамилия одна из самых-самых... Но вспомнил я об этом тогда, когда шел в зал, чтобы голосовать против или, как сейчас выражаются, «отказать в доверии», одному очень известному Иванову. Шел и думал, что многое на этом Иванове держится, раз такой сыр-бор и такие страсти.

17 мая собрали на партактив, не объявив, впрочем, повестки дня, секретарей первичных парторганизаций Кировского райкома столицы. Это, значит, во вторник. Зачитали список из шести кандидатов в делегаты на XIX Всесоюзную партийную конференцию. Дали краткую характеристику каждому. Проинформировали. Ощущаете перестройку? Нет? Напрасно. И за это спасибо. Раньше такого не было. Секретари небольших первичных парторганизаций, где на учете десять — двадцать человек,— им ли кандидатов выдвигать при норме представительства одного от 3780? Разошлись, ни на что не надеясь и все понимая. Через день, это, выходит, в четверг, секретарей вдруг собрали снова и зачитали список длиннее на две фамилии. Одна фамилия: Игорь Михайлович Головков, первый секретарь Кировского РК КПСС — его без ложной скромности и недолго думая, выдвинул аппарат вверенного ему райкома, и писатель, а вернее в данном случае, журналист Иванов Анатолий Степанович, главный редактор журнала «Молодая гвардия». Его выдвинула парторганизация на закрытом собрании единодушно — в восемь голосов.

Секретари партийных организаций семнадцати уважаемых журналов — «Вокруг света», «Студенческого меридиана», «Молодого коммуниста», «Сельской молодежи» и других — смолчали. Да их и не спрашивали.

В свои законные выходные журналисты еще не знали, что их на XIX партконференции будет представлять Иванов. Однако в понедельник узнали, что уже в субботу его кандидатуру утвердили на пленуме РК, и стало им мучительно больно. Все-таки журналы ЦК ВЛКСМ... Несколько редакций провели партсобрания, где выразили недоверие лауреату Государственной премии СССР, депутату Верховного Совета СССР, Герою Социалистического Труда. А позже собрались на общее собрание трудовых коллективов журнальных редакций, Иванова здесь не было, он не мог: дела. Впрочем, его не было и тогда, когда его выдвигали восемь человек,— дело привычное. Можно же быть Иванову депутатом от Узбекской ССР, и ничего. Мало ли,что в Средней Азии самая высокая детская смертность, протекционизм и коррупция. И смертность, и коррупция — там, а писатель Иванов — здесь, в Москве.

Итак, собрались в зале 158 журналистов, сеющих разумное, доброе, вечное, перестроечное. Поезд уже шел, а они стояли на перроне. Все понимали, колеса стучат, но 158 еще на что-то надеялись.

Передо мной протокол собрания. Долго и мучительно прорывались к истинной демократии те, кто ежемесячно проповедует перестройку. Я думал, им будет легче. Но им, как и всему народу, тяжело выдавливать из себя по капле раба, выдавливать страх. Нет, никому еще как будто ничего не грозило. Но в воздухе уже витает сакраментальное: «положено — не положено». А если «положено», то кому? Восьми коммунистам из журнала «Молодая гвардия» положено, они организация, а 158 — из семнадцати журналов, из них пятидесяти коммунистам — «не положено»: они никто.

«Иванов занят, он обещал прийти на встречу 26 числа». «Редакция «Молодой гвардии» не дает адреса и телефона Иванова». «Этично ли обсуждать Иванова в его отсутствие?» «Этично. Мы обсуждаем не его личную, жизнь, а его общественно-политическое лицо».

Может, кто-то еще не бывал на таких собраниях, где готовы голосовать за все, за то, чтобы войти в зал и выйти, за то, чтобы поставить вопрос на голосование, а потом за сам вопрос. А вдруг кто-то придет и скажет: а была ли соблюдена у вас демократия?

Пять редакций журналов — «Комсомольская жизнь», «Ровесник», «Техника — молодежи», «Молодой коммунист», «Сельская молодежь» тут же зачитали свои постановления, где отказывали в доверии Иванову и выдвигали своего общего кандидата на XIX Всесоюзную партийную конференцию Олега Пощцова, главного редактора «Сельской молодежи», писателя. Из 158 — 143 проголосовали против Иванова, 10 человек — за и 5 воздержались. За Пощова подняли руки 139 человек. Против — 6 и 13 воздержались.

Да, демократии, выходит, сейчас перед конференцией две. И историй с Ивановым никак не меньше двух. В одной Анатолий Степанович Иванов, известный советский писатель, автор популярного, читаемого народом романа «Вечный зов», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, главный редактор журнала, был единодушно рекомендован делегатом на конференцию и утвержден райкомом с единодушного молчаливого одобрения партактива района.

Другая история — с другим Ивановым, автором многократно тиражируемого печатно и экранно романа века застоя, одним из авторов письма в «Огоньке» 1969 года, которое послужило началом разгрома «Нового мира» Твардовского. Этот Иванов, публично тосковал, что давно не было таких постановлений, как памятное 1946 года о журналах «Ленинград» и «Звезда»; да и редактирует он журнал, где то, что написано в известном письме Н. Андреевой, можно прочитать в каждом номере. И именно против этого Иванова голосовало собрание.

Я думаю, ночь с понедельника на вторник представителям той и другой демократии далась с известным трудом. Может быть, именно этой ночью у первого секретаря РК И. Головкова родилась идея провести «беседы» с секретарями, а одного, из «Сельской молодежи», вызвать на бюро и назвать «организатором антипартийной группировки». А. С. Иванов поддержал бы такую формулу.

Но утро вечера все-таки мудренее. Беседа в райкоме с секретарями журналов «Молодой коммунист», «Студенческий меридиан», «Сельская молодежь», «Ровесник» дала определенный эффект. Например, председатель общего собрания, он же секретарь одной из парторганизаций, подписывать протокол собрания отказался. Ни один главный редактор тоже не подписал, будто бы их там и не было. Но под решением собрания подписалось 124 человека коммунистов и беспартийных. Привожу его полностью, чтобы не было разночтений.

«1. Собрание отметило, что партийные организации, трудовые коллективы редакций не получили возможности встретиться с кандидатом в делегаты и обсудить его кандидатуру.

2. По мнению участников собрания, позиция А. С. Иванова как главного редактора «Молодой гвардии» не соответствует духу перестройки и не может выражать мнения большинства работников редакций журналов ЦК ВЛКСМ.

3. Собрание постановило: не поддерживать кандитатуру т. Иванова А. С. в качестве кандидата в делегаты XIX партконференции и проинформировать об этом вышестоящие партийные органы.

4. Собрание поддержало выдвинутую первичной партийной организацией редакции журнала «Сельская молодежь» кандидатуру главного редактора журнала т. Поцова О. М. в качестве кандидата в делегаты XIX Всесоюзной партийной конференции».

Копия этого решения была послана в райком и МГК партии.

26 мая бюро Кировского РК уже рассматривало вопрос в более мягкой формулировке, чем предполагалось вначале: о недисциплинированности секретарей первичных организаций ряда журналов. Как сказал один из членов бюро, «вы пошли на поводу у масс». Это ставилось в вину. Но, позвольте, разве не ради этого перестройка, чтобы наконец-то пойти на поводу у масс?

Аппаратная война эпохи перестройки — дело тонкое. Формально будто бы придраться не к чему. Мы ничего не знаем, оказывается, не обсуждали, а вам за проявленную непринципиальность по взысканию. Поезд уже идет. И делегат ваш, как был Иванов, так и остался, а вы на будущее ведите себя лучше, принципиальнее. Раньше оставляли на перроне без всяких объяснений, просто оставляли, и все, а нынче можно обвинить: что же вы молчали? Они молчали, потому что привыкли. Они привыкли, что демократия — это просто вежливое послушание, а не власть народа. Кто их к этому приучил?

Процедура говорит: закройте глаза и не смотрите на человека — вот его кресло, вот его пиджак со всеми регалиями. Голосуйте за него, а впрочем, можете и не голосовать, ведь молчание знак согласия.

Да или нет?

...На одном Иванове замешались две истории, две демократии. И всем нам надо выбирать.

Григорий КАКОВКИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда этот материал засылался в номер, еще не были известны результаты работы пленума МГК КПСС, на котором избирали делегатов от столичной организации на XIX Всесоюзную партийную конференцию. Но вне зависимости от того, будет ли среди них А. С. Иванов, случай с его выдвижением достаточно поучителен, показывая, что еще предстоит побороться за утверждение подлинной демократии,— за то, чтобы стала она нормой жизни.

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ КООПЕРАТОР

НЕТ, Я ОПРЕДЕЛЕННО НЕ УСПЕВАЛ ЗА ВЛАДИМИРСКОЙ СТАТИСТИКОЙ ПО КООПЕРАЦИИ. КОГДА В АПРЕЛЕ ПРИЕХАЛ В ЭТОТ СТАРИННЫЙ ГОРОД НА КЛЯЗЬМЕ, В ЕГО ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ ЧИСЛИЛОСЬ 49 КООПЕРАТИВОВ. СРЕДИ НИХ БЫЛ И НАБРАВШИЙ СИЛУ «ЭЛЕКТРОН». НО СОБЫТИЯ РАЗВИВАЛИСЬ БУРНО. ИМЕНИТЫЙ «ЭЛЕКТРОН» В ЧИСЛЕ ДРУГИХ ВОШЕЛ ВО ВНОВЬ ОБРАЗОВАННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВЛАДИМИР». А КООПЕРАТИВОВ В РАЙОНЕ СТАЛО УЖЕ 56! НА ОЧЕРЕДИ БЫЛИ И ЕЩЕ КАНДИДАТЫ.

Димитрий КЛЕНСКИЙ, Игорь ФЛИС (фото), специальные корреспонденты «Огонька»

...У «Электрона» — «Владимира» скоро новоселье. Резиденция выбрана удачно — рядом со знаменитыми Золотыми воротами в старинном купеческом доме. Руководители кооператива отнюдь не нувориши, помпезно подчеркивающие свой коммерческий взлет. Просто тесно стало в комнатке «четыре на четыре». В объединении — свыше пятисот человек. Портфель заказов на этот год достиг четырех миллионов! И это только по отделу строительства. Признание. Ни один Дед Мороз не сделает, чтобы за три часа до Нового года на дом явился телевизионный мастер из службы быта. А умельцы из «Владимира» закончили работу в последний день минувшего года в десять вечера, выполнив 36 заявок! Умение кооператоров работать качественно и быстро и — что во все времена ценилось — держать слово проявилось на сооружении городской поликлиники. Все причитающиеся деньги — без малого двадцать тысяч рублей — были перечислены на счет областного отдела здравоохранения. Жест, самореклама? Может быть. Но и факт!

Так же, как двести стиральных машин и холодильников, 450 электронных часов, столько же единиц бытовой электронно-вычислительной техники, триста швейных машин, более шестисот квартир, около трех тысяч телевизоров и радиоприемников, отремонтированных кооперативом. И все это — за первые полгода существования. Объединение предлагает сегодня населению более двадцати услуг. Надо заменить сантехнику? Пожалуйста. И так же скоры на руку, откликаясь на заказы по дизайну квартир и дач, на проектирование и изготовление мебели, кладку каминов и печей, ремонт роялей и пианино, лечебный массаж...

КТО КОМУ ПОДЧИНЯЕТСЯ?

— Фирма веников не вяжет,— шутит заведующий отделом ремонта радиотелевизионной аппаратуры С. Логачев,— а если вяжет, то только фирменные.

Оснований для хорошего настроения у Сергея Альбертовича достаточно. Рекламаций нет. Репутация добрая. Оно и понятно: работы производят только на дому, не отказывают, если просят, подлатать допотопный приемник или снятый с производства телевизор. Заказ выполняется в сроки, устанавливаемые клиентом. Он же назначает время визита. Единственное ограничение — мастер приходит не раньше, чем... на следующий день после вызова.

В рекламных проспектах объединения записано: «Кооператив работает с 9 до 21 часа без перерывов и выходных». Все в интересах клиентуры. Но и кооператоров заставляет что-то, кроме возможности заработать, фанатично посвящать себя делу, будто... Ну, скажем, словно на своем огороде возятся.

Каждый вечер в девять я уходил в гостиницу, а бухгалтер, пенсионерка К. Лебедева, и диспетчер Т. Докукина оставались в конторе. Обе — люди долга, но сами себе удивляются: «Засосал кооператив».

— Сколько прожила, а так ценить время никогда не умела, Татьяна вон сигарету даже выкурить забывает,— говорит Клавдия Алексеевна,— но более всего поражает другое — у нас все бухгалтеры: подсчитывают расходы и доходы, сопоставляют различные варианты — что выгоднее. Хозрасчет! К тому же есть возможность не только прилично заработать, но и чувствовать себя хозяином. Тут и реальный демократизм, наконец. Кооператив не повязан надуманными инструкциями. Такая свобода словно открывает «второе дыхание». У нас не издано еще ни одного приказа! Вопросы, даже самые серьезные, решаются с ходу и по возможности без бумаг. Недавно РСУ-1 отказалось от выгодного заказа — ремонта нескольких зданий из-за недоработок в проектно-сметной документации. Мы не стали артачиться — согласились. Разумеется, пришлось самим исправить ошибки в проекте, согласовать его. Но зато как радовался заказчик!

Кооператоры больше всего боялись создать (на свою же голову!) громоздкий аппарат управления. На 520 человек здесь насчитывается всего четыре начальника: председатель, заместитель, бухгалтер и диспетчер. На твердых окладах еще пять работников — главный энергетик, начальники стройгруппы и телемастерской, отделов снабжения и оргтехники. Но они кабинетов не имеют. В штате еще чуть более тридцати человек, выполняющих обязанности мастеров, бригадиров, начальников отделов. Они трудятся так же, как и все остальные 480 совместителей. И потому, когда начальник участка монтажа охранно-пожарной сигнализации, он же председатель ревизионной комиссии, А. Сидоров заспешил: «Могу опоздать, а то бригадир заругается»,— удивился только я. Начальник отдела, курирующий стратегию развития своей «отрасли», в текущих вопросах полностью зависит от бригадира, который начисляет к тому же ему зарплату. Да, начальники во «Владимире» все время на людях, остаются с ними на одной ступени социальной лестницы.

Председатель кооператива Николай Васильевич Пронский только что вернулся из командировки на Украину. Осенью прошлого года одна из газет рассказала о полном безразличии к изобретению киевлянина Р. Титаренко, предложившего проект поточной линии по производству мебели, собранной из оригинальных фигурных элементов. Их можно изготовить только с помощью станков и оборудования, сконструированных киевлянином. Вот и загорелись идеей создать цех мебели. Подписали договор с изобретателем. Задумка сулит немалые доходы и долгосрочные заказы. Мне показали один из образцов: балясину—столбик, которым поддерживают перила лестниц. Она была так искусно выточена (ручная работа?!), будто ее сняли со сказочного боярского терема. Не только дачники, но и реставраторы Владимира и Суздаля интересуются начинанием кооператива. Меня подкупило другое: инициатива «Владимира» не даст потухнуть другой инициативе.

БЕДНОСТЬ — НЕ ПОРОК?

Еще в Москве подслушал, как одна старушка втолковывала другой: «Кооператив — это где недоросли зашибают бешеные деньги». Наивно. И все-таки хотя за последнее время открыто против кооперативов выступают все реже, но озабоченности по поводу чужих высоких заработков часто не скрывают.

Безусловно, есть и кооперативы, которые организуются только для того, чтобы сорвать куш и закрыть лавочку. Но надо отдать должное смекалистости руководителей таких кооперативов-«бабочек». Они улавливают, что, пока их мало, можно оставаться монополистами и, нещадно взвинчивая цены, богатеть на пустом месте.

Не исключаю, что рвачи могут быть и среди полутысячного коллектива «Владимира». Люди есть люди. Подмечено, что в кооперативы приходят порой отъявленные проходимцы, шулера, причем их доля ничтожна, но в подавляющем большинстве — работники с превосходными данными.

Довелось быть свидетелем, как переживали в кооперативе «Владимир» из-за жалобы на оказанную услугу. Никто не искал виноватых на стороне, не занялся стряпанием «компромата» на заявителя. Брак был немедленно устранен, клиенту принесены извине-

ния. Предвижу возражение: что ж тут особенного? — за клиента, мол, держатся. Но что ж тут плохого? И, как говорится, пусть мне лучше улыбаются за чаевые, чем хамят бесплатно. Согласитесь, что в том сервисе, к которому мы приучены, такое не редкость.

С провинившимися в молодом кооперативе не нянчатся — их просто исключают решением собрания. Лозунг «Клиент всегда прав» воспринимается буквально. Кооператоры понимают: в городе они не одни, конкуренция — реальность. И стесняться нечего — учит рубль. Но не легкий, как примитивно представляют предубежденные.

Для справки: среднемесячный заработок в кооперативном объединении «Владимир» к апрелю составлял 350 рублей. Оплата производится по расценкам чуть бо́льшим, чем государственные. Доходы в среднем в полтора раза выше, чем по месту основной работы. Если допустить, что в обоих случаях затраты времени одинаковы, то понятно — в кооперативе человек успевает сделать в полтора раза больше. Условно во столько же раз выше интенсивность труда, во сколько раз он лучше организован.

Рассказали, как однажды бригада маляров — В. Романова, Н. Абросимова и Л. Гарьянова — устроила шум: «Пропал вечер!» Возмущались, будто на концерт эстрадной звезды не попали. Оказывается, подвел транспорт — узкое еще место. Не привезли на новый объект спецовки, инвентарь, материалы. Время — деньги?

Руководитель стройгруппы И. Севастьянов пояснил, что до внедрения хозрасчета в государственной стройорганизации приличную получку так или иначе получали все. Из-за нехватки рабочей силы прорабы «рисовали» зарплату даже нерадивому — а то уволится. Рубль такой — явно не заработанный. Тут попахивает даже своеобразным социальным шантажом. Но примечательно, что ценность подобного рубля долгое время мало кого волновала, а вот полновесный рубль кооператора многих сразу насторожил.

Интересная деталь — низкие заработки не вызывают сомнений в справедливости оплаты труда. Отчего так? Лентяи, неудалые люди, привыкшие к иждивенчеству как образу жизни, не мыслящие ее без уравниловки, обоснованно беспокоятся: в кооперативе сразу обнаружится, кто умеет и хочет работать, а кто нет. Иные же столоначальники опасаются социальной незащищенности, которую несет с собой кооперация. Ведь основа ее — демократические начала, инициатива, самостоятельность. Не рыть же себе яму, содействуя кооперативам,— так примерно рассуждают подобные чиновники и... ставят палки в колеса. Главное, бросить тень на все кооперативное движение. Отработанный бюрократией прием. Хотя ей прекрасно известно, сколько ворюг привечали до недавнего времени госпредприятия.

Сопротивляются кооперативам поразному. Распространяются слухи, будто они заламывают цены за ремонт телевизоров. Когда «Электрон» переименовали во «Владимир», его регистрировали заново. Заказали новую печать. Но нашелся клерк, который решил, что обойдется кооператив и простой печатью, без герба РСФСР. Хотя без такой символики финансовые документы не будут иметь силы. «Щекочут нервы» поразному. Всяческие инспекции, санэпидстанция придирчивы к кооперативам, требуя все по форме,— и это справедливо. Но удивительно их же безразличное отношение к нарушениям правил и требований в аналогичных ситуациях в отношении других предприятий, организаций и учреждений. Налицо явная предвзятость должностных лиц.

РУКОВОДИТЬ ИЛИ... ПОМОГАТЬ

Какой кооператив ни возьми, в каждом пока что царит многоотраслевое хозяйство. Что общего между ремонтом стиральных машин, утилизацией отходов, общепитом, когда они сведены под одну «крышу»? «Непорядок, анархия»,— ворчат иные. Но у второго секретаря Владимирского обкома КПСС С. Я. Иголкина на этот счет свое твердое мнение.

— Перемелется — мука будет. Автаркия, на мой взгляд, признак временной слабости кооперативов, они ведь только родились, опыта никакого. Люди опасаются, если сразу на чем-нибудь одном специализируются, могут и прогореть. Уверен, со временем кооперативы сами разберутся, что к чему. Конкуренция между ними только на пользу. Не исключаю в будущем создания узкоспециализированных кооперативных предприятий,— продолжал Сергей Яковлевич.— Вот упрекают кооперативы в стяжательстве — доходы в основном на оплату труда переводят. Фонды развития у них сегодня действительно на нуле. Не спешат расширять дело. Но опять, не в обогащении только дело, помоему, это и признак неуверенности в своем будущем. Устранить эту робость и ее причины — вот задача. Первое — надо научить всех считаться с кооперативами, уважать их юридическое лицо. Второе — бороться с теми, кто противодействует созданию кооперативов, их начинаниям. И третье — меньше руководить в привычном смысле этого слова, то есть меньше использовать привычную формулу — «запрещать». Кооперативам нужна реальная повседневная помощь. Важно содействовать им, создавать «режим наибольшего благоприятствования». Можно пойти и дальше... Скажем, почему бы не взять на себя инициативу и поручить перевести отстающий участок или цех какого-нибудь предприятия на кооперативные начала? Важно показать, что кооперативы и госпредприятия существуют на равных правах. Нечего бояться и конкуренции.

А если придется распустить обанкротившийся кооператив?.. Но это не страшно. Люди найдут работу в другом кооперативе или на заводе. Государство только выиграет, потеряют те, кто сработал хуже. Вот она, социальная справедливость. Хуже сработал, хуже будешь и жить. И наоборот. Круг замкнулся. Кстати, мы уже имеем пользу от кооперативов — за неполный 1987 год в городе отремонтировано в десять раз больше квартир, чем за предыдущий год.

...Мне долго не удавалось приступить к беседе с заведующим финансовым отделом Ленинского райисполкома А. Протасовым. И не потому, что хозяин кабинета уклонялся от разговора, постоянно звенел телефон, то и дело входили посетители. Говорили только на одну — «кооперативную тему». Запомнился визит двух женщин — школьных завхозов Т. Корзиной и В. Барышниковой из города Судогда. Школы много лет не дождутся ремонта. Лопнуло терпение, как они объяснили, вот и обратились к кооперативу.

Когда женщины вышли, Александр Борисович заметил: «Обратная связь стала действовать. Признали».

Кооператоры тепло отзываются о его работе, способности понимать и помогать в их нуждах. По должности призванный «контролировать и привлекать», он стал настоящим районным советником по кооперативам. Его заботит, что их руководители юридически, а порой и экономически безграмотны.

Местными Советами организуются выставки-консультации. Их цель — подсказать сферы приложения сил кооперативов, где и как изыскивать сырье, оборудование, помещения. И еще. В план «мероприятий» здесь полноправно вошли и специальные семинары для руководителей предприятий и организаций, а также партийных, советских и хозяйственных работников, участники которых знакомятся с различными сторонами деятельности кооперативов.

«ЖИВЫЕ» ДЕНЬГИ

Хватает и препон. Осознание политического значения кооперации, напористость в оказании ей помощи заметно ослабевает, если спускаться по иерархической лестнице областного управления. Заведующий отделом облисполкома Ю. Перфилов возмущается тем, что кооперативному справочно-информационному центру разрешено заниматься трудоустройством населения. Услугу кооператива он называет «кустарной деятельностью». Для прикрытия своей позиции ссылается на постановление, в котором сказано, что трудоустройство должно быть сконцентрировано в общегосударственной системе. Да, но это никак не означает запрета. Однако руководитель неумолим: «Запретить!» К счастью, в обкоме иного мнения — не видят оснований для паники. Зато признают, что государственное Бюро по трудоустройству, находящееся в ведении Ю. Перфилова, действует вяло. Короче, типичный пример бюрократа, активного лишь в борьбе с теми, кто обнаруживает его бездеятельность.

Во Владимире нет ни одного самостоятельного кооператива. Все в обязательном порядке закрепляются за каким-нибудь предприятием или организацией. Объясняют это тем, что «спонсор» призван помогать. Но это эфемерно. Неудивительно, кооперативы занимаются самой разнообразной деятельностью и, как правило, ничего общего не имеют со спецификой предприятия-шефа. Когда кооператив переименовали, он стал объединением. Это не игра слов, подчеркивалась его самостоятельность, но то ли испугались «независимости», то ли сработал канцелярский инстинкт: кабы чего не вышло, но нашли и нового «крестного отца» — горжилуправление. Зачем такая опека? — недоумевают.

Или другой пример. Председатель Ленинского райисполкома Е. Никонов, так много сделавший для становления кооперативов во Владимире, категорично возражает против оказания ими услуг предприятиям и организациям. Кооперативы, мол, отвлекают с предприятий рабочих и служащих. Вряд ли это можно считать серьезным. Ведь по всей стране идет сокращение штатов. К тому же никто не отменял положения о приравнивании кооперативов к предприятиям и организациям. Но кто-то здесь даже лимит придумал: отвлекать в кооператив из госсектора не более двадцати процентов работников. Почему 20, не больше и не меньше?

И еще довод. Безналичные деньги со счетов предприятий перекачиваются в карманы кооператоров, становятся «живыми». Это якобы сказывается на так называемом кассовом плане, за которым бдит банк. Планы эти повсеместно годами не выполняются. Выплачиваемые населению деньги в виде заработной платы бухгалтериям выдает банк. Естественно, он ждет возврата денежных знаков на ту же сумму после оплаты населением услуг, товаров, платежей. Но возвращается всегда меньше. Часть денег оседает на сберкнижках. Известно почему — товаров и услуг не хватает или они не удовлетворяют качеством.

В Ленинском райисполкоме посчитали, что соль на рану подсыпают кооперативы. Пренебрегая установленным в стране порядком, тут распорядились урезать доходы кооперативов, полученные от предприятий, организаций и учреждений. (Этим как бы ориентируется и кооператив: мол, главное, обслуживание населения. Но кому же, если не людям помогают кооперативы, ремонтируя школы, ясли-сады, поликлиники.) Вообще возникает нелепая ситуация. Для того, чтобы кооперативы могли окрепнуть, создать прочный фонд развития, государство распорядилось в первый год их существования отчислять в бюджет до трех процентов доходов и только через два года взыскивать по десять. Но в Ленинском райисполкоме самовольно установили для всех «потолок» по высшему пределу. Неизвестно, скажется ли это на кассовом плане, но финансовый удар кооперативам наносится весьма ощутимый.

— Рубят под корень,— говорили мне по этому поводу.— Удивляет еще, что у многих руководителей нет вкуса к анализу эффективности деятельности кооперативов, сравнению экономической и трудовой деятельности человека по основному месту работы и в кооперативе. А время требует этого!

ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ КООПЕРАТОР

Одно из самых сильных впечатлений, вынесенных из этой командировки,— сами кооператоры. Председатель «Электрона», а затем и «Владимира» Н. Пронский работал электриком. Но в кооперативе сразу был признан лидером: организаторский талант его бесспорен. Николаю Васильевичу уже предлагали даже возглавить один из трудовых коллективов города. Хотя известно было, что в прошлом его дважды увольняли. Выход на арену руководителей типа Пронского для многих — открытие. Время выдвигает тысячи и тысячи инициативных людей, способных возглавить большое дело, повести за собой коллективы. В годы застоя многие из них не могли проявить свой потенциал. К ним относится и Николай Пронский.

Трудное было у него детство. Вырос без родителей. Всего добивался сам. Занимался тяжелой атлетикой, увлекался поэзией, даже в Литературный институт готовился. Но отступал от цели каждый раз без колебаний, когда убеждался, что максимума ему не достичь.

— Год назад понял,— рассуждает собеседник,— пришло мое время.

Прежде чем создать кооператив, Николай Васильевич изучил материалы последнего съезда партии, съездил в Москву, в Президиум Верховного Совета СССР, где в юридическом отделе познакомился со всеми документами, принятыми по кооперативам. И когда убедился, что затевается все серьезно, не раздумывал. Он терпеть не может, когда решение принимают «десять раз по одной десятой».

— Подкупает меня ленинская формулировка «цивилизованный кооператор»,— продолжает Н. Пронский,— а ведь многие, в том числе и руководители, смотрят на нас, как на лавочников.

Он смотрит вперед, предвидит сотрудничество кооператоров. Убежден, что городской совет кооперативов (его идея!) сможет взять на себя в определенных рамках регулирование цен на продукцию, должен иметь при себе юридическую консультацию, заинтересован в собственной торговой сети, будет выпускать информационный листок, отстоит социальные интересы кооператоров в строительстве жилья, детсадов, учебных комбинатов, санаториев.

— Главная цель совета,— говорит Н. Пронский,— в том, чтобы поднять престиж кооператоров, уровень их «цивилизованности».— И продолжает: — В кооперации все серьезно. Мы не имеем права проиграть. Для меня именно кооперация и есть революционность перестройки.

Планы, планы... Уже есть договоренность, что у Черного моря объединение получает участок под коттеджи, наменена командировка специалиста кооператива в соцстрану — прорабатывается внешнеэкономическая деятельность (как и положено в солидной фирме, планы эти хранятся в тайне), обсуждается, каким будет кооперативный банк во Владимире, как выпускать акции... Фантастика? Поживем — увидим.

Увидим!

Владимир

ОСТОРОЖНО: ПР

ИСТОРИЯ УБЕДИТЕЛЬНО ОТВЕТИЛА НА ВОПРОСЫ, КОМУ И ЗАЧЕМ НУЖНЫ БЫЛИ ЖУТКИЕ ПОГРОМНЫЕ ПРИЗЫВЫ ВО ИМЯ «СПАСЕНИЯ РОССИИ», КТО И КОГДА РАСПРОСТРАНЯЛ МИФ О ТОМ, ЧТО БЕДЫ РОССИЙСКИЕ ИСХОДЯТ ОТ ЕВРЕЕВ. РАЗЪЯСНЯЯ ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АНТИСЕМИТИЗМА В ЦАРСКОЙ РОССИИ, ЛЕНИН УКАЗЫВАЛ: «НЕНАВИСТЬ ЦАРИЗМА НАПРАВИЛАСЬ В ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ЕВРЕИ ДОСТАВЛЯЛИ ОСОБЕННО ВЫСОКИЙ ПРОЦЕНТ (ПО СРАВНЕНИЮ С ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТЬЮ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ) ВОЖДЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ. И ТЕПЕРЬ ЕВРЕИ ИМЕЮТ, КСТАТИ СКАЗАТЬ, ТУ ЗАСЛУГУ, ЧТО ОНИ ДАЮТ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЫСОКИЙ ПРОЦЕНТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО ТЕЧЕНИЯ ПО СРАВНЕНИЮ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЦАРИЗМ УМЕЛ ОТЛИЧНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ГНУСНЕЙШИЕ ПРЕДРАССУДКИ САМЫХ НЕВЕЖЕСТВЕННЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ» (В. И. ЛЕНИН, ПСС, т. 30, с. 324).

В. И. ЛЕНИН И ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ ВСЕГДА ВЕЛИ НЕПРИМИРИМУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ АНТИСЕМИТИЗМА И ДРУГИХ ФОРМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ. В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВТОРОЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ПРИНЯЛ ПОСТАНОВЛЕНИЕ, ТРЕБОВАВШЕЕ «ПРИНЯТЬ НЕМЕДЛЕННО САМЫЕ ЭНЕРГИЧНЫЕ МЕРЫ К НЕДОПУЩЕНИЮ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ, «АНТИЕВРЕЙСКИХ» И КАКИХ БЫ ТО НИ БЫЛО ПОГРОМОВ». ГЛУБОКО СИМВОЛИЧНО, ЧТО В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, КОГДА БЫЛИ ПОДПИСАНЫ ДЕКРЕТЫ О МИРЕ И ЗЕМЛЕ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПРОВОЗГЛАСИЛА: «ЧЕСТЬ РАБОЧЕЙ, СОЛДАТСКОЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТРЕБУЕТ, ЧТОБЫ НИКАКИЕ ПОГРОМЫ НЕ БЫЛИ ДОПУЩЕНЫ». О ТОМ, СКОЛЬ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИДАВАЛОСЬ ЭТОМУ ВОПРОСУ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ И ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА ОТ 25 ИЮЛЯ 1918 ГОДА ЗА ПОДПИСЬЮ В. И. ЛЕНИНА, ОБЪЯВЛЯВШЕЕ «АНТИСЕМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ... ГИБЕЛЬЮ ДЛЯ ДЕЛА РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» И ПРЕДПИСЫВАВШЕЕ МЕСТНЫМ СОВЕТАМ РЕШИТЕЛЬНО ПРЕСЕКАТЬ АНТИСЕМИТИЗМ, А ВЕДУЩИХ ПОГРОМНУЮ АГИТАЦИЮ СТАВИТЬ ВНЕ ЗАКОНА.

Владимир НОСЕНКО,
Сергей РОГОВ

Процветавшее у нас не одно десятилетие конъюнктурное переписывание истории и ее грубая вульгаризация не могут исчезнуть сразу и бесследно. Поэтому часто приходится сталкиваться с бурным негодованием тех, у кого нежелание смотреть правде в глаза преобладает над потребностью в исторической правде. И пока мы не избавимся от вольного обращения с историей, будут сохраняться лазейки для самых невероятных псевдоисторических домыслов, когда сложным и противоречивым событиям дается упрощенная, а иногда и просто фальсифицированная трактовка. Есть и такие, кто хотел бы погреть на этом руки, заработать политический капитал. Поэтому неудивительно, что сейчас, когда в обществе происходит сложный, а порой и болезненный процесс ломки устаревших догм и переосмысления прошлого опыта, время от времени начинают распространяться в виде слухов и сплетен, казалось бы, давно умершие мифы, оставившие свой черный след в истории. Причем такие мифы, которые несут немалый заряд неприкрытого национализма и шовинизма. Более того, те, кто пытается раздувать подобные настроения, бесстыдно именуют себя «сторонниками перестройки».

Так, некоторые, в частности, связанные с объединением «Память», лица объявляют, что чуть ли не всеми событиями в мире закулисно управляют законспирированные заговорщики, которые действуют через своих секретных агентов и ничего не подозревающих простаков, ставших их слепыми орудиями. Как и полагается по «теории заговора», таинственные злодеи рвутся к мировому владычеству, для чего собираются методично вести к гибели наше государство.

Кому же на этот раз предназначена роль законспирированных «врагов народа» и их приспешников? Оказывается, смертельная угроза нашему обществу исходит от всемирного еврейского заговора. Вот и призывают самозваные «патриоты» спасать Россию... Ну а в качестве козырной карты, решающего аргумента в пользу немедленных действий преподносятся потрясающие воображение «документы» — «Протоколы Сионских мудрецов». Так, к сожалению, одна из черных страниц нашей истории ловко выдается за «белое пятно», и вместо исторической правды нам подсовывается разоблаченная еще много лет назад подделка.

Что же представляют собой «протоколы»? Сюжет их незамысловат. Таинственный руководитель заговора на неизвестно где и когда состоявшемся совете информирует своих сообщников о детально разработанном плане установления мирового господства. Текст разбит на 24 протокола, посвященных разным темам. Уже при первом знакомстве с этой брошюрой возникает ощущение кошмара апокалипсических пропорций, чудовищная гротескность которого нагнетается от страницы к странице. Из текста следует, что, дескать, уже много веков существует всемирный заговор, цель которого состоит в установлении еврейского «сверхправительства». Способы достижения этой цели сводятся к инспирированию революций, беспорядков, бунтов, к разжиганию классовой борьбы, к разложению населения путем его спаивания.

Согласно «протоколам» выходит, что объективных исторических законов развития человечества просто в принципе не существует, а все события в мире, включая смены социально-экономических формаций, являются делом ума и рук коварных заговорщиков. Оказывается, именно они вызвали к жизни с помощью демократических лозунгов классовую борьбу во всем мире, чтобы повсеместно насадить перманентную политическую напряженность, вызвать революции.

История фабрикации «протоколов» весьма запутанна. Раскрыть эту историю в ее полном виде стало возможно только после Октябрьской революции. Среди извлеченных из тайников царской охранки секретных архивов оказались и документы, приподнимавшие завесу «таинственности» над происхождением «протоколов». В дальнейшем, когда эту фальшивку в двадцатые годы взяли на вооружение рвавшиеся к власти в Германии нацисты, в Западной Европе люди различных политических убеждений, но объединенные общей неприязнью к фашизму, стали собирать буквально по крохам свидетельства и факты, которые наконец позволили воссоздать историю создания «протоколов» во всех основных деталях. Вот как она выглядит.

С восшествием на престол в России в 1894 году Николая II ультраконсервативная часть придворных кругов испугалась, что слабовольный царь не сможет править такой же железной рукой, как его отец Александр III. Учитывая склонность Николая к мистике, в этих кругах решили припугнуть его неким секретным и исходящим из-за границы заговором против самодержавия, к которому причастны чуть ли не сатанинские силы. Отвлекаясь от темы, хотелось бы заметить, что в России самые не совместимые друг с другом и по времени, и по своему социальному положению общественные круги почему-то временами испытывают совершенно непонятное пристрастие награждать эпитетом «сатанинский» любое неугодное им явление, будь то либерализм в прошлом или рок-музыка в настоящем. Что касается выбора сатанинских сил в те времена, то эта задача особого труда не составляла. Юдофобство династии Романовых сразу определило на эту роль евреев. Самое распространенное при царском дворе мнение сводилось к тому, что евреи являются внутренними врагами, а их связь с заграницей очевидна — во многих странах есть еврейские общины. Состряпанные свидетельства должны были окончательно убедить Николая в необходимости самых суровых мер не только против революционного движения, но и вообще против либерализма.

К 1895 году в Департаменте полиции был сочинен первый вариант свидетельств под названием «Тайна еврейства». Здесь вовсю проповедовалась идея зловещего альянса евреев и масонов, «уже поднимающего революционную волну в России». Однако этот опус отличался такой примитивностью, что окружение царя сочло преждевременным показывать его Николаю. За разработку более надежного варианта взялся глава заграничной охранки в Париже П. И. Рачковский*.

В основу нового варианта свидетельств «еврейского всемирного заговора» была положена давно забытая книга Мориса Жоли «Диалог в аду между Монтескье и Макиавелли» (1864 год). Книга была написана в форме едкого памфлета, направленного против Наполеона III, деспотические замашки которого автор довел до гротеска и передал в форме высказываний Макиавелли, цинично поучающего Монтескье основам тиранического правления в ходе их разговора в загробном мире. При сравнении текстов обнаруживается, что составители «протоколов» буквально целыми страницами списывали у Жоли, хотя тот вообще даже не упоминал евреев. Почти без изменений взята структура — 25 диалогов превращены в 24 протокола. В 9 протоколах заимствования из диалогов составляют более половины текста, а 7-й протокол списан почти целиком. Всего 1040 строк из 2560 использованы без всяких изменений. Иногда переписчик слепо повторял опечатки оригинала. Был и ряд других западных источников, вдохновлявших авторов фальшивки. Например, книги аббата Шаботи «Евреи наши хозяева» (1882 г.), Э. Дрюмона «Еврейская Франция» (1886 г.), Г. Гёдше «Еврейское кладбище в Праге» (1872 г.) и др. Таким образом, «протоколы» являются не только подлогом, но и плагиатом, бессовестным переписыванием западноевропейских источников. Для разжигания погромных настроений царская полиция нередко прибегала к фабрикациям «собственными силами» юдофобских опусов вроде «Книги кагала» Я. Брафмана (1869 г.) и «Талмуд и евреи» И. Лютостанского (1879 г.). Однако в сравнении с западноевропейскими «исследованиями» аналогичного содержания, отличавшимися изощренной фальсификацией, эти подделки оставались жалким чтивом, пригодным лишь для городовых и урядников.

Поскольку предыдущая попытка напрямую ознакомить царя с подобной фальшивкой — «Тайной еврейства» — окончилась неудачей, организаторы провокации решили на этот раз действовать таким образом, чтобы у Николая не закралось подозрений относительно причастности полиции к «протоколам». Известие о «всемирном еврейско-масонском заговоре» могло сильно подействовать на царя только в том случае, если бы оно было доведено до него одним из тех «ясновидцев» и «божьих людей», которым он доверял безгранично. Удобный случай предста-

* Рачковский П. И. (1853—1911) — дворянин, поступил на службу в полицию в 1879 г., «обучение» проходил в качестве помощника у известного провокатора полковника Судейкина. В 1881—1882 гг. активно участвовал в «Священной дружине» — тайной монархической организации, созданной в целях защиты трона после убийства Александра II. С 1885 г. возглавлял заграничную агентуру Департамента полиции со штаб-квартирой в Париже, которая занималась слежкой за русскими политическими эмигрантами. Будучи ярым антисемитом, Рачковский изобрел целую теорию «еврейского руководства» всеми революционными движениями в мире. Эту идею он постоянно проводил в своих официальных донесениях в Петербург и в многочисленных «публицистических» опусах, которые печатал в европейской прессе под различными псевдонимами. Рачковский был одним из главных закулисных инициаторов создания «Союза русского народа», а затем и его «боевых» дружин, формировавшихся из уголовников и других отбросов общества.

...ровокация!

КОМУ НУЖНЫ ЧЕРНОСОТЕННЫЕ МИФЫ

вился в связи с одной из дворцовых интриг, когда из-за близости к Николаю французского лекаря-шарлатана, «экстрасенса», да к тому же и масона, Филиппа Низье-Вашо столкнулись две придворные партии. Вдовствующая императрица Мария Федоровна начала подыскивать для своего сына такого духовника, с помощью которого она могла бы вести борьбу против «сатанинского иностранного духа». Ее внимание привлек С. А. Нилус*.

Организаторы всей этой провокации с «протоколами» передали их текст Нилусу с тем, чтобы «обогащенное» второе издание его книги произвело соответствующее впечатление на царя. Он, видимо, сделал и свои вставки, в частности с прославлением земельной аристократии, к которой принадлежал по происхождению. Книгу Нилуса в разгар революции 1905 года напечатали в типографии при императорской резиденции в Царском Селе, с ней ознакомился Николай II, оставивший на полях собственноручные пометки вроде: «Не может быть сомнений в подлинности», «Какая глубина мысли».

С высочайшего благословения охранка под руководством вернувшегося в Россию Рачковского начала массовое тиражирование черносотенных писаний. Неизгладимое впечатление оставили «протоколы» у составителей второй программы «Союза русского народа», о чем можно судить хотя бы по такому перлу: «Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих «манифестах» и прокламациях,— переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России — с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг царя и родины,— все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги».

Широкая публикация «протоколов» поставила вопрос об авторстве. Выдвинутые Нилусом и другими издателями многочисленные и противоречащие друг другу версии создали полнейшую неразбериху в этом вопросе, что, естественно, порождало сомнения в подлинности «протоколов» даже среди тех, кто по своим черносотенным убеждениям хотел верить в каждое их слово. В качестве авторов предлагались то руководители созданного в 1860 году международного еврейского филантропического общества «Всемирный альянс исраэлитов» со штаб-квартирой в Париже, то иудейский царь Соломон, еще за девять столетий до нашей эры якобы составивший рассчитанный на три тысячелетия план установления мирового господства евреев. Возникали и другие, не менее бредовые версии. Спустя десяток лет после первых публикаций «протоколов» Нилус попытался приписать их авторство Т. Герцлю и другим участникам первого сионистского конгресса в 1897 году в Базеле. Правда, полицейские агенты, присутствовавшие на этом и других конгрессах, опровергали в своих донесениях в охранку наличие у сионистов столь грандиозных планов «всемирного господства».

Возникает закономерный вопрос: верило ли в подлинность протоколов само царское правительство?

В 1909 году возглавлявший Совет министров педантичный П. А. Столыпин поручил провести тщательное расследование происхождения «протоколов» и путей их проникновения в Россию. Результаты оказались столь ошеломляющими, что Столыпин вынужден был доложить об этом царю. Весьма расстроившийся по этому поводу Николай приказал хранить итоги расследования в тайне, и только после революции они были обнаружены в архивах Департамента полиции. Доподлинно зная перипетии фабрикации «протоколов» и отдавая себе отчет в полной абсурдности всего их содержания, царские власти тем не менее продолжали поощрять «Союз русского народа» в использовании этой фальшивки для организации еврейских погромов.

В годы гражданской войны в лагере контрреволюции состоялась реанимация «протоколов» — уж очень они были пригодны с их идейками насчет «еврейского характера» любой революции. Оказавшиеся в белогвардейских штабах лидеры черносотенства начали раздувать миф о жидо-большевистском заговоре, который вполне соответствовал тогдашним настроениям русской контрреволюции. Таким образом, если в годы первой русской революции «протоколы» использовались для инспирирования еврейских погромов и дискредитации всех выступавших против самодержавия общественных сил, то после Октября 1917 года их распространение преследовало в первую очередь цель ведения антибольшевистской пропаганды. Массовое тиражирование этой фальшивки в 1919—1920 годах и соответствующая обработка с их помощью белогвардейских армий повлекли за собой многочисленные погромы.

В багаже белой эмиграции «протоколы» переместились в Западную Европу, где хотя и имелась в достатке собственная антисемитская литература, но этот ее шедевр еще не был известен. В условиях царившей в тот период на Западе антисоветской истерии пресса не брезговала даже самыми бредовыми фальсификациями, и, конечно, идея жидо-большевистской угрозы для всего мира пришлась ей по душе. К «протоколам» стали проявлять интерес и некоторые государственные деятели, которым эту фальшивку подсовывали разведывательные учреждения их стран.

Тем, кто по наивности или незнанию еще готов принимать на веру цитируемые экстремистами из «Памяти» «протоколы», не худо бы знать, что от этой фальшивки в восторге был Гитлер, а сфабрикованный на ее основе миф о нависшей над «цивилизованным миром» еврейско-большевистской опасности стал краеугольным камнем идеологии национал-социализма.

В нацистской Германии «протоколы» сыграли роль «идейного обоснования» для «окончательного решения еврейского вопроса», приведшего на практике к геноциду миллионов невинных людей. Гитлера совершенно не интересовал вопрос о достоверности «протоколов». Ему нужен был «миф XX века», чтобы представить взбесившемуся обывателю «конкретных виновников» обрушившихся на них в годы Веймарской республики бедствий — евреев, масонов, коммунистов. «Протоколы Сионских мудрецов» были идеальным средством для этой цели.

Современные антисемиты, как и их предшественники, утверждают подлинность «протоколов» главным образом за счет ссылок на их внутреннюю правду. В чем же они ее видят? Естественно, сколько-нибудь серьезных фактов в пользу существования сионистско-масонского заговора нет и быть не может, но как раз в этом приверженцы столь фантастической версии и видят ее подтверждение — ведь заговор-то секретный и потому недоказуемый, а кто его станет отрицать, тот уж, несомненно, заодно с заговорщиками.

Какая же удобная и пригодная на все случаи жизни эта теория заговора! Оказывается, мы не несем ответственности ни за наши прошлые, ни за нынешние ошибки, мы всего лишь несчастные жертвы злого умысла «инородцев». Так и собственная спесивость ублажена и требуемое объяснение готово! Как просто — достаточно лишь слепой веры в происки каких-то злодейских сил, и все сложнейшие вопросы сразу проясняются. Любые экономические неурядицы и политические потрясения, падение нравов (алкоголизм, проституция, наркомания) — буквально все, что тревожит и будоражит людей,— все это дело рук гнусных заговорщиков. Именно поэтому теория заговора на протяжении истории не раз становилась инструментом возбуждения массовой истерии против затаившихся «врагов народа», средством воздействия на сознание обывателя, чувствующего себя беззащитным и беспомощным в водовороте исторических событий. И как легко эта теория превращала запуганных одиночек в марширующую толпу, в бездушных винтиков!

Даже беглое знакомство с историей «протоколов» неизбежно порождает вопрос: в каких целях затеяли вокруг них возню ретивые поборники «исторической правды» из рядов общества «Память», прикрывающиеся высоким званием патриотов? Какой моралью, какими нравственными ценностями они руководствуются? Что это — преднамеренная консервация тех упущений и промахов, которые были допущены в вопросах национальной политики в нашем недавнем прошлом? Или попытка отвлечь от начавшегося процесса духовного обновления общества накопившийся огромный потенциал духовных сил, который оставался нереализованным в годы застоя?

Попытки реанимировать «Протоколы Сионских мудрецов» — это предательство памяти тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за идеалы социализма. Нельзя не помнить о том тяжелом уроне, который нанес нашему обществу отход от ленинских принципов в национальной политике, будь то национальный нигилизм или кампания по разоблачению «безродного космополитизма».

Сохраняющиеся «белые пятна» нередко заполняются всяческими антиисторическими домыслами. Отсюда и шараханья — от исторической беспамятности до гипертрофированного патриотизма, а на деле — шовинизма и национализма, ведущих к таким уродливым формам национальной нетерпимости, как антисемитизм и сионизм.

Действительная борьба против сионистской идеологии и политической практики не должна иметь ничего общего с шовинистическими измышлениями. Такая борьба требует разоблачения любых попыток возродить антисемитские предрассудки. Игнорирование этого принципиального требования и позволило вынырнуть на поверхность разоблаченной историей фальшивке — «Протоколам Сионских мудрецов».

К сожалению, в недавнем прошлом в работах некоторых советских авторов критика сионизма не всегда велась с классовых позиций. Научный анализ подменялся двусмысленными намеками, зачастую смешивались понятия «еврей» и «сионист». Антисемитизм и его социальные корни в ряде таких публикаций обойдены молчанием или получили неверную оценку. Минский автор В. Бегун дошел до того, что изобразил погромы «стихийным ответом порабощенных слоев трудового народа на варварскую эксплуатацию со стороны еврейской буржуазии». Такой подход только играет на руку сионистской пропаганде, раздувающей миф об «официальном антисемитизме в СССР».

В целом ряде статей и брошюр в преувеличенном виде изображается влияние сионистских организаций, действующих в капиталистических странах. С помощью подтасовок и фальсификаций протаскивается мысль о том, что евреи-сионисты и масоны захватили ключевые позиции на самом Олимпе политической власти и посему вся внешняя и внутренняя политика западных государств подчинена не интересам их правящих классов, а задаче установления всемирного сионистского господства. Одним из проявлений этого мифотворчества стала псевдонаучная концепция доминирующей и направляющей роли сионистов в системе империализма.

Скорые на самые безответственные выводы экстремисты из «Памяти» и близкие им деятели переиначили этот миф на российский лад в угоду своим шовинистическим устремлениям. Теперь они пытаются убедить всех в том, что в ошибках, перегибах и преступлениях, имевших место в советской истории как в годы культа личности, так и в период застоя, повинны исключительно «сионисты» (то есть лица вполне определенной национальности), а также их приспешники — «вольные каменщики», они же «дети вдовы», они же «строители Храма Соломона»... В своем выявлении «врагов народа» при помощи пятого анкетного пункта экстремисты не ограничиваются экскурсами в недавнюю или отстоящую от нас на десятилетия историю. Особенно сегодня всех, кто не разделяет воззрений лидеров «Памяти», они без колебаний зачисляют опять либо в сионисты, либо в масоны.

Социалистический патриотизм, историческая память и нравственные императивы требуют сегодня не только возрождения глубинных народных традиций и незаслуженно забытых имен. Нельзя допускать, чтобы под видом борьбы с беспамятством шло распространение «синдрома иммунного дефицита» в отношении национальной вражды.

---

* Нилус С. А. (1862—1929 гг.) родился в Орловской губернии в семье богатого помещика. Окончил Московский университет, владел французским, немецким, английским языками. Прослужив недолго в судебных органах на Кавказе, он уехал во Францию, где обосновался в фешенебельном курорте Биарриц. К 1900 г. доставшееся ему в наследство родовое имение не выдержало расходов на дорогостоящее французское житье, было продано, а самому владельцу пришлось вернуться в Россию. Пережитый Нилусом финансовый крах в корне изменил его мировоззрение. Прежние либеральные настроения с оттенком анархизма уступили место ультрамонархическим взглядам и фанатичной религиозности. Странствуя по русским монастырям, он написал и издал в 1901 г. книгу «Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность», в которой красочно описал сошедшее на него, атеиста в прошлом, «божественное просветление». В 1902 г. книгу заметили некоторые члены царской семьи и, чтобы ввести Нилуса в придворные круги, устроили его брак с одной из фрейлин, Е. Озеровой. Присущий Нилусу патологический антисемитизм породил у него манию преследования и постоянный страх перед мерещившимися повсюду агентами «Сионских мудрецов».

Еще в 1902 г. в Петербурге он познакомился с Рачковским. Нилус не скрывал того, что именно глава заграничной агентуры был «первооткрывателем» протоколов, которые он якобы раздобыл с риском для себя в Париже.

НА ВЫСТАВКЕ В МУЗЕЕ А. С. ПУШКИНА ЕСТЬ АВТОПОРТРЕТ 1918 ГОДА — РИСУНОК В ЗЕРКАЛЕ, ПРОФИЛЬ С ПОДГЛЯДЫВАЮЩИМ ЗА СОБОЙ ГЛАЗОМ: ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕВОЧКА-ХУДОЖНИК НЕПРЕКЛОННО ВЕРИТ В СЧАСТЬЕ. КИСТЬЮ, ПАЛОЧКОЙ, КУСОЧКОМ ФЕТРА, ОБМАКНУТЫМ В ТУШЬ, РАБОТАЛА ТАНЯ ЛЕБЕДЕВА, ПРЕДВОСХИЩАЯ НОВЫЕ ТЕХНИКИ РИСУНКА? НЕВАЖНО. УЖЕ ТУТ ЧУВСТВУЕМ МЫ СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ ЕЕ ЛИНИИ, МГНОВЕННОЕ УСИЛИЕ ДУШИ И ТВОРЧЕСКОЙ ВОЛИ, КОТОРОЕ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ ХУДОЖНИЧЕСКИМ КАЧЕСТВОМ БУДУЩЕЙ МАВРИНОЙ.

МАВРИНА У СЕБЯ ДОМА

Александра ПИСТУНОВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Лето тридцать девятого года — первое, которое я отчетливо помню. Сестрорецк, пляж у Финского залива, где с мальчиком Женей мы лепим замок. Кто-то наступил на его башню и громко шепчет женщине в черном сатиновом купальнике: «Смирнова, беги домой, мужика твоего выпустили».

— О чем плачешь? — говорит мне няня Анна Васильевна.— Построите завтра свой замок. Человека выпустили. Ты понимаешь?

«И дядю выпустят?» — спрашиваю я, глядя, как Смирнова на бегу натягивает платье на все мокрое. Анна Васильевна не отвечает. Она подбирает полотенце, бутылку с фаянсовой пробкой, тапочки, которые забыла Смирнова... «Где ее найти, ребятишки? Лосевые тапочки забыла».

Смирнову мы находим через несколько дней в поселковой бане. Я в бане впервые, до этого меня мыли в синем тазу. «Ты, голубка, смотри внимательней,— говорит Анна Васильевна,— сама-то вижу плохо...» И я старательно вглядываюсь в женские тела. Ищу то движение счастья, по которому только и могу найти неведомую Смирнову. Впрочем, это теперь объяснимо, что́ именно я ищу и как различаю среди массы женских тел характеры, судьбы, таинственное, скрываемое одеждой: доброту, лень, злое изящество, истинную грацию, худощавое и толстое горе. Вот она — Смирнова. Моется быстро, на краешке скамейки, будто летает между краном и своей мочалкой...

О бане под Ленинградом, о женщине, чудом встретившей из тюрьмы мужа, я вспоминала много раз. О старческом теле Анны Васильевны, где только тяжелые руки и часть лица, всегда обведенная синим платочком, оказались живыми, теплыми. А тело нет. Известково-белое, даже серое, усталое тело тверской крестьянки, бывшей кормилицы графов Воронцовых, купившей в двадцатые голодные годы дом в родной деревне, скоро его потерявшей и вернувшейся в знакомый двор на Мойке в начале тридцатых. Там и нашли ее мои молодые родители, у которых нет старших, а должен появиться ребенок. «Сколько вам, бабушка, годков?» — задавали ей вопрос, и она отвечала: «Вторую жизнь Иисуса Христа доживаю, тридцать три на два». Потому ли вспоминаю нянино однажды виденное тело около всех на свете великих холстов с распятием?

Надежды, страхи, мечты, прикосновения детства, его голоса и впервые запечатленные в сердце видения никогда не становятся обыденностью. Это некая мера для всякого человека. Ему говорят об истории, а он думает о той ее части, что падает на его собственную жизнь. Принято считать радостными, легкими слова «родом из детства». Но жители двадцатого столетия знают, что эти слова тяжелы и печальны.

Я снова вспомнила сестрорецкую баню в том зале московского Музея Александра Сергеевича Пушкина, где три месяца показывалась живопись художника, которого мир называет «русским Матиссом». У портретов обнаженных женщин с метами предвоенных лет.

Нет, не оговорилась я, назвав портретами холсты с обнаженной моделью, которые во множестве писала в 30-е годы Татьяна Алексеевна Маврина. Тела, запечатленные ее быстрой точной кистью — юные, молодые, стареющие,— кажутся единственным, а иногда почти единственным имуществом ее героинь. Эта серия — особое и едкое свидетельство о страшном времени, документы о душах, становящихся духом. Вот «Олимпия» — седая голова, вянущее, усталое, еще недавно легкое и красивое тело. Вот «Голубоглазая» — беззащитная, старающаяся быть гордой и сильной. Испуганные синие очи смотрят вам в сердце, находят вас в маленьком зале. Вот «Ирина» — кирпичный румянец стыда, тяжелые руки и ноги, она будто ждет, что кто-то вернет ей просмотренную одежду. А «Обнаженной в шляпе» безразлично все, что с ней случится, ей оставили желтую шляпу с тряпичными розами — предмет беспечной и наивной безвкусицы — чужую, по видимости, вещь, и молодая женщина все глубже, по самые глаза, ввинчивается в шляпу, человека нет, тело живет отдельно от его существа, будто одежда, ненадолго сохраняющая тепло и силуэт хозяина, лежит перед нами это тело.

Вообразим будущего историка искусства, который нашел через два-три столетия холсты и акварели мавринских обнаженных. Даже ничего не зная об авторе, он прочтет здесь трагедию. Вот ведь какой «интимный» жанр может свидетельствовать о времени. Впрочем, что тут удивляться! Человеческое тело с древнейших эпох рассказывало жизнь общества. Но есть и «обратная связь»: персонажи открывают своего создателя, его характер, его судьбу, его надежды и потери. Настаивая на этом, Анри Матисс написал прославленный холст «Художник и его модель», где живописец обнажен, а женщина одета. Нет-нет, это даже не символ, просто размышление о творце: ведь именно он незащищенно открывается зрителю в своем искусстве.

Мне казалось до этой выставки: уж Маврину-то я знаю. Я ведь столько раз бывала около Татьяны Алексеевны, столько раз говорила и гуляла с ней, смотрела вместе с ней музеи, зверей, московские переулки, столько слышала о ней от тех, кто пламенно ее любит, от тех, кто не понимает ее, ненавидит, завидует... Мавринских «завистников презренных» (Пушкин) теперь становится все меньше. Зависть ведь часто существует внутри поколения, в известной близости к яркому таланту, а Мавриной 85 лет, и ее сверстники, «соседи по ремеслу», постепенно уходят.

Правда, мне пришлось в середине 60-х спорить о Мавриной с ее землячкой по Нижнему Новгороду: старуха некогда была учительницей чистописания, юная Таня в то время еще играла в куклы. «Не умеет рисовать,— желчно шипело это смешное создание,— они ведь с мужем импрессионисты». Ее «импрессионисты» звучало как «спекулянты». Да, четверть века назад, когда я начинала писать о Мавриной, шипящих было много. Зависть тех, кто собирался да так и не стал художником,— особое биологическое, что ли, вещество. Оно способно отравить подпочвенные воды, а подымутся глубины и отзовутся в другие времена, в других, но похожих «соседях по ремеслу».

Чему завидовали и чем восхищались в Мавриной люди? Одним и тем же. Щедрость ее дарования, свобода и независимость ее творчества от заказа и хлеба, ее антеическая связь с русской почвой и вместе с тем естественное присутствие в мировой культуре XX столетия, ее меткое слово и точная линия, ее свойство притягивать к себе блистательных людей, будто бы совсем ей далеких, чье внимание напрасно старались заработать услужливые «соседи». Наконец, ее жизнь и в искусстве, и в реальности вместе с гармоническим, смелым, добрым, радостно прочным человеком и художником Николаем Васильевичем Кузьминым. Нет, вы не ошиблись: с тем Кузьминым, кто проиллюстрировал «Евгения Онегина» и еще десятки лучших произведений мировой литературы, автором книг исповедальной прозы, эссе, литературоведческих исследований, героем гражданской войны, эталоном русского интеллигента, ни в каких обстоятельствах не отступающим от кодекса порядочности. Кузьмин и Маврина встретились в конце двадцатых, перед первой выставкой «Тринадцати». Так называлась группа молодых художников, влюбленных в жизнь, в ее запечатленность «вольной линией». Выставок у тринадцати молодых мастеров (по их числу и называлось объединение) было всего три. Ими восхищались, скажем, директор музея западной живописи Борис Терновец или наркомпрос Анатолий Луначарский. Но одновременно шла травля тринадцати в статьях-доносах с такими, к примеру, пассажами: «Выставка... вылазка буржуазных художников... сознательно работающих на буржуазного западного потребителя». Вообразите, что это значило в 30-е годы!

— А кто такой был Р. Черняк, автор статейки в «Комсомольской правде»? — спросила я когда-то у Владимира Алексеевича Милашевского. Он тоже был членом группы «Тринадцать».

— Не помню... Зачем вам? Да и стоит ли? В наше время было определение: «критик-однодневка». Сегодня хвалит одно, хулит другое, завтра хулит хваленое вчера, послезавтра топчет все прежнее. Кто он был? Никто не знает. Какой был, вот что важно.

Милашевский, пронесший через полстолетия свою дружбу с Кузьминым и Мавриной, выпустил лет пятнадцать назад книгу мемуаров «Вчера, позавчера...», где была горькая фраза о том, что счастливые люди не пишут воспоминаний. Прославленный мастер ни разу не упомянул гонителей, авторов статей-доносов, он писал о радости быть художником, любить Родину, свет солнца, литературу и музыку, помнить учителей и неустанно повторять имена товарищей. Свою рецензию на книгу Милашевского я назвала «Мемуары счастливого человека». Владимир Алексеевич жил в могучем сером доме на Петровке, в комнате с эркером, и, письменно отвечая на множество моих вопросов о тридцатых годах и группе «Тринадцать», помечал свои листки: «писал на трех подоконниках, откуда все видно». Я звонила ему по телефону:

— Давайте лучше поговорим обо всем! Зачем писать письма с Петровки на Цветной бульвар?..

— Говорить о том времени трудно,— отвечал Милашевский.— Горло перехватывает. Не хотите писем, так приходите — почитаете мой архив.

И я сидела в его эркере и читала о том, как звенит смех «молодого дарования» Тани Лебедевой. Как она рисует на старых бутылках и ящиках, делая их драгоценной посудой и мебелью. Как уютно в их с Кузьминым длинной узенькой комнате против Сухаревой башни. «Я не знаю человека, кото-

Т. А. МАВРИНА. **Род. 1902.**

ПОРТРЕТ МАТЕРИ.

рый бы так часто улыбался, как Татьяна... Она улыбается даже во время словесных кровопролитий и бурных художественных драм... Ее щеки пылают, но глаза горят смехом... Как больно слушать иногда даже доброжелательные замечания по ее адресу людей, находящих, что... ей надо угомониться... Убить ее игру — значит прекратить существование подлинного художника».

«Убить»? «Кровопролития»? «Драмы»? «Прекратить существование»? Я спрашивала Милашевского о подробностях, а он отвечал, что все забыл.

— Не верите? Конечно, не верите. Но вообразите, я помню только свои чувства. Свой гнев, часто такой бессильный, нежность и сострадание к художникам, к их дару... Идем как-то с Кузьминым после очередного пропесочивания, а он говорит, что у Татьяны Алексеевны сегодня счастливый день: договорились писать модель, и как удачно, что не была на собрании...

* * *

Откуда берутся такие люди? — думала я в юности, узнав Маврину и Кузьмина. Где и как выковывается независимость и незлопамятность, достоинство, которое невозможно ничем унизить? Маврина, Кузьмин, Милашевский, их друзья по «Тринадцати» Юстицкий и Даран называли себя волжанами. Мужчины «околосаратовские», Маврина родом из Нижнего.

Выросла она на улице Студеной, в доме № 22, в семье замечательного просветителя Алексея Ивановича Лебедева и его жены Анастасии Петровны, преподавательницы младших классов в народном училище.

Детей в семье было четверо, однако мать никогда не оставляла своей работы — то была не служба, а дело. В начале века между этими понятиями существовала огромная разница: служба — занятие чиновничье, унылое; дело — занятие общественно важное, посвященное народу. Девичью фамилию Анастасии Петровны — Маврина — молодая художница из группы «Тринадцать» Татьяна Лебедева взяла не только по необходимости. Конечно, много было тогда Лебедевых в искусстве, и на выставках, уезжавших в Голландию и Швейцарию, нужно было точное авторство. Но я думаю, что нижегородское родовое имя взято было и как своеобразный «тотемный знак» дела, не покидаемого никогда, составляющего суть и смысл жизни.

Алексея Ивановича Лебедева, автора знаменитой «Азбуки» и «Словаря непонятных слов», принадлежащего той замечательной школе русской педагогики, которая разработала в деталях пути и способы народного образования, соединенного с эстетическим воспитанием, вскоре после революции вызвал в Москву нарком просвещения А. В. Луначарский. Еще в ту пору, когда проблемы наглядности школьного уро-

ПРОГУЛКА.

ка не ставились нигде и никем в мире, русская педагогическая школа — «смешные» народники, желавшие открыть новых Ломоносовых! — настаивала на применении диапозитивов для преподавания истории, ботаники, географии, литературы, зоологии, астрономии. А. И. Лебедев выпустил десятки видов таких диапозитивов, и его последователи широко их использовали. Еще в начале нашего столетия: тогда ведь не было кино или телевидения.

Диапозитивы... Древний способ вести рассказ в картинках. Разве не так говорят о приключениях святых клейма житийных икон? Разве не так излагают подвиги героев, фантастику и сатиру безымянные авторы русского лубка? А сцены в ярмарочных балаганах со «стоп-кадрами» многочисленных историй о Петрушке?

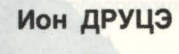
Быть может, замечательный отец Мавриной связывал свою идею с новыми возможностями техники конца прошлого века? Но по отношению ко времени А. И. Лебедева я обладаю тою же мерой свободного размышления издалека, на которое надеюсь у будущего историка искусства, кто задумается о живописи его дочери через столетие. Этот взгляд в удаление, через перевернутый бинокль, дает возможность увидеть особые связи. И техника, и иконные жития — в своих фантастических эмоциональных влияниях — особым образом проявились в лебедевской семье. На улице Студеной выросли вместе Татьяна Алексеевна Маврина и брат ее, «отец русской кибернетики» академик Сергей Алексеевич Лебедев. Скажете: нечасто так бывает? Неверно. Вся история отечественной нашей культуры есть, по существу, история замечательных семей. Философы, историки, революционеры, художники, актеры, переплетающиеся связи гуманитарных и естественнонаучных дарований — все это живет внутри большой европейской традиции, русской традиции.

* * *

...И вот настало время Москвы, ученичества у Синезубова и Фалька во ВХУТЕМАСе, дружбы с Шурочкой Смоленцевой. Обе получают стипендию «молодых дарований», которой хватает на то, чтоб сообща пригласить модель и рисовать, без конца рисовать человека.

В начале семидесятых я была в Вологде у Александры Ивановны Смоленцевой, единственного для Мавриной товарища, соединяющего женскую и художническую дружбы. Живопись бывшего «молодого дарования» оказа-

Продолжение см. на вкладке 3.

Ион ДРУЦЭ

САМАРИТЯНКА

Рассказ

...Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?

Иоанн 4/9

Осень сорок пятого, получена была директива приступить к ликвидации монастырей. На юге Молдавии решили начать с мужских, на севере предпочли женские. Вернее, остановились на Трезворах. С самого раннего утра мешки с мукой, индейки, бочонки, кошелки, подушки, цветастые домотканые дорожки — все это было поднято на разные уровни, все это расходилось в разные стороны, но на одинаково высоких скоростях.

Быстрота и продуманность свершаемого беззакония парализовали всех. А когда наступил час раздевания храмов и сжигания священных книг, когда начали выгонять скот и вывозить недвижимость, когда бойкая дружина, охмелевшая не столько от выпитого вина, сколько от сладкого хмеля разрушения, гонялась по всему двору за молодыми монашками, предлагая руку и сердце, когда обезумевшие от ужаса старые девы крестили друг друга, прощаясь меж собой, потому что увозили их партиями на разных машинах в разные стороны, к игумене монастыря, тихой, больной старушке, доведенной в тот день до полного исступления, сквозь весь этот шум и гам пробралась молоденькая девушка лет семнадцати из соседней деревни и тихо сообщила, что накануне ей приснился ангел.

Слово «ангел» подействовало на игумению отрезвляюще. Она все время находилась в ожидании знамения небес, каких-то посланий свыше. Придя в себя, утихомирив, насколько это было возможно, скорбь своих дочерей, отыскала какой-то закуточек, пригодный для беседы вдвоем.

— Ну, и что он тебе такого поведал, девочка?

— Сказал: оставь родительский дом и иди в монашки.

— И только-то! Твой ангел небось думает, что все это можно свершить за один день, даже за одно утро!

— А почему нельзя?

— Душечка, для того чтобы постричься в монашки, надо по крайней мере несколько лет пробыть в послушании...

— Ну, возьмите хоть послушницей.

— Да куда мы тебя возьмем, когда вон нас самих увозят!

— Что же мне делать?

— Помолись Пречистой, поблагодари за красивый сон и забудь об этом. Ты молода, красива, теперь вон парни ваши начинают возвращаться с войны. Выходи замуж, рожай детей и забудь о нашем горе.

— Нет,— сказала девушка.— Мне ангел поручил прийти к вам и прожить жизнь при монастырских родниках, подобно той доброй самаритянке, у которой спаситель некогда попросил пить...

— Ну,— сказала игуменья в раздумье,— родники, вон они, в ущелье. Если будет время и охота, можешь за ними и присматривать...

— Но, чтобы мне это хорошо исполнить, надо, чтобы меня кто-нибудь туда поставил. Накажите строго-настрого, что мне тут исполнить, и подарите камилавку, так, чтобы я, подобно другим монашкам, носила ее на голове. Не беспокойтесь, я буду ее носить с достоинством и не опорочу имя нашей славной обители.

— Господи,— сказала игуменья,— дался тебе этот чепчик! Да из-за него тебя, чего доброго, сунут в какую-нибудь машину и увезут вместе с нами.

— Не увезут. У меня два брата были на войне. Один погиб, другой вернулся. Подарите мне, пожалуйста, камилавку.

— Да ты к тому ж честолюбива, дочь моя!

— Я забочусь не столько о себе, сколько о вас. Оставляя меня тут в камилавке, вы сможете уехать со спокойной совестью, зная, что не бросили монастырь на произвол судьбы, что тут остался свой человек, который в случае чего всегда сможет и присмотреть, и поберечь...

— Да что беречь, дочь моя, за чем присматривать?!

— А эти два храма? А кладбище, на котором много достойных людей похоронено? Опять же три родника.

— Да что ты все носишься с родниками!

— Ну, как же... Дело ведь не только в том, что обитель наша переняла от них свое имя, она вообще своим существованием обязана тем родникам. И, не желая вас никак обидеть, я по простоте своей полагаю, что и после вашего отъезда вода в тех родниках будет такая же прохладная, целительная, святая...

Говорят, на этих словах игуменья обняла ее, поцеловала, сняла с головы собственную камилавочку, надела девушке, своими руками повязала тесемки под подбородочек. Этим она как-то совершенно пришла в себя. Воспрянув духом, нашла предводителя гулявшей по монастырю ватаги и заявила, что они с сестрами не покинут монастырь, если им не будет позволено еще раз собраться в главном храме, с тем чтобы проститься с алтарем и колоколами. Говорят, на тот последний монашеский молебен была допущена и та семнадцатилетняя девушка, причем, говорят, игуменья держала ее все время рядом с собой.

Но, конечно, легенды отличаются тем, что в них можно верить, а можно и не верить. Тем более что со временем говоруны, претендующие на исключительную осведомленность, стали утверждать, что все это выдумки богомольных старушек. При ликвидации монастыря та девушка, говорили они, прибежала вместе с другими в надежде на красивый коврик, но, добравшись слишком поздно, когда все уже было расхватано, нашла в какой-то келье валявшуюся старую камилавку, стряхнула с нее пыль, надела на голову и уже после этого стала рассказывать о якобы приснившемся ей ангеле. С игуменьей она не могла встретиться по той простой причине, что старушка, будучи на пределе умопомешательства, извергала из себя такие проклятия, что ее увезли первой, на рассвете, еще до начала ликвидации.

Умолкли колокола, остыли горячие головы, улеглась пыль на дорогах, ведущих к монастырю. И, стало быть, прощай Трезворы? Хотя отчего же? Монашек увезли, имущество разграбили, но монастырь как стоял, так и стоит. Прочный, седой, изящный, уютно примостившийся в ущелье, на небольшом плато, в окружении заросших дубом и кустарником холмов. Между прочим, давно замечено, что монахам было в высшей степени присуще чувство возвышающей красоты природы, и места, которые они выбирали для своих храмов,— это как раз те самые уголки, на которых, как говорится, и лежит печать божьей благодати.

С какой бы стороны ни подъехать, издали Трезворский монастырь казался чудом, выплывшим из земных глубин, которое эти кручи понесли на ладонях, чтобы подарить небесам. Высокая, всегда свежевыбеленная каменная ограда составляла вместе с покрашенными в зеленый цвет двумя семействам куполов главную достопримечательность этой обители. Внутри монастыря, кроме двух упомянутых храмов, еще несколько больших домов, хозяйственные службы и длинный ряд похожих на соты пчелиного улья монашеских келий.

Все это день и ночь окутано легким, приятным для слуха шепотом переговаривающихся под каменным массивом родников, на котором воздвигнут монастырь. Собственно, с целительных вод тех родников все и началось. Согласно преданию, после тяжелого поражения своей армии ночной порой добрался до тех родников раненный в ногу наш господарь Штефан Великий. С той ночи и началась слава этих родников, и долгие века они путешествовали вместе по устным преданиям, по летописям, по школьным учебникам — Штефан, родники и Трезворский монастырь...

А вот интересно, что бы ты разместил, дорогой читатель, в таком вот вдруг опустевшем уголке? Школу? Больницу? Лесничество? Ну, не знаю. Может, в ваших краях это и прошло бы, но в Молдавии рассудили иначе. А загоним-ка мы туда, сказали наши светлые головы, машинно-тракторную станцию. Конечно, возникли проблемы. Например, как закинуть на верхотуру гусеничную фалангу, если по ущелью, что ведет к монастырю, не всякая телега проедет. Затем, как разместить на таком малом пространстве парк машин, мастерские, учреждения? Наконец, когда настанет время выйти в поле, как спустить оттуда эти тысячи тонн металла и как их потом загнать обратно? Проблемы, как видите, непростые, но на то мы тут народом и поставлены...

Пролезли. Вскарабкались. Втиснулись. Главное, чтобы как можно больше гула, дыма, рева, так, чтобы во все четыре стороны света разошлась молва о наступлении нового века...

Что и говорить, микроб разрушительной стихии живет в каждом, дожидаясь своего часа. И ничего удивительного в том, что молоденькие ребята, набранные в соседних селах на курсы трактористов, спешили изо всех сил утверждать себя на фоне образовавшейся пустоты. Пытались даже заложить основы нового фольклора, основанного на якобы известных только им одним подробностях интимной жизни монашек. Распаленное воображение довело юнцов до того, что вечерами, расходясь по своим

селам, не забывали вытереть испачканные мазутом руки о белые стены ограды, попутно изображая при этом одно из тех выражений или рисунков, которые никогда не украшали человеческий род.

К величайшему удивлению будущих механизаторов, наиболее остроумные надписи исчезали, не достигнув и сотой доли той популярности, на которую были вправе претендовать. И вот ведь пакость какая: чем остроумнее, чем сочнее была надпись, тем решительнее ее убирали. Дело дошло до того, что главный заводила вынужден был караулить по ночам и настиг-таки своего цензора. Похожая на привидение, с ведерком разведенной извести, со съехавшей набок камилавкой от чрезмерного усердия, она рубила на корню весь блеск заборного остроумия.

— Ты чего это надумала, дура ты этакая!!

А между прочим, этот пачкун оказался славным парнем. Видя, как он ее напугал, чувствуя себя виноватым, проводил девушку до деревни, добровольно вызвавшись нести ведерко с известью. Дома у девушки посидели под старым каштаном, и после некоторого раздумья парень попросил воды. Была когда-то такая мода в молдавских деревнях: у девушки, которая ему приглянулась, парень просил попить. Мастерица ночных побелок сбегала к колодцу и принесла свежей воды. Выпив две кружки кряду, парень выразил желание узнать из ее уст первопричину ее странного поведения и не уступил, пока ему не поведали тайну о приснившемся ангеле.

— Гм!

Неделю спустя он пришел как-то под вечер и заявил, что если она дала уже обет и не может без монастыря, то теперь самое разумное — выйти за него замуж. В конце концов ему все равно, на ком жениться, а если это так, почему бы не жениться на ней? Зато после свадьбы она сможет в любое время приходить в Трезворы к своему мужу, находиться там сколько угодно и заниматься, чем найдет нужным.

— А поселиться там мы смогли бы?

— Как — поселиться?

— Ну, поставить себе домик где-нибудь в уголочке.

— А почему бы и нет!

Свадьбы справлять не стали, потому что уже наступал голод. Обвенчались за пятнадцать верст в маленькой церквушке, в которой еще служили. Тут же при помощи родни с той и другой стороны слепили домик в уголочке, за главным храмом. А перед рождеством вместе с первыми снежинками по всему северу Молдавии стали поговаривать, что, хоть Трезворский монастырь и ликвидирован, хоть и отдали его под МТС, каким-то чудом одна монашка там все-таки уцелела. Временами ее можно увидеть в белой камилавке, снующую по хозяйству, а вечерами, как в доброе старое время, спускается к родникам, и до того славна и разумна и удивительна ее речь, ну, прямо как вода в тех родниках...

Между тем МТС набирала обороты. С утра до вечера вой моторов и грохот железа. Сметливые ребята хватали все на лету. Быстро научились собирать и разбирать моторы. Умели запустить, прочистить, отрегулировать. Догадались, откуда взять ту самую деталь, без которой не заведешь, и единственное, что им никак не удавалось,— это фасолевая похлебка.

Дело в том, что в засушливом сорок пятом параллельно с ликвидацией монастырей по молдавским селам гулял смерч государственных поставок. Вывезли все под метелку, и как наступили холода, так наступил и голод. Дни и ночи опустевшие села дремали в каком-то странном, предсмертном оцепенении, но МТС была организация нового века, она не имела права на оцепенение, она должна была жить, и только полнокровной жизнью. Получаемые восемьсот граммов хлеба трактористы, конечно, отдавали своим семьям, а на пустом желудке при моторах много не наработаешь. Решено было организовать разовое теплое питание. Каждый день из района привозили по три килограмма фасоли, из которых надлежало сварить суп.

С первого же мгновения привезенная фасоль начинала странно себя вести. Она сокращалась в массе своей, ускользала, уплывала, ее одолевала страсть к таинственному исчезновению, и когда наступал час разлива по тарелкам — ну, совсем пустая вода. Ни фасолинки, ни фасолевой кожицы, ну ни даже слабого духа того, что принято называть фасолью.

— Хоть бы одну монашку оставили,— огрызались отощавшие вконец механизаторы.— Спросите у стариков, какие тут потрясающие фасолевые супы варились!

— Дак, ходит же там у вас какая-то молодка в белом чепчике...

— А можно ее к нам, в коллектив?

— Почему нельзя?

И наступили славные деньки, когда к двум часам надо всем Трезворским монастырем царил запах густого фасолевого отвара. Причем, сокрушались трактористы, она, знаешь, дуреха такая, ничего в карман не прячет, а за стол садится последней. Если что останется — хорошо, ну, а нет — так тому и быть. Мало того, кто-то ей втемяшил в голову, что на монастырском подворье полагается кормить не по списку, а всех голодных. Так ведь сколько тут голодного народа шныряет каждый день!

Трактористы принялись ей втолковывать, что МТС есть по характеру своему организация безбожников, на что она пригрозила, что уйдет с кухни за такие речи. Сошлись на золотой середине, в том смысле, что чужих она может подкармливать только за счет остатков. Но в то голодное время до остатков дело не доходило, и вот как-то хмурым весенним днем, подобрав под монастырскими стенами умирающего старика, притащившегося в МТС бог знает из каких далей, бог знает по каким делам, она усадила его первым за большой стол, наказав сидеть и ждать. Получив заветную тарелку, старик, закрыв глаза, долго вдыхал в себя запах сваренной фасоли, потом, когда суп остыл, медленно поел. Вышел из-за стола, перекрестился, глядя в пустой угол трапезы, и сказал неожиданно зычным голосом:

— Спасибо, Майка. Низко тебе кланяюсь и целую руки твои.

Дело в том, что «майками» по-молдавски величают общепризнанных, заслуженных монашек, и после этого старика по всему северу Молдавии стали распространяться слухи, что, хоть Трезворский мона-

Рисунок
Петра ПИНКИСЕВИЧА

стырь и ликвидирован, и храмы его раздеты, и никто там не служит, все-таки одна монашка уцелела. И дело не в том, что временами ее можно увидеть в камилавке снующей по хозяйству. В трудную минуту жизни, говорят, наша обитель может по-прежнему и принять, и накормить, а перед обратной дорогой, как это было некогда принято в монастыре, монашка проводит. Спустившись в ущелье, к родникам, и посидит с тобой, и утешит, и обнадежит чем сможет...

Тем временем в таинственных глубинах управления возникла мысль, что МТС изжили себя. Самое разумное — отдать технику колхозам. И вот после мучительно долгого, тяжелого нашествия моторов внутреннего сгорания в один прекрасный день Трезворский монастырь угомонился, опустел, утих. Два года на разных уровнях и с разной интенсивностью шли споры о том, что дальше делать с этим хозяйством. А пока верхи судили да рядили, в опустевшем монастыре родилось двое малышей. Осчастливленная семья хлопотала с утра до вечера, возвращая к жизни то, что еще можно было вернуть, так, чтобы и сад, и виноградник, и храм походили бы хоть немного на то, что в миру принято называть садом, виноградником, храмом.

А вот интересно, что бы ты разместил, дорогой читатель, в таком вот, пусть и опустевшем, пусть и сильно пострадавшем, но все еще уютном, обжитом веками и поколениями монастыре? Музей народных ремесел? Научно-исследовательский институт? Туберкулезный санаторий? Не знаю, может, у вас все это и могло бы состояться, что до Молдавии, то тут, что бы ты ни посеял, никогда не знаешь, что взойдет.

Как-то на рассвете ущелье, ведущее от реки к монастырю, наполнилось устрашающим ревом усталого, измученного стада. Ну что за глупый пастух, подумала Майка, выскочив со сна за ворота; загнать стадо в такое маленькое ущелье! Неужто он другого водопоя не смог найти? А пастух между тем гнал своих коровок все выше и выше, и вот он уже требует открыть им ворота. И поскольку Майка отказалась открывать, он сам их выломал, и крупнорогатый скот заполонил весь двор.

После долгих дискуссий Трезворский монастырь было решено передать конторе по заготовке скота, кратко — Заготскот. Дело было в том, что сдаваемый после голода на мясо скот не подходил ни под какие категории. Его нужно было хоть немного подкормить, прежде чем отправить на бойню, и вот кому-то показалось, что Трезворы — отличная откормочная база. Конечно, возникли проблемы. На чем везти. Некоторых коровок сдавали за сто с лишним верст отсюда. Ну и что? Пусть топают. Во-вторых, чем кормить? Ближайшая железнодорожная станция в двадцати километрах, а тут, на этих кручах, ни сена, ни другого фуража. Ну и что? Будем возить. Вот так-то вот. На то народ нас тут и поставил, чтобы с ходу решать проблемы.

Нет-нет, она не плакала, не рыдала, не билась головой о каменную ограду монастыря. Главнейший обет монахини — покорно, безропотно нести свой крест, и вот бывшая кухарка стала скотником, а ее муж с рассвета дотемна дробил солому, чистил, вывозил навоз и поднимал снизу в бочках воду для скота. Три с лишним года тяжелый смрад хлева царил над древнейшей нашей обителью. Воровали зерно, составляли липовые акты о якобы сорвавшихся с круч телятах и долго варили мясо в котлах, а потом следовали нескончаемые пьяные драки заготовителей. От сырости стала плесневеть роспись в храмах, осели некоторые постройки от размыва фундамента. Бесконечные перегоны по ущелью техники, скота, привели к смещению почвенных слоев, один из родников ушел вглубь, исчез, и, кто знает, чем бы дело кончилось, если бы в один прекрасный день...

Хотя, нет, этот день не был прекрасным ни для Молдавии, ни для Туркмении, ни для всей страны в целом, но история любит иной раз по-своему располагать события, обусловливая их одно другим, и не нам, свидетельствующим о своем времени, вмешиваться в уже сотворенный порядок вещей. Короче говоря, знаменитый французский писатель, избалованный судьбой и славой, приехав в Москву, пожелал посетить Ашхабад накануне того страшного землетрясения.

После катастрофы, конечно, маршрут нужно было срочно менять, и тогда кому-то пришла в голову идея заманить французскую чету на несколько дней в Молдавию. Тем более что сам Кишинев давно рвался в особо гостеприимные города. Прием ожидался блистательный, на самом высоком уровне, но в самолете знаменитому писателю попался на глаза буклет, заготовленный для иностранных туристов, едущих на юг, и так как у нас часто концы с концами не сходятся, на обложке этого буклета был изображен красивый изгиб Днестра в вечернюю пору, а там, в глубине, в лучах заходящего солнца, красовались белые стены Трезворской обители с двумя семействами храмовых куполов. Чем-то эта вечерняя картинка на заднем плане обворожила чету с берегов Сены.

— Ты хотела бы туда?

— Oui.

Культ, которым французы окружили своих жен, известен во всем мире. Давши слово женщине, француз становится невменяем. Господи, что творилось в Кишиневе! Какие только силы не были привлечены! Какая только тактика не применялась! Попытались даже после хорошего обеда с отличным вином сунуть их в другое место, но француз, оказывается, прошел войну штабным офицером, у него был отличный топографический нюх. Еще двое суток гости не покидали люксовый номер в гостинице, угрожая прервать визит, и вот надо же, надо же...

Иной раз так подумаешь: а ведь мы и в самом деле можем творить чудеса! Брошенный властями клич спасать свою обитель был подхвачен всеми районами севера. Побросав работу в поле, люди шли спасать свидетеля и творца своей истории. Чистили, мыли, сажали, проветривали, белили, красили, и на третий день, когда подъезжала машина с высокими гостями, Трезворский монастырь — одно загляденье. Внизу тихо журчат родники, наверху покой и печаль о несовершенстве богом созданного мира, а у железных ворот, починенных и заново выкрашенных, как это и полагается в уважающих себя странах, сторож в мундире гостиничного швейцара с позолоченными галунами на плечах...

Отъелись. Приоделись. Обстроились. И настал мучительный вопрос, следующий по пятам любого, хоть самого относительного благополучия: что делать дальше? Чего ради строили, копили, наживали? Другими словами, для чего живет человек? Что есть жизнь? Долгие века церковь учила, что жизнь есть любовь. Агрессивное начало в человеке способно все разрушить, и только любовь способна созидать. Она есть та среда, та единственная нива, на которой может взойти, и окрепнуть, и обрести себя дух человеческий в нелегком пути постижения вечного и божественного...

Спорно, что и говорить, однако на этом простоял мир две тысячи лет и, ничего, не развалился. Позакрывав храмы и монастыри, новый век заявил, что жизнь есть непрекращающаяся классовая борьба и потому всякие разговоры о душе есть пустая болтовня. Духа нет, есть только плоть, и, стало быть, жизнь есть суть: выпить, закусить, обнять, поцеловать, переспать и бросить.

Слухи о том, что конечной целью марксистского учения является гармоническое развитие человеческой личности, доходили, конечно, и до Молдавии. С этим никто не спорил. Даже как будто готовились предпринять какие-то реальные шаги в этом направлении, но что делать, если в этой маленькой республике на дух не переносят любое проявление личности. Сатанеют при одном упоминании об этом таинственном явлении и спешат уничтожить на корню, в зародыше, в генах. Проделав эту операцию, кишиневцы заявляют, что готовы выделить любую сумму, приложить любые усилия, сделать все от них зависящее для самого что ни на есть гармонического... А чего, собственно, развивать?

Освобожденный французским гуманистом, Трезворский монастырь опять попал в полосу неопределенности. О его судьбе спорили на разных уровнях, но, помня, какую он им свинью подкинул, решили, дабы обезопасить себя на будущее, внести его в список наиболее ценных исторических памятников. Даже доску повесили в том смысле, что охраняется государством, и вот из-за той доски возникли большие трения. Районные власти, полагая, что государство — это они, были шокированы тем, что столица берет под защиту то, что под защиту еще не было взято районными властями. Пока ставили на место зарвавшихся районщиков, трудолюбивая семья приволокла откуда-то забытую строителями бочку с зеленой краской, и, повязавшись веревками, наперекор этому ремеслу, вопреки всем правилам безопасности, покрасили заново купольные семейства обоих храмов. После того как и внешняя сторона каменной ограды была побелена, молдавские фотографы получили возможность сделать несколько отличных снимков, один из которых, к ужасу местного начальства, оказался на страницах журнала «Советский Союз».

А вот интересно, что бы ты разместил, дорогой читатель, в такую вот старенькую, но кое-как отремонтированную и еще неплохо сохранившуюся обитель? Пионерский лагерь? Институт охраны природы? Дом отдыха колхозника? Не знаю, может, в ваших краях именно так бы и поступили, но в Молдавии возникла другая острая проблема.

На каких-то перепутьях нашего исторического развития вдруг выяснилось, что молдаване подводят, они никудышные собутыльники. Они не выдерживают темпа за единым столом всесоюзного братского загула. Пагубная привычка иметь во дворе свой виноградник, тяжелый труд с утра до ночи, нерегулярное питание — все это дало себя знать. Народ в массе своей стал слишком быстро, непростительно быстро стал хмелеть. Не успел пригубить рюмку, принюхаться к ней толком не успел, а уже идет качаясь. Конечно, когда все это происходит в домашней обстановке, в интимном кругу, среди своих, куда ни шло. Ну, а если все это на людях да еще при гостях?

Гости в Молдавию прибывали с утра до вечера — поездами, самолетами, на машинах, со всех концов Союза. Республике поручили провести эксперимент по сверхконцентрации и сверхмеханизации. Приезжали высокие ответственные работники, приезжали даже гости из братских стран, и вдруг эта самая сверхконцентрация, эта самая сверхмеханизация идет, как говорят молдаване, по двум тропинкам одновременно. Чтобы не мозолили глаза, этих выпивох нужно было срочно куда-то упрятать. Конечно, были бы у нас острова, были бы у нас глубокие дремучие леса, проблем бы не было, но, не имея всего этого, пришлось упрятать их за высокими стенами Трезворского монастыря.

Бывшая кухарка МТС, бывшая скотница Заготконторы стала теперь санитаркой наркологической больницы. Принципы и методы лечения в подобных больницах давно известны. Рвотное, размешанное в рюмке с водкой, да отеческие увещевания. От нотаций мужики научились быстро отключаться, что до остального... Боже, вот где Содом и Гоморра! Больше всего в них страдало чувство оскорбленного достоинства, невыносимо горько было видеть со стороны степень своего падения...

Они стеснялись своей санитарки и умоляли не приходить. Сиди дома, займись пряжей, дорожками, чем хочешь, но не приходи. Мы тут сами за тебя уберем, сами все сделаем. Она тихо улыбалась им из какого-то далекого, далекого мира, словно и не видя, и не слыша, о чем они толкуют, и, глянь, она опять тут. Они ее ругали, они ее проклинали... Не ей, молодой еще женщине, воспитывающей двух сыновей, смотреть на весь этот срам падения человеческого, не ей за ними убирать! Родные вон и те отказались от них, родные вон и те видеть их больше не могут! А она снова улыбнется им из немыслимого далека и, глядишь, снова приходит. И кормила, и убирала, и стирала, покорно отводя глаза от того, что уже действительно...

А лунными осенними ночами, когда благодатная жизнь всего нашего края достигает своего зенита, когда отовсюду несет достатком, удалью, бродящим молодым вином, когда за холмами что ни ночь справляют свадьбу, трезворские затворники, измученные тоской и одиночеством, лежа в главном храме по два человека на одной койке, глядели остекленевшими глазами на улетающего херувима под главным куполом и терпеливо дожидались своей кончины. Жизнь больше не имела смысла. С какой стороны ни прикинь — все уже поздно, бесполезно, а ее, той смерти, нет и нет...

Хотя, чу! Тихо открывается огромная дверь. Входит женщина с камилавкой на макушке и с двумя бидонами свежей родниковой воды. То, что она в эту удивительную ночь не ушла за холмы, к тем, кто праздновал и веселился, как будто указывало на то, что бог все-таки существует. А если это так, то нужно хотя бы пригубить прохладный бидон. А может, влага тех родников и в самом деле целебная? Может, в самом деле святая? Во всяком случае, несколько глотков воды, и неторопливая, полная доброжелательности речь, какой теперь в деревнях уже и не услышишь, неизъяснимое чувство такта, подсказывающее, возле какой кровати еще нужно простоять, а от которой уже можно отойти,— все это по каплям, по крупицам собирало опять в один сосуд осколки человеческих судеб.

Трезворский наркологический центр неизменно выходил на первое место в республике. Года через три в связи с тем, что кампания по сверхконцентрации и сверхмеханизации провалилась, вследствие чего наплыв гостей поубавился, решено было сократить часть наркологических центров, и среди сокращенных оказались и Трезворы. Последние больные выписались, врачи уехали, имущество передали ближайшим больницам, и снова за ваше здоровье и за наше здоровье, и пусть у вас будет все хорошо, и у нас пусть будет все хорошо...

Когда душа потеряла свою тропку к Всевышнему, человеческую судьбу покинуло ее вечное начало. Потеряв ту живую нить, которая от Адама и Евы, пройдя через нас, уходила в бесконечность, мы свое существование сузили до рамок, обозначенных на могильных надгробиях,— родился тогда-то, умер тогда-то. Изчезновение духовного начала в жизни открыло путь материальной вакханалии, которой все мы отдали дань. И ничего удивительного в том, что судьбы наши оказались в руках воров и проходимцев. И вот после грехопадения, после бесконечных экспериментов, измотанный до последней степени народ, истощенная, отравленная ядохимикатами земля. Погибают леса и реки. Вместе с окружающей природой стала закатываться и наша звезда. Горько

об этом писать, но в Молдавии из каждых десяти новорожденных по меньшей мере один...

Я все рвусь тебя спросить, дорогой читатель, что бы ты разместил в том райском... А, да ты уже догадался. Действительно, в Трезворах разместили школу для умственно отсталых ребят. Конечно, были бы у нас острова, были бы у нас глубокие дремучие леса, проблем бы не было, но, не имея всего этого...

Кухарка, скотница, санитарка, теперь вот стала прачкой... Поразительная смесь твердости и упорства, с безропотной, бесконечной добротой. Сыновья выросли, поженились, осели в деревне. Как-то под вечер в одночасье скончался муж. Оставшись одна, Майка наказала купить ей в городе несколько метров темного подкладочного сатина, сама сшила себе подрясник, повязала голову темным платком, засучила рукава...

Конечно, это очень хорошо, что ребятам из школ для умственно отсталых покупают джинсовые костюмчики, но они непоседы каких мало, и известно ли тебе, дорогой читатель, что труднее всего в мире стирается джинсовая ткань? Попав в воду, она превращается в доску. Двести досок в виде штанишек и еще двести досок с рукавами и пуговками. Постирать, поштопать, убраться, а по ночам у этих ребят пробивается тоска по родному дому. Ночами они плачут и, будучи больными, не в состоянии сами успокоить себя. Наоборот, заражают друг друга воплями. Вдруг в полночь вселенский плач сотрясает бывшую обитель, и тогда Майке приходится вставать, идти в этот дом безутешной скорби и стать матерью, родным домом, надеждой и опорой...

Как-то на севере Молдавии, гуляя по расположенному рядом со школой кладбищу, я наткнулся на отца Георгия, священника, которого знаю уже много лет. Старик терпеливо дожидался покойника. Дело в том, что с некоторых пор в Молдавии запрещено священнику провожать покойника в последний путь. Он служит, как правило, малую панихиду в доме усопшего, затем вторую на кладбище, а сама процессия с пением и давно установленными обрядами идет медленно по селу, но без священника.

День был жаркий, село большое, траурная процессия с пением и остановками двигалась медленно, и мы с отцом Георгием присели на маленькую скамеечку у какой-то могилки. Поговорили о тех полуторатысячах закрытых в Молдавии церквах, погоревали о том, как мало осталось от тех семидесяти наших монастырей.

— Почитай, одна крошечная Жабка и осталась,— вздохнул отец Георгий.

— Почему одна Жабка? А Трезворский монастырь?

— Там же теперь школа для этих, как их, для дебилов. Ну и последний, пока что сохранившийся источник остался...

— А монашка?

— Какая монашка?

— Говорят, каким-то чудом там все-таки уцелела...

— Пустое... Та старушка, она не то что никогда не была пострижена в монашки, у нее нету даже обыкновенного благословения на ношение подрясника!

Господи, подумал я, куда докатился мир творений рук твоих?! Разве жизнь, отданная добру и милосердию, не есть уже само по себе свидетельство служения тебе? Разве это служение нуждается еще и в присвоении особого чина? И если для твоих служителей твой завет человеколюбия есть только слово, но не есть дело, то не рискуют ли храмы твои превратиться в залы для демонстрации искусства хорового пения, с частыми переодеваниями священников в золоченые ризы времен византийских императоров?!

А между тем годы идут, силы тают. Каждый год часть ребят, окончивших школу, разъезжается, новенькие поступают. А задумался ли ты, дорогой читатель, куда уезжает выпускник школы умственно отсталых? Конечно, к себе домой, в деревню. А знаешь ли ты, что у этих бедных ребят век короткий? Тридцать, тридцать пять, дольше они не живут. Вернувшись, они включаются в трудовую жизнь, но, будучи, по существу, инвалидами, они совершенно не в состоянии выдержать все невзгоды и испытания наравне со здоровыми. Чуть выпьют и уже теряют контроль над собой, совершают преступления, большая их часть оказывается в местах заключения.

Те, которым, отсидев срок, удается оттуда выбраться, не знают, куда себя деть. Часто при возвращении они вдруг проедут мимо родной деревни, мимо родного дома и снова постучатся в ворота Трезворской обители. Приезжают с тем, чтобы пожаловаться на свою судьбу, приезжают, чтобы их накормили, обстирали, утешили, и, если суждено будет, завершить свой век возле той, которая тебя воистину любила и понимала.

Низко кланяюсь тебе, Майка, и целую святые руки твои.

1988.

ОБА ЭТИ ПОЭТА, КОТОРЫМ «ОГОНЕК» ЩЕДРО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ СВОЙ РАЗВОРОТ, СОВЕРШЕННО РАЗНЫЕ. ОДНАКО ИХ ОБЪЕДИНЯЕТ ТО, ЧТО ОНИ ОБА ЯВЛЯЮТСЯ АВТОРАМИ ДВУХ МАЛОФОРМАТНЫХ УНИКАЛЬНЫХ ПОЭМ. Я ОСМЕЛИВАЮСЬ ПОСТАВИТЬ ЭТИ ПОЭМЫ РЯДОМ С ТАКИМИ НЕБОЛЬШИМИ ЛИРИКО-ЭПИЧЕСКИМИ ШЕДЕВРАМИ, КАК «ДУМА ПРО ОПАНАСА» БАГРИЦКОГО, «МАТЬ» Н. ДЕМЕНТЬЕВА, «ВЕРКА ВОЛЬНАЯ» ГОЛОДНОГО. ЧЕСТНО ПРИЗНАЮСЬ, ВСЕ МОИ ПОПЫТКИ СОКРАТИТЬ ЭТИ ОБА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПОТЕРПЕЛИ КРАХ, ИБО ОНИ НАПИСАНЫ ПО ЖЕЛЕЗНОМУ ЗАКОНУ МАЛОЙ ФОРМЫ — В НИХ ВСЕ НЕРАЗЪЕМНО, ВЗАИМОСЦЕПЛЕНО. ПОРАЗИТЕЛЬНА ПОЭТИЧЕСКАЯ НАСЫЩЕННОСТЬ: Я ИМЕЮ В ВИДУ И ПЛОТНОСТЬ ЯЗЫКА, И НЕСЛУЧАЙНОСТЬ ЭПИТЕТОВ, ГИБКУЮ ВИБРИРУЮЩУЮ ИНТОНАЦИЮ, ПАХНУЩУЮ СВЕЖИМИ КРАСКАМИ ЖИВОПИСЬ СЛОВА. ЕСТЬ И ТО НЕОБЪЯСНИМОЕ КОЛДОВСТВО, КОТОРОЕ ВТЯГИВАЕТ ЧИТАТЕЛЯ, КАК В ВОРОНКУ, ВНУТРЬ СТИХА: «ТЫ ЧАЛДОН, И Я ЧАЛДОН. ОБА МЫ ЧАЛДОНЫ... ПОЛОЖИ СВОЮ ЛАДОНЬ НА МОИ ЛАДОНИ». С. ВАСИЛЬЕВ, ИЛИ «ЕХАЛ, ЕХАЛ Я В ПОЛЕ БЕЛОМ, В ТЕСНОМ ТАМБУРЕ Я КУРИЛ, И НЕ ПОМНЮ Я, ЧТО Я ДЕЛАЛ, ЧТО ПОПУТЧИКАМ ГОВОРИЛ». А. АДАЛИС. Я НЕ ЗНАЮ, ДРУЖИЛИ ЛИ АДАЛИС И ВАСИЛЬЕВ — ПО РАЗНЫМ ПРИЧИНАМ, ДУМАЮ, ВРЯД ЛИ. НО ВОТ В СЕРДЦЕ МОЕМ ЭТИ ПОЭТЫ ПОДРУЖИЛИСЬ, НЕСМОТРЯ НА РАЗНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ПОЧЕРКОВ И СУДЕБ АВТОРОВ. АДЕЛИНА АДАЛИС (ЕФРОН) (1900—1969), ПОМИМО СОБСТВЕННЫХ СТИХОВ, ЗАНИМАЛАСЬ ПЕРЕВОДАМИ. С. ВАСИЛЬЕВ (1911—1975) БЫЛ ЗНАМЕНИТ КАК ПАРОДИСТ. ОБА ПРЕДЛАГАЕМЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ БЛИСТАТЕЛЬНЫМ ПРИМЕРОМ ТОГО, КАК НА СРАВНИТЕЛЬНО НЕБОЛЬШОМ ПРОСТРАНСТВЕ МОЖНО СОЗДАТЬ ОЩУЩЕНИЕ ПРОСТОРА И СВОБОДЫ ФОРМЫ.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ГОЛУБЬ МОЕГО ДЕТСТВА

Прямо с лёта, прямо с хода,
поражая опереньем,
словно вестник от восхода,
он летит в стихотворенье.

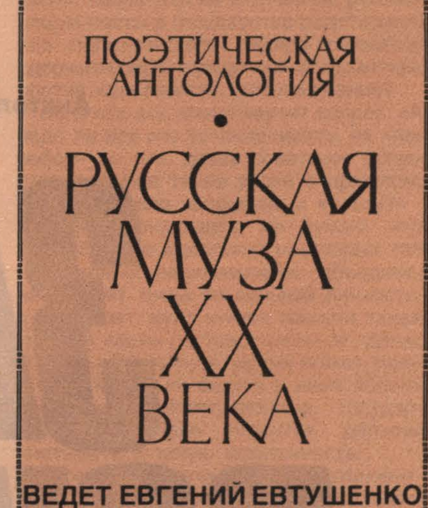
Он такой, что не обидит,
он такой, что видит место,—
он находит для насеста
самый лучший мой эпитет.
И ворчит, и колобродит,
и хвостом широким водит,
и сверкает до озноба
всеми радугами зоба.
Мне бы надо затвориться,
не пускать балуныо-птицу,
но я так скажу: ни разу
птицам не было отказу!
С милым гостем по соседству
любо сердцу и перу!..

Встань, далекий образ детства,
белый голубь на ветру.
...Было за полдень. В ограду
на саврасом жеребце
въехал всадник с мутным взглядом
на обветренном лице.
Всадник спешился. Оставил
у поленницы коня
и усталый шаг направил
сразу прямо на меня.

И, оправя лопотину *,
он такую начал речь:
«Понимаешь, парень, в спину
угодила мне картечь.
Понимаешь... мне того...
Плоховато малость.
Понимаешь... жить всего
ерунда осталось.
Воевал я не за этим!..»
Он придвинулся ко мне,
и я в ужасе заметил
кровь на раненой спине.
Я от страха — в палисадник,
пал в крыжовник и реву...

Только вижу: бледный всадник
опустился на траву,
только вижу, как баранья
шапка валится на чуб,
только слышу, как страданья
улетают тихо с губ.
Мне, конечно, стало горько,
стало тягостно до слез.
Я к нему из-за пригорка,
побеждая страх, пополз.
«Понимаю, говорю,
понимаю дюже...
Может, спину, говорю,

* Лопотина — по-сибирски: верхняя одежда.

затянуть потуже?
Понимаю, говорю,
но куда ж деваться?»
(Говорю, а сам горю —
не могу сдержаться).

Теребя траву руками,
всадник веки опустил
и, тяжелую, как камень,
чуя смерть, заговорил:
«Ты чалдон, и я чалдон.
Оба мы чалдоны...
Положи свою ладонь
на мои ладони.
Слышишь, сполохи гудут
по всему заречью —
беляки по нашим бьют
рассыпной картечью.
На семнадцать верст окрест
белые в селеньях,
так что, кроме этих мест,
нашим нет спасенья.

Я, родной мой, прискакал
на заимку эту,
чтобы красный дать сигнал,
если белых нету.
Мы бы стали по врагу
бить из-за прикрытья...
Понимаешь, не могу
дальше говорить я».

Было душно. К придорожью
медом веяло с гречих.
Всадник вздрогнул страшной дрожью,
отвернулся — и затих.

Я, конечно, понял сразу
то, что он не досказал.
И решил, как по приказу:
надо выбросить сигнал!

Я — домой. Комод у входа.
Открываю я комод,
Вижу: в ящиках комода —
свалка, черт не разберет!
В верхнем—пусто. В среднем—тесно.
В нижнем? В ворохе тряпья
теткин шелковый воскресный
полушалок вижу я!
Мне не жалко полушалка —
разрываю пополам!
Полушалка мне не жалко...
На чердак бегу. А там
со своей подругой вместе,
боевой и злой на вид,
на березовом насесте
голубь мраморный сидит.
«Что ж,— кричу,— послужим, дядя!
Повоюем на лету!»
И, багровый клок приладя
к голубиному хвосту,
я свищу: «Вали на волю!»
И пошел винтить трубач
по воздушному по полю,
по кривой рывками вскачь!
То петлями, то кругами,
то в разлете холостом!
И багровый шелк, как пламя,
за его густым хвостом!
То на выпад, то на спинку,
то как ястреб от ворон!..

Вихрем прибыл на заимку
партизанский эскадрон.

Солнце падало. Смеркалось.
Скрылись белые за мыс.
Восемь раз разбить пытались —
восемь раз стекали вниз.

Над заимкой тучи плыли.
У заката на виду
люди всадника зарыли
под калиною в саду.
И поставили подсолнух
у него над головой.
И не дрогнул тот подсолнух
и стоял, как часовой.
А когда дневное лихо
заступили тьма и тишь,
эскадрон ушел по тихой
дальним бродом за Иртыш.
И не мог я наглядеться
на подсолнух ввечеру.

...О далекий образ детства,
белый голубь на ветру!

1934

Аделина АДАЛИС

ПОЛУНОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Прелесть полночи — в легком страхе.
Совхоз «Бурное» — у реки.
Вино Грузии «Карданахи»
Развязывает языки.
Затаившиеся, как дети,
Со стаканчиками в руках,
Мы сидели при малом свете
На соломенных туфяках.
Ветер был синевато-розов
От подлунного блеска роз.
И директор куста совхозов
Странным голосом произнес:

— Вот идёт и вздыхает речка,
Пахнут лавры и камыши...
Есть у каждого человечка
Потаенное дно души!
Там живут в золотом тумане,
В теплой сырости пропастей
Лишь виденья его желаний
И скрываемых им страстей...
Хорохориться может каждый,—
Здесь, однако же, не райком!
Исповедуемся однажды
О заветном и дорогом!

И начальник погранохраны
Начал первым: — Есть дни тоски.
Ноют осенью мои раны
И седеют мои виски.
О любви я просил, рыдая,
И отказом я был убит...
Эта женщина молодая
Всё мне кажется, что летит!
В нашем лагере чисто-чисто,
Раскрывается скучный вид,
Душным вечером зов горниста
Сердце юношеское томит...
Как соловушки, свищут жабы
На различные голоса,—
А у этой летящей бабы
Апельсиновая коса...
В нашем лагере кони рябы,
Пыль горячая глубока,—
А у этой летящей бабы
Светло-розовые бока...
В нашем лагере ты жила бы,
Как весенние облака!..

Он замолк и в большой печали
Стал глядеть на речной причал,
Где пустые плоты стучали...
А хозяйственник отвечал:
— Нет, не цифры и согласованья,
Не процент падежа телят
И не метод силосованья
Меру жизни определят!
То за делом я, то за склокой,
Но давно я любить привык
Голос флейты одинокой
Или скрипки легкий крик...
Помню, помню я вечер в сквере,
Весь в настурциях водоём!..
Скрипка праздничная Гварнери
Пела шубертовское «Уйдем!».
Словно праведник после смерти
На лазоревом берегу,
Был я с девушкой на концерте
И забыть ее не могу...

...Он в задумчивости и восторге,
Важность медленно храня,
Стал прогуливаться по галерке,
А начальник спросил меня:
— Ты, голубчик мой, видно, этим
Излиянием страшно рад?
О тебе дуракам и детям
Много всякого говорят!
Ты не маленький — быть безгрешным:
К черту ханжескую ложь!
Расскажи нам о самом нежном,
Что ты в памяти бережешь!..

Я ответил им: — Угадали!
Отличил бы я в смертный миг
Карданахи от Цинандали
И красавицу — от других.
Я не маленький —
быть безгрешным —
Перед вами я не в долгу:
Расскажу вам о самом нежном,
Что я в памяти берегу...

...Шел я медленно и с оглядкой,
И над улицами слегка,
Словно вишнями, пахло сладкой
Водкой мартовского ледка!..
Вечерея, синели дали,
Тонкий, маленький был мороз,
Вдоль Кузнецкого продавали
Золотые кусты мимоз.
Помню, помню я все приметы
Счастья, бывшего через край!
Помню экстренные газеты,
Что южанами взят Шанхай!
О, когда это будет снова?
Помню, в комнату я принес
Литр столового разливного
И невиданный сад мимоз!
Перечитывать бюллетени
Трех товарищей приволок,—
И мимоза бросала тени
На крутящийся потолок!
Кто подумал бы об измене?
Бедный город мой, ты далек!
Пусть накажет меня могила,
Если будешь ты мной забыт!
Как давно это счастье было!
О, как память моя болит!..
Так я крикнул,— и не посмею
Повторить это никогда,—
Опалила мне лоб и шею
Краска медленного стыда —
Горечь нежностей неприличных,
Неумеренного огня!..
Два приятеля закадычных
Отодвинулись от меня.

Я пошел себе понемножку,
Самого себя обругав...

Старший выбежал на дорожку,
Удержал меня за рукав:
— Исповедался? Больно хваткий! —
Прежде выслушаешь отца!
Трудно высказаться, ребятки...
Будем искренни до конца.
О любви я просил, рыдая...
Ходят пыльные облака...

Летит женщина молодая
Цвета света и молока!
А врагов у нас есть немало,
Ищут паспорта и угла! —
Эта женщина приезжала
И на койку мою легла.
И сказала мне, как ребенку:
— Жизнь прекрасна и коротка! —
И я выкинул ту бабенку
Из военного городка!..

Нам приходится в жизни круто,
Нам знакомы и страсть и страх,—
Но в решающую минуту
Мы оказываемся на постах!
Вот любовь моя перед нами —
От субтропиков — за тайгу!..
На груди ношу ее знамя,
Но болтать о ней не могу!
Лучше стерпим любую муку,
Чем любимую огорчим...
Так я думаю... Дай мне руку!
Улыбнемся и помолчим...

И директор ожесточился:
— Разве радости только вам?
По разверстке я, брат, учился
Струнной музыке и словам!
Скрипка в комнате пировала,
Пела девушка, стыл обед...
На ферганские покрывала
Падал розовый полусвет...
Среди сладкого помраченья
Длилась праздничная зима!
До случайного полученья
Полуграмотного письма:

«В той сторонке — худая правда,
Где распахано у реки.
Нет ни ситца, ни леофанта,
Запаршивели те быки.
В том совхозе, при той природе
Можно иначе повернуть.
В той сторонке, в двадцатом годе,
Ты был ранен навылет в грудь.
К честной гибели наготове,
Лег на связочку ковыля,—
Ведь на собственной твоей крови
Та замешана земля».

Ехал, ехал я в поле белом,
В тесном тамбуре я курил,
И не помню я, что я делал,
Что попутчикам говорил...
Все, что думал я, забывал я,
Била ветреная волна...
В щеки черные целовал я
Незнакомого чабана...
Нам приходится в жизни круто,
Нам знакомы и страсть и страх,
Но в решающую минуту
Мы оказываемся на постах!
Вот любовь моя перед нами —
От субтропиков — за тайгу!..
Я в руках несу ее знамя,
Но болтать о ней не могу!..
Скрытой нежностью мы согреты —
И за ханжество не прими:
Наши книжечки-партбилеты
Станут дышащими людьми.
Лучше стерпим любую муку,
Чем любимую огорчим...
Так я думаю... Дай мне руку!
Улыбнемся и помолчим...

И, неловкие, лапа в лапе,—
О, как искренность весела!
Мы стояли при слабой лампе
У некрашеного стола...
И на западе, под обрывом,
За развилкою трех дорог
Спал в доверии молчаливом
Наш молоденький городок.
А под горкою, на востоке,
Ржали лошади, выли псы,
Спали мирные новостройки
Пограничной полосы.
И по стенам их, и по крышам
Золотистый плыл туман:
Он, казалось нам, был надышан
Населением этих стран —
Углекопами, рыбаками...
И лазурная ночь текла
Над светящимися облаками
Человеческого тепла!..

1935

Анатолий ВЕНГЕРОВ, доктор юридических наук

ЗАСЛОН ВОЖДИЗМУ

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ЮРИДИЧЕСКИЕ ГАРАНТИИ ПРОТИВ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ?

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ — ЭТО, ПОЖАЛУЙ, САМОЕ ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ ПОРОЖДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ. ЕСТЬ ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИК: ОБОЖЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА-РУКОВОДИТЕЛЯ, ВОЖДЯ, ВЕРА В ЕГО СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ, ГЕНИАЛЬНОСТЬ, ОЖИДАНИЕ ОТ НЕГО ЧУДА. НО ЕСТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ЛИКИ КУЛЬТА. ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ ИХ МОЖНО БЫЛО БЫ ТАК: ПОЛНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА, УСТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ. ПРИ ТАКОМ РЕЖИМЕ РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА — КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, ДРУГИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ВЫСШИХ И МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ — СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ, ВСЕЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ОСОБЕННО СУДА И ДРУГИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, СВОДИТСЯ К ОДНОМУ: БЕЗУСЛОВНОМУ ВЫПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ (УКАЗАНИЙ, УСТАНОВОК, ДИРЕКТИВ И Т. П.), ПРИНЯТЫХ ИЛИ ОДОБРЕННЫХ ВОЖДЕМ.

Но не надо думать, что такая личная политическая власть возникает по прихоти, капризу того или иного политического деятеля, что она чисто субъективного свойства.

Конечно же, от личных свойств многое зависит: способы борьбы за власть, коварство, злоба, интриги, с помощью которых идет устранение реальных или мнимых соперников, масштаб репрессий, чудовищная жестокость, формы произвола и т. п. Однако только личными качествами всего не объяснить. Ведь не одна наша страна, но и другие социалистические страны породили культы личности — от крайних форм в КНР до различных их модификаций в некоторых восточноевропейских и азиатских странах, а в нашей стране после разгрома культа личности Сталина на XX съезде КПСС и в известном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года о преодолении последствий этого культа вновь зародился и расцвел не менее уродливый культ личности Брежнева.

Однако, говоря о культе, никак нельзя забывать и о том обществе, в котором культ существовал.

Административно-командная система управления, доведенная Сталиным до своего логического конца — культа личности, была лишь тормозом для тех революционных целей преобразования общества, которые нес с собой социализм. Не благодаря культу личности, а вопреки ему удалось трудящимся осуществить социалистические преобразования. И за это пришлось заплатить огромную цену.

Но всевозможные социальные деформации, вызванные культом, никак не зачеркивают трудовые усилия народа, который строил, пахал, летал в космос. Подменить понятие «культ личности» понятием «народ» очень бы хотелось как раз всем тем, кто был взят в команду административно-бюрократической системы и верно служит ей до сих пор.

Кроме того, эти культы, эта административно-командная система не являются моделью организации социализма. Как нет равенства между культом и народом, так нет этого равенства между социализмом и культом.

Этой модели противостоит ленинская концепция, начало реализации которой относится к 1921 году, когда, как писал В. И. Ленин, мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Она характеризуется новой философией централизма (установление сбалансированности, общих пропорций народного хозяйства), хозрасчетом, распределением по труду, законностью, гарантированностью прав, демократизацией. Возрождение ленинской концепции (разумеется, с учетом специфики 80-х годов) в идеологии и практике перестройки — это и есть тот исторический шанс, которым может воспользоваться социализм.

Но для этого надо, чтобы движение от культа личности к народовластию стало необратимым.

Что сделать для этого? Исторический опыт социалистического переустройства в СССР показывает, что одних экономических мер, имеющих антикультовскую направленность, явно недостаточно.

Казалось бы, в годы нэпа экономические методы хозяйствования, хозрасчет должны были мощно противостоять идеологии принуждения к труду, уравниловке и другим приметам надвигающегося культа личности. Однако этого не произошло. Политическая надстройка общества смогла за несколько лет буквально «разгромить» хозрасчетные формы организации и управления экономикой, смогла провести отчуждение миллионов людей от земли, создать огромный «рынок» дешевых рабочих рук.

Следовательно, политическая надстройка не такая уж пассивная, зависимая от сиюминутных экономических отношений сила. Реформа 1965 года также не спасла от реставрации худших форм административно-командной системы, культа Брежнева.

Не срабатывали в борьбе с культом и политические меры. На такие меры внутрипартийного характера возлагал в свое время большие надежды В. И. Ленин. Не случайно он в своем «политическом завещании» был так озабочен необходимостью провести изменения в организационной, кадровой структуре ЦК, РКИ, расширить их состав за счет рабочих, чтобы поставить заслон возможной узурпации власти, злоупотреблению ею. Сталин, сосредоточивший в своих руках необъятную власть, стал для Ленина символом именно такого, недопустимого развития событий. Но внутрипартийные гарантии в случае со Сталиным оказались тщетными.

Не срабатывали политические меры и впоследствии.

В постановлении XX съезда «О культе личности и его последствиях» ЦК КПСС было поручено «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным». Не помогло!

Ф. Бурлацкий в очерке «Хрущев» рассказывает, как оказалась тщетной надежда Хрущева на идеологическое развенчание культа личности, на идеологические гарантии. Не удались Хрущеву и внутрипартийные политические гарантии — попытка ввести сменяемость руководящих кадров, членов Политбюро через два-три срока. И XXVI съезд КПСС показал, что можно вообще ничего не изменять, никого не переизбирать. Этот съезд, на мой взгляд, стал апофеозом режима личной власти, венцом культа Брежнева.

Прислушаться бы Хрущеву к Пальмиро Тольятти, который призывал искать причины режима личной власти не в личностях, а в системе (в административно-командной системе, добавили бы мы сейчас). Но двойственное положение самого Хрущева, и как участника сталинских репрессий на Украине и в Москве, и как разоблачителя культа Сталина, привело лишь к тому, что он, Хрущев, воскликнул уже в шестидесятых годах: «Дай нам бог быть всем такими марксистами, как Сталин».

Скажем прямо: перестройка пока не выработала мощных гарантий против возможной реставрации культа. И это очень тревожит многих людей, наученных горьким опытом прошлого и задающих один и тот же вопрос: где гарантии необратимости перестройки, где гарантии, что бюрократия не вернет культ личности?

Конечно, обнадеживает, что современное политическое руководство страны, Генеральный секретарь ЦК КПСС резко отрицательно относятся к культовской идеологии и практике.

Происходит также и мощный духовный процесс возрождения достоинства советского человека, преодоления рабской психологии. Перестройка в этой области — это также и возврат к здравому смыслу, к тысячелетнему народному опыту, народной мудрости, противостоящей изначально всяким культам и культикам (вспомним, как предстают перед нами в сказках глупые цари и их помощники). И все же перестройка настойчиво бьет в колокол: надо дополнить субъективные гарантии и объективными, государственными правовыми! Надо создать такую систему гарантий, когда сама попытка какого-нибудь политического авантюриста узурпировать власть заранее была бы обречена на провал.

Советское общество уже 66 лет пытается решить проблему разграничения функций партийных, советских и хозяйственных органов. И если первоначально этому мешала идеология социалистического государства как государства диктатуры пролетариата, политическим выражением которого в числе прочего объявлялась все возрастающая руководящая роль Коммунистической партии, то сейчас этому препятствуют многие противники перестройки, сторонники культовского понимания социализма и способов его управления.

А ведь еще в 1922 году на XI съезде КПСС в резолюции, предложенной

В. И. Лениным, говорилось: «Парторганизации должны направлять деятельность хозорганов, но ни в коем случае не стараться заменять или обезличивать их. Отсутствие строгого разграничения функций и некомпетентное вмешательство приводят к отсутствию строгой и точной ответственности каждого за вверенное ему дело, увеличивают бюрократизм в самих парторганизациях, делающих и все, и ничего...»

Но разграничение функций партийных, хозяйственных, советских органов не сводится только к взаимоотношениям парторганизаций и администрации предприятий (объединений), как полагают некоторые. Этот процесс затрагивает более глубокие структуры и ценности социализма.

В первую очередь речь должна идти о фигуре политического руководителя, лидера социалистического общества. Таким в условиях однопартийной системы, при правящей Коммунистической партии выступает ее Генеральный (первый) секретарь.

В каких бы сочетаниях с государственными должностями ни пребывал руководитель Коммунистической партии, он реальная, ключевая фигура политической системы советского общества, политический руководитель, лидер страны. В Конституции должен быть закреплен реальный институт политического руководителя партии и страны — Генерального секретаря, установлены его правовые отношения с важнейшими государственными институтами.

В частности, не только в Уставе КПСС, но и в Конституции СССР, на мой взгляд, следовало бы ограничить срок пребывания в должности Генерального секретаря и оговорить, что возможность продлить срок для выдающегося руководителя должна реализовываться только посредством всенародного референдума.

Ограничение срока для пребывания в должности политического лидера, а также аналогичные ограничения для деятелей на других руководящих постах пробуют осуществить уже некоторые социалистические страны. В Болгарии на Национальной конференции БКП высказано предложение о пребывании на всех руководящих постах в партии не свыше двух сроков (по 5 лет каждый) и в исключительных случаях не свыше трех сроков.

В Конституции СССР надо установить также норму, запрещающую совмещение в нормальных условиях развития общества должности Генерального секретаря и Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Генерального секретаря и Председателя Совета Министров СССР.

В прошлом совмещение Сталиным, Хрущевым постов руководителя партии и председателя правительства, а Брежневым — руководителя партии и Председателя Президиума Верховного Совета СССР явилось правовой основой установления или усиления режима личной власти.

Думается, что для политического лидера, для лиц, занимающих высшие посты в государстве, необходимо ввести процедуру присяги. Текст ее наряду с другими высокими обязательствами мог бы включать и обязательство хранить политические институты советского общества. Нарушение присяги явилось бы основанием для смещения с соответствующего поста, возбуждения уголовного преследования. Причем такой процесс в отношении высших должностных лиц государства могли бы начать перед Конституционным судом (этот суд необходимо учредить, вменив ему и ряд других функций конституционно-судебного надзора) депутаты, члены правительства, руководители общественных организаций, некоторые иные лица и организации.

В политическом механизме, созданном с 1936 года режимом личной власти, было и так: совмещение секретарями ЦК постов председателей ключевых комиссий Верховного Совета СССР — по иностранным делам, законодательных предположений и некоторых других.

Таким образом, структура партийной иерархии была перенесена и на Верховный Совет СССР, что снижало его конституционно-контрольные функции. За все время существования Верховного Совета СССР не было случая образования следственной комиссии, хотя это предусматривалось Конституцией. А ведь практика культа преподнесла народу столько злоупотреблений и преступно-ошибочных решений, что хватило бы и на десятки таких комиссий.

Впервые наглядный сбой, свидетельствующий, что не все ладно в деятельности высшего законодательного органа, произошел при прохождении в 1987 году в Верховном Совете СССР проекта Закона о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан. Даже краткое обсуждение проекта закона показало его несовершенство, но все же он был принят под отлагательным условием — вернуться еще раз к рассмотрению предложений депутатов на следующей сессии. Однако и на следующей сессии две поправки были внесены и приняты без обсуждения, а важнейшая — о праве гражданина обжаловать в суд коллегиальные решения — даже не рассматривалась. Конечно, такая процедура обсуждения и принятия законов вряд ли может в критических ситуациях превратить Верховный Совет в барьер на пути культовских поползновений.

Но это пример наглядного сбоя. А сколько таких сбоев скрыто в архивах Верховного Совета СССР, сколько не дошло до открытого обсуждения депутатами.

Конечно, пока будут существовать такие формы работы советского парламента, никаких реальных гарантий против культа личности не создать. И одно из назревших преобразований — отход от «огосударствления» партии, с одной стороны, и развитие советского парламентаризма — с другой. Иными словами, передовым социальным силам общества необходимы такая политическая система, такой советский парламентаризм, которые были бы основаны на разделении партийной и советской власти.

Так что же, опять лозунг «Советы без большевиков»? Да нет же. Политическое руководство остается, безусловно, за Коммунистической партией, через коммунистов она и будет проводить свои установки и решения. Но Советы — местные, высшие — должны стать действительно работающими корпорациями, парламентами, депутатская деятельность должна приобрести новый статус, стать постоянной, платной. Да, реальная демократия стоит дорого, но намного дешевле, пожалуй, формальной, открывающей дорогу культовской практике келейного безудержного и неконтролируемого расточительства.

Необходимо разделить также судебную и партийную власти.

Подбор кандидатов в судьи партаппаратом, их партийная и иная зависимость перед районными, городскими парткомами, словом, вся административно-командная система формирования судебного аппарата дорого обошлась советскому народу. Одна лишь практика «телефонного права», паразитирующая на этой системе, сломала судьбы тысяч невиновных и освободила от ответственности многих негодяев.

Словом, разграничение функций реальных властей советского общества могло бы стать государственно-правовой гарантией против культа личности.

Но, думаю, что и этого недостаточно. Антикультовские юридические гарантии должны охватить и другие сферы появления и проявления культа, прежде всего его человеческую ипостась.

Д. Гранин, беседуя с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным о блокадных днях Ленинграда, попробовал разговорить своего собеседника о человеческих отношениях членов Политбюро, о каких-то бытовых деталях и наткнулся на глухую стену непонимания.

Мысленно писатель молит собеседника: «Расскажи, чего же ждать?.. Народ доверил тебе в решающие годы руководить промышленностью, правительством, ключевыми событиями, и будь добр, отчитайся. Напиши или расскажи. Тем более что творили вы эту, нашу историю, судьбу нашу — безгласно, решали при закрытых дверях, никому не открывались в сомнениях или ошибках».

Но А. Н. Косыгин молчит, а его помощник Б-ов затем выговаривает Д. Гранину: «Есть правила, есть субординация, существует, наконец, этикет, если угодно — церемониал. И насчет личного не принято у людей такого ранга выспрашивать. Где вы слыхали, где читали, про кого, чтобы вам раскрывали, допустим, их настроения, болезни? Извините. Не положено... Значит, есть тому основания».

А почему, собственно, не положено? Вряд ли, конечно, здесь самыми действенными могут стать правовые средства, но какие-то процедуры регулярных пресс-конференций политических руководителей могут быть установлены соответствующими регламентами, информация о личной жизни руководителей станет попадать на страницы газет и журналов, раскрывая человеческие качества руководителя.

А иначе будут ситуации вроде той, о которой пишет Д. Гранин, или вроде той, которая появилась в интервью Эрнста Генри: «Недавно умер В. М. Молотов, которого связывали со Сталиным долгие годы совместной работы, который верил Сталину беспредельно и остался верен до конца своих дней. Тридцать лет назад он подвергся суровой критике и тем не менее остался на позициях сталинизма. Он знал много, очень много, но так до конца своей жизни ничего и не сказал — ни народу, ни партии». А если бы в свое время существовала обязанность таких руководящих работников, как Молотов, давать интервью, отвечать на вопросы журналистов, отчитываться перед народом?

Вот узнали мы из маленькой заметки, что умер Г. М. Маленков. Но это ведь тоже целая эпоха, а кто и что в свое время у него мог спросить, узнать?

И политические, и человеческие качества руководителя, даже его семейные и иные личные дела, возраст, например, отнюдь не безразличны народу, и не случайно информационный голод в этой сфере насыщается слухами, сплетнями. Пожалуй, если изменить здесь ситуацию, то трудно будет из человека лепить бога.

С личной жизнью руководителя сопрягается и такая черта культа, как попытки создания династических структур. И в советском обществе, и в других социалистических странах мы сталкиваемся с ситуациями, когда отсутствие отработанного механизма передачи реальной власти политического лидера приводило к зачаткам формирования династических механизмов. Сталин «подарил» нам Василия Сталина — командующего ВВС Московского военного округа, о котором в начале 50-х годов с придыханием сообщали, как он удачно руководил воздушными парадами. И ведь дошло до того, что впрямь Василий Сталин по пьяному делу вообразил себя «наследником». Хрущеву пришлось его изолировать за различные неблаговидные поступки, пока не стало ясно, что алкоголь окончательно сокрушил этого «наследника». Сам Хрущев тоже провел своего родственника в члены ЦК, а Брежнев своих — в первые заместители министров, а других родичей и днепропетровских друзей посадил на иные теплые местечки.

Династическое присвоение общественных должностей — это, пожалуй, самая питательная среда для режима личной власти и вообще для деформаций и деградаций социализма.

Так, может быть, установление в Конституции СССР правила о запрещении назначать на ключевые, руководящие посты в государстве родственников политического лидера окажется сдерживающей юридической гарантией против культовских поползновений?

Конечно, все время звучит вопрос: «А надо ли все это устанавливать, не «перебор» ли это, разве советское общество, получив такие уроки в прошлом, не выработало неприятие к культу?»

Горько признавать, но думаю, что надо. Вот и в идеологии некоторых так называемых неформальных объединений звучит тоска по сильной личности, и кто знает, куда может завести такая тоска, к каким реставрационным идеям. Не только в рамках партии может зародиться культ, но ведь и в иных общностях — и конституционные, государственно-правовые гарантии должны учитывать и такую возможность.

В режиме культа личности становится огромной и особенно опасной, если она ведет к произволу, роль помощников «вождя», особенно при достижении им престарелого возраста и отсутствия возрастного ограничения на занятие руководящей должности. Вспомнить тут можно хотя бы о фигуре помощника Сталина А. Н. Поскребышеве, об иных помощниках при других культах: фактически они и правили именем вождя под заслоном формальных политических институтов.

Законодательная, да и внутрипартийная неурегулированность положения помощника позволяет ему при режиме культа творить произвол. Совсем недавно, например, стали известны «художества» помощника Кунаева — бывшего первого секретаря ЦК Казахстана. Взяточничество, протекционизм, к сожалению, добрались и до этого уровня. В печати то объявляли фамилии помощников, участвующих в политических акциях, то они снова исчезали со страниц газет и уходили в таинственные сумерки кабинетов.

А стоило бы упорядочить статус и этих аппаратных фигур, равно как и всех других персон, помогающих в управлении государственным руководителям: консультантов, секретарей. Хотя бы давать о них информацию народу, чтобы знать, кто они и откуда появляются на ключевых аппаратных постах.

И, наконец, о культовской символике. Отнюдь не безобидное это дело — портреты вождя на ветровых стеклах автобусов, значки с изображениями вождя на лацканах, монументы при жизни. Здесь возможны юридические запретительные меры, думаю, что это сфера применения административного законодательства. Административная ответственность за пропаганду символов, восхваляющих культ личности, — вполне допустимая юридическая мера.

Да, мы знаем, что культ личности и авторитет руководителя — вещи разные, несовместные. Увы, социализм не исключил политическую борьбу за власть, не исключил возможности появления культов руководителей, вождей. И никакие юридические меры против культа личности, какими бы на первый взгляд они ни казались наивными, иллюзорными, не окажутся лишними. Стоит попробовать! ●

НЕЧАСТО БЫВАЕТ, ЧТОБЫ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА ПОСЛЕ ОСТРОГО ЖУРНАЛЬНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ СОСТОЯЛА СПЛОШЬ ИЗ ОДОБРИТЕЛЬНЫХ ПИСЕМ. ТАКОЕ ПРОИЗОШЛО, КОГДА В 28-м НОМЕРЕ «ОГОНЬКА» ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД ПОЯВИЛАСЬ СТАТЬЯ ИГОРЯ АЛЬТЕРА «НАШИ — ЗА ГРАНИЦЕЙ». НАПОМНЮ, ЧТО АВТОР РАССКАЗАЛ О ПОВЕДЕНИИ В БОЛГАРИИ СОВЕТСКИХ ТУРИСТОВ — ТЕХ САМЫХ, ЧЬИ ВЫЕЗДНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СГОДИЛИСЬ БЫ В КАЧЕСТВЕ ПРОПУСКА В ЗАОБЛАЧНУЮ ВЫСЬ, ИМЕНУЕМУЮ РАЕМ, НО КОТОРЫЕ ПОПАЛИСЬ НА ТРИВИАЛЬНОМ ВОРОВСТВЕ В БОЛГАРСКИХ МАГАЗИНАХ И ОТЛИЧИЛИСЬ РАЗНУЗДАННЫМ ПЬЯНСТВОМ НА БОЛГАРСКИХ КУРОРТАХ. ЧИТАТЕЛИ ЕДИНОДУШНО ПОДДЕРЖАЛИ ВЫВОД И. АЛЬТЕРА: ХОТЯ И НЕЗНАЧИТЕЛЕН ПРОЦЕНТ СОВЕТСКИХ ТУРИСТОВ, СЧИТАЮЩИХ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ИЗОБРЕТЕНИЕМ, НЕВЕДОМЫМ ЗА РУБЕЖОМ, А МОРАЛЬНЫЕ НОРМЫ — ПРИДУМАННЫМИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ НАШЕГО ВНУТРЕННЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ, НО ПОВЕДЕНИЕ ЭТИХ ЛЮДЕЙ СЕРЬЕЗНО ВЛИЯЕТ НА НЕ ПОДДАЮЩИЙСЯ СТАТИСТИКЕ ПРОЦЕНТ ПОТЕРИ НАШЕЙ СТРАНОЙ АВТОРИТЕТА.

Владимир ЦВЕТОВ

В ЯПОНИЮ ЗА МАГНИТОФОНОМ

Среди откликов — письма от Чечено-Ингушского, Саратовского и Одесского областных советов профсоюзов. Они конкретными действиями выразили свое согласие с тем, о чем написал журнал: воры, названные «Огоньком», осуждены трудовыми коллективами, с них взыскали ту часть стоимости путевок, которая была покрыта за счет профсоюзных средств.

Однако ликвидирована ли проблема? Нет, к сожалению, хотя не исключено, что вслед за Чечено-Ингушским, Саратовским и Одесским облсовпрофами и другие профсоюзные организации стали строже подходить к распределению путевок для заграничных путешествий. Москвич Виктор Андреевич Филиппин верно написал: «Причины «набегов» на магазины — дефицит многих товаров у нас в стране и недостаток общей культуры в нас самих». Действительно, торговый дефицит рождает кое у кого нехватку гордости, а то и совести. Недостаток же общей культуры делает притягательной зарубежную поездку не возможностью познакомиться с историей, искусством, бытом другого народа. Поездка предстает подходящим случаем что-то «достать» — как в смысле «купить», так и в значении «украсть», о чем и говорилось в статье И. Альтера.

Читатели сообщили о многих других случаях недостойного поведения советских туристов в ГДР, Венгрии, Чехословакии. И не об одном воровстве и пьянстве поведали письма. Они вызвали в моей памяти картины, свидетелем которых был я сам.

У входа в один из магазинчиков — надписи по-русски: «Добро пожаловать!» и почему-то «Аэрофлот», хотя магазинчик не имеет никакого отношения к воздушным перевозкам. Здесь торгуют бытовой электроникой с параметрами, позволяющими использовать ее у нас. Свои 19 тысяч иен туристы оставляют, как правило, в этом магазинчике.

— Что вы думаете о советских покупателях-туристах?

Вопрос непростой для любого японца, тем более для японского торговца, которому каждый клиент дорог, как отец, и приятен, словно невеста накануне свадьбы. После долгого нерешительного раздумья торговец наконец говорит:

— Мне жалко их. Япония превратилась в самую дорогую в мире страну, и 19 тысяч иен,— торговец демонстрирует прекрасную осведомленность о состоянии туристского бумажника,— ничтожная сумма, чтобы на нее можно было приобрести качественную вещь. Будь у советских туристов побольше денег,— продолжает продавец,— они смогли бы покупать отличные японские товары, а не низкосортную дешевку из Гонконга или с Тайваня.

Что-что, а разницу между торговым клеймом «мейд ин Джапан» и «мейд ин Гонконг» большинство туристов знает. И поэтому в ресторане на пути в Камакуру туристы наотрез отказываются от обеда, заранее оплаченного туристской фирмой и специально сервированного к приезду группы. «Отдайте нам стоимость обеда деньгами!» — требуют туристы.

Уверен, что приземление у ворот «Дисней ленда» летающей тарелки вызвало бы у японцев меньшее удивление, чем советские туристы, пытающиеся продать с рук входные билеты в парк. Они получили их в счет стоимости путевки. Представьте себе иностранца, сбывающего входной билет на Выставку достижений народного хозяйства в Москве. Наверное, поспешили бы поглядеть на этого пришельца из космоса, объявившегося у ВДНХ.

Но оставлю туристов. Быстро расширяющиеся международные экономические, научные, культурные связи нашей страны сделали обычной за рубежом фигуру советского командировочного, фигуру жалкую и одновременно комичную. Об унизительно убогом гостиничном быте советского командировочного в печати уже упоминалось, да и не об этом сейчас разговор. Советский командировочный получает в сутки 7150 иен. Сумма небогатая, но достаточная, чтобы питаться в скромных ресторанчиках, не оповещая, разумеется, об этом принимающих командировочного японцев, поскольку принцип встречать по одежде универсален во всем мире. Однако Акихабара влечет к себе не только туристов.

Туристу под силу приобрести на Акихабаре кассетный магнитофон. Командировочный замахивается на телевизор или видеомагнитофон. Обшарив карманы и выбрав из них все суточные, вплоть до медных десятииеновых монет, командировочный нередко сталкивается со злой реальностью: денег не хватает. И тогда отчаянно краснея, он извлекает из-за пазухи баночку черной икры: не возьмет ли торговец взамен недостающей суммы?

Я присутствовал при подобной сцене. Надо было видеть брезгливую насмешку в глазах торговца. Я мечтал, чтобы сию минуту разразилось землетрясение и Акихабара вместе с ее электронными чудесами рухнула бы в тартарары. Но не дрогнула земля, и я утешился мыслью: торговцу неведомо, что унижающийся перед ним клиент — лауреат самых престижных советских премий, несущий в советские массы разумное, доброе, вечное.

«Прискорбное исключение»,— скажет, быть может, читатель. Прискорбное правило, возражу я. И, к сожалению, не только на Акихабаре. Американское телеграфное агентство привело высказывание Рей Шашо, владельца вашингтонского магазина, в котором продаются фотоаппараты и бытовая электроника. Рей Шашо заявил: «Некоторые из русских предлагают в уплату черную икру, но я отказываюсь от такой сделки».

За годы работы в Японии мне не раз приходилось сталкиваться с командировочными, впервые оказавшимися в Японии, которые понятия не имели, как добраться до театра Кабуки или до Музея современного искусства, но достаточно четко представляли, где расположен район Бакуротё — место оптовой продажи одежды, обуви, белья. Цены на Бакуротё, как и положено на оптовом рынке, значительно дешевле, чем в универмагах и в розничных магазинах. И поэтому на Бакуротё у командировочных что-то происходит со зрением. Не скажу, что стыд выедает у них глаза, но так или иначе командировочные не видят объявлений: «Розничная торговля не производится», «Розничных покупателей просим в магазин не входить».

В отличие от Акихабары здешние торговцы интервью на тему о розничных покупателях дают с готовностью. Видно, тема для торговцев наболевшая. Задаю вопрос:

— Сюда, я знаю, заходят иностранцы — розничные покупатели. Они очень вам досаждают?

— Досаждают необычайно,— слышу в ответ.

— Почему?

— Им трудно объяснить, что здесь они совершенно нежеланные гости. Мы — оптовики и снабжаем товаром только владельцев розничных магазинов. Торгуя в розницу сами, мы подорвем их бизнес.

— Среди иностранцев, пытающихся сделать тут дешевые покупки, кто встречается особенно часто? — осторожно спрашиваю у торговца.

— Приезжие из стран Юго-Восточной Азии.

Тогда я ставлю вопрос в лоб.

— А советские люди на Бакуротё бывают?

Торговец уже разобрался, откуда я сам, и начинает стесняться — не в обычае японцев говорить неприятную правду в лицо да еще иностранцу.

— И все же,— настаиваю я,— заходят к вам советские люди?

Торговец отводит взгляд и смущенно выговаривает:

— Да, заходят. Вместе с приезжими из...— торговец запинается на полуслове — не хочет меня обидеть, но все же продолжает, стараясь смягчать выражения:— Заходят вместе с приезжими из недостаточно развитых стран.

На Бакуротё советских людей ставят на одну доску с теми, кого мы именуем представителями «третьего мира», самонадеянно относя себя к первому, то есть передовому государству. В развалах Бакуротё, где выкладывают самый что ни на есть бросовый товар, рылись однажды три ведущих советских ученых-обществоведа, и наблюдал за ними их переводчик-японец. Накануне он переводил для японских участников философского симпозиума выступления этих ученых, в которых доказывалось преимущество социализма перед всеми другими общественно-экономическими формациями.

Бакуротё полностью отвечает стремлению многих командировочных купить числом поболее и ценою подешевле. Хоть и ниже цены на Бакуротё, чем в обычных магазинах, но и на оптовом рынке вещи, конечно же, стоят денег. И голодный командировочный отворачивается от витрин самых дешевых закусочных «Макдональд». Он спешит в свой гостиничный номер-пенал, набирает в стакан воды, опускает в него электрокипятильник, привезенный из дома, застилает газеткой тюк с колготками с Бакуротё и коробку с видеомагнитофоном с Акихабары, открывает на импровизированном столе консервированные рыбные котлеты, купленные в московском ларьке, и ест их, подделывая кусочком сушки, тоже из московской булочной. Кипяток, чуть подкрашенный пакетиком грузинского чая, помогает проглотить этот типичный обед советского командировочного в токийском отеле.

Прежде чем вконец вознегодовать по поводу поведения за границей наших туристов и командировочных, вернусь к письму Виктора Андреевича Филиппина, которое я цитировал, и продолжу мысль, вытекающую из его рассуждений.

Сумма вкладов во всех советских сберегательных кассах достигла фантастической суммы — 250 миллиардов рублей. Нет, не скопидомы отнесли свои деньги в сберкассы. Вкладчики с радостью потратили бы их, да нет нужных товаров, а те, что есть, отвратительного качества. Вот и превращаются рубли в бумажки, на которые ничего нельзя приобрести. Поэтому-то туристу представляется вполне рентабельным заплатить 3 тысячи рублей за поездку в Японию, чтобы получить вместе с путевкой 19 тысяч иен, или примерно 85 полновесных рублей, если считать по официальному курсу Госбанка СССР. А командировочный соглашается терпеть лишения, чреватые язвой желудка, идет на унижение, на потерю достоинства — человеческого и гражданского, чтобы сделаться обладателем предметов, недоступных ему дома. Что же касается храмов, курортных пейзажей, «Дисней ленда», то для туриста они не более чем гарнир к магнитофону. При «недостатке общей культуры» — снова привожу письмо В. А. Филиппина — гарниром можно и пренебречь.

И все же трудно избавиться от чувства стыда за наших людей, компрометирующих страну. Этим чувством проникнуты все письма, полученные журналом в связи со статьей «Наши — за границей». Читатели едины во мнении: о таких людях надо писать, надо приводить их фамилии. Гласность и здесь сыграет свою очистительную роль.

ВЗГЛЯД СО СВЯТОЙ ГОРЫ

В МАЛЕНЬКОМ ЭСТОНСКОМ МЕСТЕЧКЕ КУРЕМЯЭ НАХОДИТСЯ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЮХТИЦКИЙ УСПЕНСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ОСНОВАННЫЙ ОКОЛО ВЕКА ТОМУ НАЗАД. СЛОЖЕННАЯ ИЗ ДИКОГО КАМНЯ СТЕНА ОКРУЖАЕТ ЕГО. НАД СВЯТЫМИ ВОРОТАМИ — ЗВОННИЦА С СЕМЬЮ КОЛОКОЛАМИ.

У КАЖДОЙ
МОНАХИНИ —
СВОЕ
ДЕЛО,
ИЛИ,
ПО-МОНАСТЫРСКИ,
ПОСЛУШАНИЕ.
СЕНОКОС,
ПАСЕКА,
КОНЮШНЯ,
РЕСТАВРАЦИОННО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
МАСТЕРСКИЕ —
ЖИЗНЬ
В МОНАСТЫРЕ
СОСТОИТ
ИЗ ТРУДА
И МОЛИТВЫ.

В ОГРАДЕ — УСПЕНСКИЙ СОБОР, МОНАШЕСКИЕ КЕЛЬИ. СТО ПЯТЬДЕСЯТ НАСЕЛЬНИЦ В МОНАСТЫРЕ. У КАЖДОЙ — СВОЯ СУДЬБА, НО НЕ НАДО СПРАШИВАТЬ ИХ, ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ НАДЕЛИ ОНИ СВОИ ЧЕРНЫЕ ОДЕЖДЫ. ЭТО ВСЕ РАВНО, ЧТО ДОПЫТЫВАТЬСЯ У ПОЭТА, ПОЧЕМУ ОН ПИШЕТ СТИХИ.

ВЗГЛЯД СО СВЯТОЙ ГОРЫ

Александр НЕЖНЫЙ,
Анатолий ГОРЯИНОВ (фото)

В стародавние времена монастырские стены могли послужить либо убежищем от житейских невзгод и печалей, либо тюрьмой (вспомним хотя бы жен Ивана Грозного или буквально под ножом постриженного в монахи «лукавого царедворца» и незадачливого царя Василия Шуйского); но ныне среди тысячи с небольшим насельников девятнадцати православных монастырей нашей страны (двенадцать мужских и семь женских) мы вряд ли отыщем человека, который сделал бы свой выбор не по призванию. Не уяснив этого, с готовностью приняв на веру литературный штамп (несчастная любовь) или незатейливый пропагандистский прием (отсталость мышления, пережитки прошлого), мы рискуем не заметить в монастыре пусть малую, но органичную часть народной жизни, образ иного, нам непривычного, но освященного исторической традицией бытия, неложное свидетельство глубины человеческого сердца.

Многих из тех, кого в пятьдесят втором застала на Святой горе послушница Валентина Трофимова, ныне игуменья Варвара, в монастыре уже нет. На вечное житие переселились они — на кладбище, расположенное на среднем уступе горы, возле деревянной церкви во имя святителя Николая Чудотворца и преподобного Арсения Великого. Да, старые монахини уходят, но монастырь не пустеет. И все насельницы, как ни отличны были одна от другой в той жизни возрастом, профессией, образованием, здесь стали сестрами: по объединяющему их религиозному чувству, по страстному желанию найти для себя иное, удовлетворяющее их вере бытие, по данному им призванию.

Сначала хитон, потом связочка (остроконечный головной убор), затем ряса и камилавка и, наконец, постриг, мантия и сопровождающие их торжественно-грозные обеты.

Всех, кто хочет остаться на Святой горе, игуменья Варвара предупреждает: «У нас трудная работа». В самом деле: монастырское хозяйство, представляя собой редчайший в наше время образчик хозяйства почти натурального, держится в основном трудами насельниц. Труды немалые. Надо вспахать, обработать, засеять семьдесят пять гектаров пашни; надо вырастить урожай пшеницы и ржи, собрать его и на целый год обеспечить обитель хлебом, огромные душистые караваи которого выпекает монахиня Анастасия. Газ в монастыре есть, но печи в пекарне и на кухне топят только дровами. Их надо заготовить на отведенной лесничеством делянке, привезти на лошадках и уложить в знаменитые пюхтицкие «стога», так восхищающие приезжих. Это ли не работа! Однако не вся. Скотный двор (восемнадцать дойных коров), конюшня (восемь лошадей), курятник... А переплетная мастерская? Мастерская золотошвейная? Реставрация икон? А помощь соседнему колхозу в уборке картофеля (заведующий отделением соседнего совхоза является в монастырь с просьбой: «Помогите, святые сестры, совсем отстаем!»)? Лесничеству — в посадке деревьев? Права настоятельница: легкой жизни в монастыре нет. Но когда знакомишься с так называемыми послушаниями, иными словами, с монастырским хозяйством, прежде всего обращаешь внимание на радость, сопутствующую здесь любому труду.

И настоятельница игуменья Варвара, и казначей игуменья Георгия, и монахиня Любовь — все они, вспоминая начало своего служения, единодушно отмечали суровый, трудный уклад монастырской жизни. Конечно, не женское это дело — пилить под корень высоченные сосны, а затем грузить их на телеги... Но в конце концов в ту пору вряд ли могло быть иначе, хотя бы потому, что заключенный в монастырской ограде иной мир форму своей хозяйственной деятельности заимствует из мира внешнего. А в послевоенные годы тяжкую ношу вынесли на своих плечах русские женщины в колхозах и шахтах, на заводах и стройках. Достойно внимания поэтому совсем другое: не сама работа, а отношение к ней; не обязанность труда, а восприятие его; и, может быть, даже не сам пот, а то чувство, с которым проливает его человек. Именно из монастырей ушло в мир полное глубочайшего смысла выражение: труд есть молитва. Можно толковать его как призыв к добросовестному исполнению любого дела, что будет вполне справедливо; можно, кроме того, указать, что, признав труд таким же обращением к богу, каким является молитва, мы, безусловно, отвергаем искажающие и обесценивающие наши усилия произвол, фальшь и нечистоту, и с этим тоже нельзя не согласиться; но главнее всего тут, вероятно, мысль об одушевлении труда столь искренним и сильным чувством, что он приобретает качества, позволяющие преодолеть тяготение необходимости и нужды.

Монашескому труду вообще многим обязана Россия. Монастырь вкоренен в национальную почву столетиями созидательной, хозяйственной и культурной работы, и перемены в условиях его существования, иная среда обитания, новый мир вокруг лишь выясняют нам важность сохранения традиций. Там, где искривленный невежественным подозрением взгляд увидит лишь вредное заблуждение, взгляд, полный уважения к творчеству, отметит богатейшую традицию, блистательно выразившую себя в произведениях живописи, музыки, литературы и философии.

Святая гора (эстонцы называют ее Журавлиная) окутана тем таинственным очарованием, в котором непросто бывает отличить друг от друга правду и вымысел, фантазию и реальность. Обыкновенно разделяющие их строгие границы размыты, рубежные столбы снесены, и они представляют собой как бы единое целое. Сочетания такого рода создают некую вторую действительность, предоставляющую равные права на существование как свидетельствам прошлого, подтвержденным, к примеру, археологическими раскопками, так и народной легенде, бережно передаваемой из поколения в поколение.

Археологи предъявят нам найденные здесь новгородские каменные кресты XII—XIII веков, глиняную посуду, относящуюся к тому же времени, доспехи и оружие, типичные для русских воинов, сражавшихся под знаменами Александра Невского, который неподалеку отсюда, на льду Чудского озера, разбил немецких псов-рыцарей. Что же до легенд, то есть эстонская — о славном богатыре Калеве, в этих краях совершавшем свои подвиги, предательски погубленном и похороненном близ Журавлиной горы. Есть и русская — о чудотворной иконе Успения Божией Матери, в шестнадцатом веке найденной на склоне Святой горы, у подножия дуба. Икона находится в Успенском храме монастыря; дуб — единственный, кстати, в здешних окрестностях — сохранился и поныне и стоит за кладбищенской оградой. От него ощутимо веет древностью, и всякий раз, глядя на его темно-серую кору, на искривленный ствол, в который некогда ударила молния, я думаю, что на древнее это дерево, на источник, находящийся чуть ниже, опирается в своем странствии по времени наша память. Они помогают ей хранить предание и нерушимую веру в милосердие, добро и любовь.

«Огонек» выступил
Что сделано?

ПЕРВЫЙ ЭТАЖ ГОРОДА

ЦЕНТР ГОРОДОВ НАШИХ — ДЛЯ ГОРОЖАН; НЕ ДЛЯ КОНТОР. ПУСТЬ ТУТ БУДУТ НЕ ТРЕСТЫ И УПРАВЛЕНИЯ, А КАФЕ И БЛИННЫЕ, МАГАЗИНЫ И МАГАЗИНЧИКИ, ВСЯКИЕ РАЗНЫЕ МАСТЕРСКИЕ. ПУСТЬ ПРИДУТ СЮДА СО СВОИМ НОВЫМ ТОВАРОМ КООПЕРАТОРЫ, ПУСТЬ! НО ПОКА ОККУПАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ТОЛЬКО НА КУЗНЕЦКОМ МОСТУ, В САМОМ ЦЕНТРЕ СТОЛИЦЫ,— ДЕСЯТКИ КОНТОР И КОНТОРОК. ВЫВЕСКИ ЧИТАТЬ УСТАНЕШЬ... ПОЛОЖЕНИЕ ИЗМЕНИТСЯ? ЭТО ОБЕЩАЕТ ПИСЬМО, ПОЛУЧЕННОЕ ИЗ МОСГОРИСПОЛКОМА.

Приятно, что в нем есть согласие с публикацией, но жаль, что обойдены, не названы конкретные сроки... Письмо сообщает о том, что **исполком Моссовета внимательно рассмотрел опубликованные в журнале «Огонек» статьи К. Барыкина под рубрикой «Первый этаж города» («Огонек» №№ 13, 48, 1987) и считает, что в них затронута актуальная проблема, над разрешением которой работают Мосгорисполком и его службы.**

Во исполнение постановления Совета Министров СССР исполком Моссовета разработал «Комплексную программу социального и экономического развития г. Москвы до 2000 года» и принял решения о реконструкции в первую очередь зон улиц Арбата, Горького, Столешникова переулка, улиц Сретенки и 25 лет Октября. Указанными решениями предусматривается вывод организаций, занимающих помещения в этих зонах под конторы и не имеющих непосредственного отношения к функциям столичного центра, и использование высвобождаемых площадей под службы торговли, быта, общественного питания, а также культурного и общественно-политического назначения.

На указанных улицах размещается большое количество организаций. Например, только в зоне реконструкции Сретенки их более 200. Некоторые из них являются крупными учреждениями и занимают помещения большой площади. Учитывая, что ранее крайне мало строилось административных зданий и помещений, подбор для выводимых организаций других площадей в периферийных районах представляет значительные трудности.

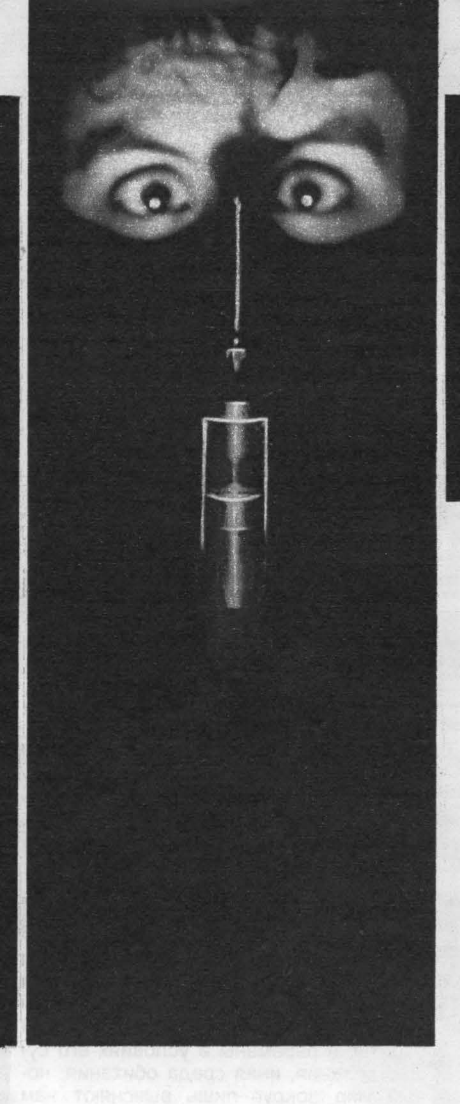
В перспективе Мосгорисполком планирует освободить также здание Старогостиного двора, где размещено ныне свыше 100 организаций, для использования его под организации сферы обслуживания и культуры.

Что касается вывода Отдела нежилых помещений, то этот вопрос будет рассмотрен в комплексе всех вопросов, связанных с реконструкцией улицы Кузнецкий мост и использованием расположенных здесь зданий в рамках программы по реконструкции центра Москвы.

А. С. МАТРОСОВ,
заместитель председателя исполкома Моссовета.

ИТАК, Н

НЕ ТАК ДАВНО В НАШЕЙ СТРАНЕ БЫЛО СДЕЛАНО ВАЖНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ: ОТКРЫЛИ НАРКОМАНИЮ. СУМЕЕТ ЛИ НАШЕ ОБЩЕСТВО ПРЕДОТВРАТИТЬ ЕЕ МАССОВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ? ВРЕМЕНА ТРЕСКУЧЕГО ОПТИМИЗМА, КАЖЕТСЯ, ПРОХОДЯТ, И С ГРОМОГЛАСНЫМ «ДА!» И ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИМ «НЕСОМНЕННО» СПЕШИТЬ НЕ БУДЕМ... ИНФОРМАЦИИ ПО ПРОБЛЕМЕ МАЛО, А ТА, ЧТО ЕСТЬ, ХРАНИТСЯ В КЛАДОВЫХ РАЗЛИЧНЫХ ВЕДОМСТВ, КУДА ДАЛЕКО НЕ КАЖДОГО ПУСТЯТ И ОТКУДА ДАЛЕКО НЕ ВСЕ ВЫНЕСЕШЬ.

Кое-что, правда, ведомства сами выносят на страницы печати, хотя, понятно, не без разбора. Сообщено, что на наркологическом учете в начале 1987 года было около 50 тысяч наркоманов. МВД, кроме того, ведет свой подсчет, куда попадают все, кто стоит на наркологическом учете, плюс те, кто замечен или заподозрен в употреблении наркотических или токсических веществ, всего в сумме более 120 тысяч, о чем тоже сообщалось. Однако вопреки всякой логике остаются государственной тайной элементарные сведения: география учета, группировки по полу, возрасту, социальному происхождению и положению, виду потребляемых веществ и т. д.

Возьмем то, что нам доступно.

ДИНАМИКА ЧИСЛА СОСТОЯЩИХ НА НАРКОЛОГИЧЕСКОМ УЧЕТЕ НА КОНЕЦ ГОДА, В ПРОЦЕНТАХ; 1980-й ПРИНЯТ ЗА 100

	Наркоманов	Токсикоманов
1980	100	100
1981	101	106
1982	104	79
1983	104	83
1984	104	109
1985	114	124
1986	128	201

ДИНАМИКА ЧИСЛА ВПЕРВЫЕ ПОСТАВЛЕННЫХ ДИАГНОЗОВ В ТЕЧЕНИЕ ГОДА В ПРОЦЕНТАХ; 1980-й ПРИНЯТ ЗА 100

	Наркомания	Токсикомания
1980	100	100
1981	111	79
1982	132	89
1983	184	97
1984	193	154
1985	277	193
1986	434	710

Нетрудно заметить, что самые большие приросты дали два последних года. За 1985 и 1986 годы находящихся на наркологическом учете стало больше на 10 с лишним тысяч — такое же увеличение, как за предыдущие 12 лет (с 1972-го). Число токсикоманов росло особенно быстро и за те же два года почти удвоилось. На 1 января 1987-го общая сумма учета достигла 48 тысяч, включая свыше 43 тысяч наркоманов и около 5 тысяч токсикоманов.

Опережающими темпами росло число впервые диагностированных больных. Хроническими наркоманами в 1985-м были признаны (впервые в жизни) 9 тысяч человек, в 1986-м — 14 тысяч. В сумме примерно столько же, сколько за предыдущие 5 лет (1980—1984). А токсикоманами в одном только 1986 году — 2314 человек, что почти совпадает с числом диагнозов уже за 6 лет (1980—1985 годы).

Понятно, что учет охватывает лишь неопределенную часть наркоманов. Трудно также сказать, с чем больше связан нынешний скачок в цифрах — с ростом наркомании или ростом активности милиции, от которой перестали требовать «снижения преступности». Но цифры ползли вверх и при прежних установках. Люди со стажем как наркоманы, так и те, кто имеет с ними дело, тоже подтверждают, что рост наркомании носит отнюдь не фиктивный характер.

Наркомания в известном смысле идет сюда со стороны, даже как бы с двух сторон — кроме Запада, еще и с востока нашей страны, главным образом из Средней Азии,— где потребление опиума и гашиша широко практикуется с незапамятных времен. Европейский вариант, сложившийся в Соединенных Штатах и Западной Европе, существенно отличается от традиционного восточного. Отличается прежде всего своим бескомпромиссно разрушительным характером. Именно такой вариант у нас и осваивается. Поступление же самих наркотиков через западные границы близко к нулю. И наоборот, менее опасный пример Востока не находит подражателей, зато с «восточного фронта» идет поток наркотиков и разнообразные секреты наркотической кухни. Чем чревато такое сочетание, можно судить по крупным городам, в которых смешиваются восточные и европейские нравы и народы. В Алма-Ате запах анаши можно обнаружить в самых неожиданных местах, достать траву или кокнар не проблема, школьники, как правило, неплохо разбираются в наркотиках, многие знают способы приготовления и употребления, даже если сами не употребляют.

Угроза массового распространения наркомании в нашей стране, безусловно, реальна. Процесс, собственно, уже начался. А попытки предотвратить его скоротечное развитие представляются пока что малоубедительными.

* * *

— Есть в вашей работе «проблема номер один»? — спросил я.

— Есть,— пошутил генерал,— корреспонденты.

К «корреспондентам» сейчас у различных ведомств много претензий — мешают работать, дезориентируют общественность. Догадываюсь, что и эта статья встретит скорее всего не самый ласковый прием, причем не только в кабинетах, но, увы, и в общественном мнении.

В каждой теме есть вопросы, которых лучше не трогать — слишком болезненной будет реакция; от одной мысли о ней становится не по себе. И все же, наверно, именно такие вопросы, для начала хотя бы часть из них, обсуждать необходимо.

Задача «предотвратить» вроде бы легко конкретизируется в задачи следующего уровня: блокировать деятельность изготовителей и распространителей, утечку «лекарств», доступ к наркотикам и к информации о технологиях их изготовления, в идеале полностью перекрыть кислород потребителям и задушить явление в зародыше. Но не предстает ли тогда проблема в качестве «сугубо милицейской»?

Стратегия подавления взята на вооружение и в других странах, это верно, но результаты совсем не вдохновляют.

В 1970 году президент Никсон добился резкого усиления антинаркотического законодательства, полицейских подразделений, таможенного контроля и т. д., после чего наркомания продолжала безудержно расти. По мнению американских исследователей, во многом благодаря тому, что появился ток в цепи: усиление борьбы — рост цен — повышение прибыльности наркобизнеса — мощный приток капиталов (которым по плечу преодоление любых барьеров) — рост предложения. У нас масса потребителей находится в основном на самообеспечении, товарно-денежные отношения развиты слабо, наркомафия в зачаточном состоянии. Но где гарантии, что с «повышением ставок» наркотическая пирамида не будет быстро достроена?

Отечественный опыт показывает, что успехи в ограничении доступа к привычным препаратам стимулируют распространение других, как правило, более варварских, более опасных. После запрета посевов опийного мака пошла в ход «химка», которую, как оказалось, можно получать из мака «обыкновенного». Зависимость на «химке» развивается быстрее, синдром лишения принимает тяжелейшие формы, риск передозировок и отравлений увеличивается многократно. Посмотрим, что последует теперь после объявления вне закона посевов уже масличного мака. Нагляднее всего та же проблема отразилась в нынешнем всплеске токсикомании. «Нюхачи» используют чаще всего такие вещества, контролировать доступ к которым невозможно даже теоретически. Действие же этих веществ, по словам специалистов, после полугода регулярного потребления сплошь и рядом приводит к слабоумию, если раньше не приводит к смерти.

Часто приходится слышать: наркоманы — ладно, вот с токсикоманами не знаем, что делать! Действительно, все, что можно с токсикоманом сделать, это поставить на учет, пропесочить, сообщить в школу и папе с мамой. Нельзя посадить, статьи нет. Обидно, конечно, но почему мысль работает упорно в одном направлении? Может, стоит подумать о восполнении пробелов не только в законодательстве?

Конечно, у нас есть свои преимущества. Но есть и свои беды. Одна из самых больших — богатые традиции решения сложнейших социальных проблем совершенно неадекватными их сути средствами. Негибкость, переоценка возможностей административных решений и недооценка несанкционированно развивающихся процессов — все это достигает масштабов порой фантастических. Сила таких традиций не только в психологической инерции. Они прочно закреплены в деятельности социальных институтов, сложившейся системе принятия решений и отработанных механизмах их реализации. И борьбе с наркоманией могут оказать много медвежьих услуг.

Однообразие действий и идей в этой сфере, на мой взгляд, тесно связано с репрессивным стилем мышления, широко представленным на всех этажах нашего общественного сознания.

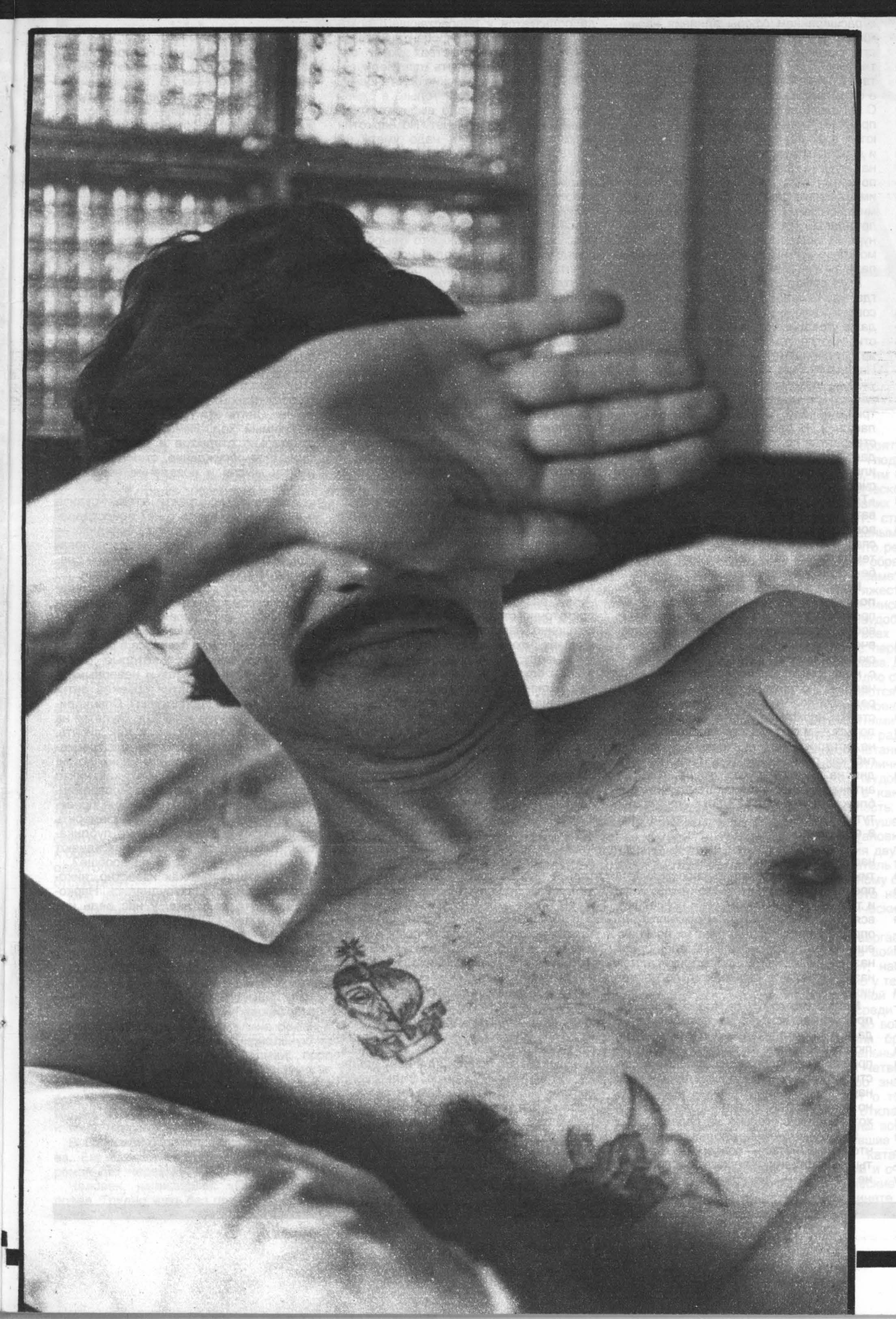
Как быть с непутевыми ловцами кайфа, для таких мыслителей не вопрос: выслеживать, отлавливать, ставить на учет, ограничивать в правах, отправлять на принудлечение, сажать в тюрьму. Репрессивное мышление делает выбор без колебаний. Оно целиком сосредоточено на одной стороне дела и напрочь игнорирует второй ключевой элемент ситуации — тягу к наркотикам, точнее, к любым вообще средствам, позволяющим искусственно менять состояние своего сознания, своей психики. Как быть с этим? Теперь у нас, к счастью, появилась надежда на социальный ремонт, начавшийся в апреле восемьдесят пятого года. Но ремонт займет не один год, а глубинные его результаты станут ощутимыми еще позже. Ну, и кроме того, общее оздоровление еще не избавляет от специфических болезней.

Издержки извращенного подхода к проблемам, к сожалению, далеко не всегда наглядны. Но в некоторых случаях создаются своего рода наглядные пособия. В 1987 году в интересах борьбы с наркоманией была строго регламентирована продажа медицинских шприцев. Кто-то, слава богу, хорошо отчитался о принятых «конкретных мерах», кто-то их одобрил, все нормально. Между тем шприц не наркотики, которые нужно доставать каждый день, достал однажды — хватит надолго. И не трудно, по-моему, догадаться: кто уме-

АРКОМАНИЯ

Михаил ЛЕВИН,

Юрий КОЗЫРЕВ (фото)

ет доставать наркотики, сумеет обеспечить себя и шприцем. Впрочем, чтобы не быть умозрительным, я провел небольшой эксперимент и в течение недели достал (не злоупотребляя «служебным положением» и проч.) три шприца, из них один купил в аптеке. Значит, наркоман тем более достанет.

Могут сказать, что, допустим, большой пользы нет, но вреда, однако, тоже никакого, пусть наркоманы покрутятся, не надо облегчать им жизнь. Определенные трудности у потребителей наркотиков действительно возникнут, точнее, уже начали возникать: время от времени кто-то остается без «машины» и почему-либо не может или просто не спешит тут же обзавестись новой, но вовсе не перестает колоться. Потому что на этот случай у него есть товарищи, у которых в порядке и шприц, и игла, он идет к ним и «двигается» вместе с ними. И это **единственно** мыслимый результат: одним шприцем будут колоться не двое, трое, четверо, как это у многих практикуется сейчас, а пять, шесть или больше человек. Другими словами, расширяются масштабы «обобществления» инфекции, передающейся через кровь. В итоге потребление наркотиков не уменьшится ни на одну инъекцию, а вот распространение СПИДа вполне может ускориться. И вовсе не только в кругу наркоманов — от них СПИД будет передаваться остальным, ведь заражение возможно и половым путем.

Сейчас идет оживленная полемика вокруг еще одной частности: организовать или нет анонимное лечение наркоманов? Противников масса. Официально решающий довод — неэффективность: наркомания — болезнь серьезная, лечить надо основательно и долго, что достижимо только в условиях стационара. Игнорируется при этом и то, что эффективность стационара тоже близка к нулю, и то, что результаты прямо пропорциональны желанию лечиться, и то, что люди, которые могли бы хоть какую-то помощь и какой-то шанс получить, вообще пока не лечатся. Неофициально же — гневные рассуждения о том, что нельзя делать им послабления, оставлять лазейки. «Мы именно потому против, что они за».

А вот некоторые отзывы об основательном и долгом лечении. «Ты знаешь, что такое шоковый инсулин? Это когда тебя делают полным идиотом!» «Ломку там снимают холодным способом: привязывают к койке и оставляют загибаться». «Они с людьми экспериментируют! Оттуда через одного калеками выходят». «Вдуют галоперидол, ляжешь — хочется встать, встанешь — хочется лечь». «После больницы я и стал настоящим наркоманом». И т. д.

Сверхрепутацией пользуется один препарат, применяемый против наркологических и психических больных (в том числе мнимых). Когда они плохо, по мнению врача, себя ведут, им вводят сульфазин. От определенной дозы человек приходит в состояние полной беспомощности — температура под сорок и за сорок, невыносимая боль в мышцах, бред, обмороки, ощущения подавленности, страха. Это при одноразовом назначении, а если пропишут курс...

Конечно, проще всего объявить это

бреднями наркоманов, а того, кто протаскивает их в печать, обвинить в клевете. Я и сам поначалу не мог поверить. Но не поверить невозможно — вот эти люди, одни сами через это прошли, другие знают, как проходили их товарищи, и расскажут вам во всех подробностях, где (название, адрес), кто (ФИО) и как лечит от хронической наркомании.

Понятно, что клиники и врачи есть разные, в том числе очень хорошие, к которым, кстати, идти не боятся, понятно, что позиция наркоманов в этом вопросе, мягко говоря, не отличается объективностью. Но медицина для такого к ней отношения дает поводов более чем достаточно. В неофициальных беседах наркологи признают: да, бывает. Но не потому, что ставится такая задача, а потому, что мало квалифицированных специалистов, а неквалифицированные и в самом деле могут залечить до какого угодно состояния.

Предвижу упрек от людей, которые, допуская даже, что отдельные факты еще порой имеют место, наверно, выразят недоумение по поводу безответственного предания подобных фактов гласности. Зачем внушать наркоманам, что лечения лучше сторониться?

Начнем с того, что истинно добровольно и сейчас лечатся единицы, наркоманы очень неплохо осведомлены, и никакой автор и никакая публикация никогда не введут их в заблуждение. Но дело не только в этом. Надо ли уговаривать больных подвергаться такому лечению — вот в чем вопрос. Ведь оно прямо нарушает принцип «не навреди». Не будет ли это еще более безответственно?

* * *

Недостаточность (а возможно, и ошибочность) подхода к проблеме, поначалу скорее всего неизбежная, со временем может быть устранена, чему должно помочь начавшееся ее общественное обсуждение. В общественном мнении, однако, господствуют полумифические представления о наркотическом мире, и вряд ли они станут плодотворной основой решения хоть каких-нибудь проблем. Циркуляции мифов всячески способствует пресса, мифологию оберегают всякого рода неписаные и даже писаные правила.

Отчасти мифология опирается на факты — иначе она и не была бы такой устойчивой. Даже специалисты, наркологи и работники угрозыска, прекрасно знающие проблему, склонны иногда доверять мифам, поскольку сталкиваются в основном, так сказать, с конечным продуктом, крайним контингентом, к тому же в специфических ситуациях. Кое в чем правда и мифология почти неразличимы, но это вовсе не значит, что они взаимозаменяемы.

Миф о кровожадных наркоманах — самый, наверно, далекий от жизни. Наркоманы, говорит миф,— сверхагрессивные, патологически жестокие, неописуемые античеловеки, настоящие вампиры; пьяницы и уголовники по сравнению с ними — милейшие люди, само смирение. Наркоманы все время кого-то убивают, причем самыми зверскими способами: зарывают живьем в землю, зарубают топорами, запиливают электропилами.

В действительности же они в общем и целом гораздо спокойнее тех же пьяниц, правонарушения совершают главным образом не насильственные, а имущественные, на насилие зачастую не способны в буквальном смысле — сил нет. Наркотики за исключением барбитуратов, по действию сходных с алкоголем, сами по себе агрессивности у большинства не вызывают, опиаты многих приводят в умиротворенное состояние («Как выпью, обязательно в какую-нибудь историю вляпаюсь. А химию сделаю — наоборот, спокойный, музыку послушать, полежать...»). Общественный статус наркомана тоже заставляет вести себя осторожнее, тише. Если же наркоман совершает убийство, то, как правило, не потому, что он наркоман, а потому, что он убийца. Случай можно найти на любой вкус. Но когда пишут раз за разом о случаях, а о том, насколько они часты, умалчивают, у читателей, своей информации не имеющих, складывается впечатление, будто им рассказывают о самых что ни на есть обычных для этого жуткого мира вещах.

Миф о невинных жертвах подсказывает многие идеи относительно борьбы с расширением сферы влияния наркомании. Он делит наркомир на две части. Одна — носители и распространители порока, другая — невинные жертвы. Главная забота первых — вовлечь в свой порок как можно больше людей. С помощью дьявольских ухищрений они проникают в молодежную среду, втираются в доверие к хорошим мальчикам и девочкам и в удобный момент сажают на иглу, а затем с удовлетворением потирают руки: жертвы скоро понесут им бешеные деньги, сотню за сотней, миллион за миллионом. Жертвам схема предлагает позицию сугубо страдательную: их вовлекают, их развращают, их молодые жизни ломает наркотическая пагуба.

А на самом деле разве не так? Иногда, крайне редко, почти так. Иногда не совсем так — предлагают, угощают, даже уговаривают, но без всякой корысти. Иногда тем более не так — никто не уговаривает, новичок сам просит. Наконец, иногда, тоже редко, совсем уж не так — отговаривают, советуют держаться подальше. («Они мне месяца три не давали, говорили, врагу не пожелаешь».) В любом случае жертвами становятся по своей воле, в сети попадает тот, кто сам их ищет, сознательно или подсознательно. У жертв на сей счет иллюзий значительно меньше. «Тянуло», «хотел», «хотелось попробовать» — вот обычные объяснения мотивов и ситуации дебюта. Короче говоря, спасение жертв сильно осложняется тем, что они сами так и тянут к «пагубе» свои невинные ручонки.

Миф о роковой черте или о скоропостижной погибели помогает среди прочего как-то сгладить противоречивость предыдущего. Каким образом вчерашняя жертва сегодня уже подыскивает жертвы для себя? Очевидно, с ней произошли коренные перемены, человек потерял свою сущность и обрел другую. Чем это объяснить? Действием наркотика. Стоит однажды уколоться — и от тебя как такового ничего не осталось, как личность ты уже погиб, как физическое тело погибнешь со дня на день. Так что лучше, говорит антинаркотическая пропаганда, не приближайся к роковой черте (внимание: тут основная мысль!) — пропадешь в один миг.

Этот миф — излюбленный объект насмешек для тех, кто знаком с наркотиками. А те, кто его распространяет, прекрасно знают, что это лишь миф, и тем не менее истерически пресекают всякие попытки даже косвенного его опровержения. Определяет их позицию еще один фундаментальный миф, предназначенный уже не для публики, а, что называется, для служебного пользования.

Миф о святой лжи или о шоковой пропаганде исходит из того, что правда в данном случае недопустима. Если людям, особенно молодым, немного не прибавить от себя, если краски не сгустить, чуть-чуть не преувеличить, они начнут экспериментировать и незаметно втянутся. На первый взгляд разумно, хотя, конечно, только на первый.

И очень многие, вполне возможно, что большинство — совсем не бюрократы, не противники воспитания правдой, не глупцы,— в принципе согласны с тем, что **в данном случае** лучше перепугать, чем недопугать. «В такой неправде есть своя правда» — если у молодых людей будет чуть преувеличенное представление о зле наркомании, им это не повредит, скорее наоборот. Чего ради устраивать опровержения? Наркоманы обижаются? Бог с ними.

Попытки запугать довольно наивны уже потому, что, кроме газет и лекторов общества «Знание», есть и другие источники информации в любом дворе, на каждой улице и в каждой школе. Но вообразим, что официальная пропаганда пользуется у подрастающего поколения доверием стопроцентным. При каких же обстоятельствах могут сыграть свою роль «чуть преувеличенные» антинаркотические установки? Они могут пригодиться только в одной ситуации — когда надо выбирать, принимать наркотик или нет. Но наркотик надо еще достать и надо уметь им пользоваться. Ясно, что новичок за редчайшими исключениями не может этого сделать самостоятельно, прежде надо попасть в соответствующую компанию. А в этой компании он увидит совсем не то, что ему внушали. Ему рассказывали о каких-то выродках и недоумках, а тут вполне нормальные ребята, и ничего, живут, один учится, другой работает, у кого-то семья, а он уж не первый год торчит... Ага, значит, и про наркотики все врали...

Много десятилетий поощрялось мифотворчество по совсем другим поводам. Ну, например, о трудовых свершениях, о производстве, ведь надо было пропагандировать любовь к труду, взращивать поколения, которые будут ходить на работу, как на праздник. Что получалось при соприкосновении детских иллюзий с действительностью, хорошо известно, долго еще мы будем расхлебывать кашу, заваренную сказочниками.

Беда в том, что мифы легко опровергаются, и тогда вместе с упрощениями и преувеличениями отметается и то, что действительности соответствует. Иначе говоря, шоковая пропаганда снабжает молодых людей оружием, которое в решающий момент подведет.

Как раз **в данном случае** правда достаточно страшна сама по себе. Совершенно, например, не нужны преувеличения, чтобы прийти к тому же самому выводу: не экспериментируйте ни в коем случае! Достаточно рассказать, чем «один раз» угрожает реально.

Поначалу он втягивает в отношения не столько с наркотиком, сколько с людьми, «в компанию», в которой после первого раза трудно избежать продолжения (не из-за наркотика, а из-за компании), избежать частых повторений, следовательно, уже действительно привыкания и зависимости, бывает, что в первые недели после дебюта. Другая опасность идет от кошмарной антигигиены, которая для большинства групп действительно типична, а не исключительна. Когда одна машина на всех, нетрудно подцепить любую заразу, в том числе этот чертов СПИД. Может и сразу произойти трагедия, действительно достаточно одного раза: при кустарном и иногда «кооперативном» изготовлении той же «химки» или «винта» почти никогда не известна точная концентрация вещества. Это риск передозировки, с некоторыми препаратами риск смертельный. Неизвестно также, сколько примесей, не получилось ли грязное вещество — а это тоже риск. Неизвестно, не попали ли в вену волокна ватки, через которую фильтруется состав. Можно просто забыть промыть шприц и иглу, кипятить вообще некогда. Случаются и другие неприятности, например, из-за галлюцинаций: если «крыша поехала», приключения возможны непредсказуемые. Когда двигаются на дозе, с каждым разом это все труднее: руки «гуляют», не слушаются, попасть с первого захода не получается, если особенно иголка плохая, чуть дернулся или не заметил, как пошел контроль — проткнул вену... Впрочем, это уже мелочи, просто ерунда по сравнению с тем, что вы на пути к рабству.

Да, к рабству, это уже не миф. В сущности, наркотик «подлавливает» гораздо хитрее, чем расписывает шоковая пропаганда. Первым делом он у многих устраняет чувство опасности... Один из любимых мифов наркоманов — миф о свободе: «Соскочить — можно!».

* * *

Итак, что мы имеем? На практике — повторение чужого опыта, который не оказался успешным. В общественном мнении — заросли нелепых предрассудков. В психологии — привычку рубить сплеча. В объективных данных (статистических и социологических) — почти полный нуль, подкрепляемый закрытостью даже имеющейся куцей информации. И т. д.

Не возникает ли пресловутое ощущение безнадежности? Если да, то очень хорошо. Именно оно может дать импульс поиску новых подходов. Поиску, который требует не просто сообразительности и изобретательности, но огромной и очень трудной работы, причем работы, я бы сказал, многоходовой,— это принципиально.

Разговор о наркомании начат, но ни до одного серьезного вопроса пока не дошел. И не только из-за неосвоенности темы и некомпетентности журналистов. Еще и потому, что тема обложена со всех сторон грифами ведомственной тайны. Снять эти грифы — первый необходимый ход. Начать наконец действительно открытое и действительно серьезное обсуждение, стимулирующее работу мысли и появление новых вопросов.

Банально, но факт: чтобы судить о вещах, надо иметь о них представление. Этот ход из разряда очевидных — наладить систематические исследования, непрерывное социологическое слежение и прогнозирование ситуации.

Прямое его продолжение — изменение способа принятия решений, который пока, мягко говоря, далек от научного. Выводы, рекомендации, разработка конкретных мер строятся в основном на предположениях, которые могут быть как верными, так и неверными.

А из чего выводятся правила антинаркотической пропаганды? Специалисты из Минздрава и МВД не скупятся на советы, они знают, что и как писать, о чем не писать. Но разве они специалисты в пропаганде, в психологии, в массовом сознании? Или, как никто другой, знают и понимают «современную молодежь»? Почему бы не провести элементарный зондаж, не замерить реакцию на соответствующие публикации: вызывают ли доверие, как влияют на установки, читаются ли вообще?

С ответами мы, как известно, никогда и ни в чем не затруднялись. Наркомания? Это не у нас, у нас ведь нет безработицы. СПИД? У нас нет наркомании и проституции, а возможно, и секса, нам бояться нечего...

●

МАСШТАБЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОБЫТИЯ ОПРЕДЕЛЯЕТ ВРЕМЯ. ОНО ПОМОЖЕТ СООТНЕСТИ РОМАН «ЖИЗНЬ И СУДЬБА» С ДРУГИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ, ОКОНЧАТЕЛЬНО УСТАНОВИТЬ ЕГО СВЯЗЬ С КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ, МЕСТО В ЛИТЕРАТУРНОМ РЯДУ. НЕ ПРЕДУГАДЫВАЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, НЕ ПРЕТЕНДУЯ НА ВСЕСТОРОННЕЕ РАССМОТРЕНИЕ, Я ПОПЫТАЮСЬ ГОВОРИТЬ О ЗАВЕРШЕННОМ ПОЧТИ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД РОМАНЕ КАК О СОБЫТИИ В НАШЕЙ СЕГОДНЯШНЕЙ ЖИЗНИ. ПУСТЬ ДАЖЕ КТО-ТО ИЗ ЧИТАТЕЛЕЙ НЕ ПРИНЯЛ РОМАН ИЛИ ПРИНЯЛ С ОГОВОРКАМИ.

В. КАРДИН

ЖИЗНЬ — ЭТО СВОБОДА...

НАД СТРАНИЦАМИ РОМАНА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

Успех первой части дилогии В. Гроссмана романа «За правое дело», начатого в 1943 году под впечатлением Сталинградской победы и спустя девять лет опубликованного в «Новом мире», не на шутку встревожил многих писателей, слывших знатоками военной темы. М. Бубеннов, автор ныне безнадежно забытой «Белой березы», опубликовал разгромную статью в «Правде», А. Первенцев, создатель романа «Честь смолоду», где крымские татары походя объявлялись нацией предателей, обвинил В. Гроссмана в «идеологической диверсии».

Такие свистопляски оставляют глубокий след в духовной жизни, а для кое-кого служат своего рода курсом обучения: вот как устраняется талант, вот как подбираются обвинительные пункты применительно к эпохе. Будь то эпоха закрута или застоя, волюнтаризма или гласности, когда борьба таланта и бездарности, свободолюбиво-демократической тенденции и тенденции авторитарно-бюрократической особенно обостряется.

В начале 60-х годов мне случайно попалась стенограмма обсуждения романа «За правое дело» на очередном полузакрытом совещании в Союзе писателей. Автор отсутствовал, роман отстаивали редактор «Нового мира» А. Твардовский и его зам. А. Тарасенков. Член редколлегии журнала М. Бубеннов к обвинениям, известным по его статье, добавил еще одно: образ Гитлера дан, а образ товарища Сталина отсутствует.

Мне запомнились несколько фраз, периодически повторяемых председателем. «Миша,— взывал он к Бубеннову,— только, пожалуйста, не волнуйся, береги себя. Товарищ Сталин заботится о твоем здоровье».

Как известно, товарищ Сталин заботился о здоровье далеко не всех писателей. И отнюдь не всех читателей. Трогательная просьба председателя сообщала особенно зловещий характер обсуждению.

Вскоре после смерти Сталина роман «За правое дело» реабилитировали, официальную критику его объявили ошибочной. В. Гроссман, продолжавший все эти годы работать над «Жизнью и судьбой», воспрянул духом. Однако новый роман ждала еще более тяжкая участь. В 1961 году с ним ознакомились в редакции «Знамени». Знакомство привело к тому, что все экземпляры рукописи были изъяты.

В. Гроссман обратился с письмом на имя Н. Хрущева. Его вызвал М. Суслов и посулил опубликовать роман лет через 200—300.

Человек, написавший: «Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды либо с осколочками, с частицей правды, с обрубленной, подстриженной правдой», не желает считаться с тем, что увеличен процент осколочков правды. Изменена пропорция, но не принцип. Роман «За правое дело» ставил под сомнение саму систему навязывания нормативов искусству.

Для 40—50-х годов нормой была, скажем, картина «Сталинградская битва», для 60—70-х — сериал «Освобождение». С помощью таких громогласно одобряемых фильмов, такого рода книг, батальных полотен обрабатывалось сознание даже тех, кто на своей шкуре изведал правду о войне.

Правда, высказанная в романе «Жизнь и судьба», горька, она трудна всем нам, слишком сжившимся со стереотипами. Однако преодоление их ведется не первый год. Мы помним имена писателей — многих уже нет в живых,— посвятивших себя такому преодолению...

Всю войну В. Гроссман провел фронтовым корреспондентом «Красной звезды». Часами лежал в засаде вместе со снайпером, пробирался в гарнизон, отрезанный от своих войск, ночевал в солдатских блиндажах. Его сталинградские очерки «Направление главного удара» написаны с доскональным знанием переднего края и твердой уверенностью: боец — решающая фигура.

Но война для него — это и поединок снайперов, и рукопашная, и трагедия военнопленных, и мытарства эвакуированных, и газовые камеры. Тщеславное соревновательство генералов, ошибки Ставки, фронтовые романы, интриги и кляузы — тоже война. Ничто не запретно, никакая иерархия не сковывает воображение и не связывает руки писателю. Внутренняя его свобода обеспечена весомым жизненным опытом, зрелым мастерством, энергией мышления, свободного от шор.

Сталинград помог В. Гроссману увидеть и понять гораздо больше, чем он видел и понимал прежде. Сознание правоты дела дает силы самым разным людям, попавшим в сферу действия дилогии. Но личные особенности не стираются, они способны и обостриться, выявляя сокровенную суть окопного солдата, боевого офицера, военнопленного, политотдельца, следователя с Лубянки. Объединенные общим лозунгом, не все, как выяснилось, вкладывают в него одинаковое содержание. Разногласия в штабе танкового корпуса полковника Новикова или разногласия относительно физических проблем в институте, где работает Штрум, или разногласия в подпольной группе военнопленных выходят за пределы штаба, института, лагеря.

Ставя в центр то или иное явление, В. Гроссман прослеживает, как и почему оно сделалось возможным. Он не верит в молниеносные превращения. Чувства и противоречия вызревают исподволь. Самые невероятные «вдруг» — стоит всмотреться, вдуматься — подготовлены прошлой жизнью и продолжают ее, им сопутствуют едва уловимые перепады в политическом, нравственном климате.

Полковник Новиков, чьи танки вошли в прорыв, понимает: сталинградское направление перестает быть главным. Меняется и духовное движение войны. То, что решало в 1941 году и в боях на Сталинградском обрыве, «сохраняясь и существуя, становилось незаметно вспомогательным». Перенесение центра тяжести Новиков ощущает прежде всего благодаря комиссару корпуса Гетманову и начальнику штаба Неудобнову. Хотя как раз в эти минуты побуждения всех троих наиболее близки. Еще рывок — и корпус первым пересечет границы Украины. Это новая слава для командования, новые звания и награды. Одно смущает, сдерживает Новикова: его танки лишаются авиационной поддержки. Гетманова и Неудобнова ничто не смущает, они готовы рисковать сотнями жизней, заодно и судьбой Новикова отнюдь не ради правого дела. В обычное армейское словосочетание «живая сила» Новиков вкладывает смысл, отличный от того, какой вкладывают Гетманов и Неудобнов. Для него это худые глазастые ребята, в какую-то минуту вызвавшие пронзительную жалость. Для Гетманова и Неудобнова «живая сила» — пушечное мясо.

В обстановке гигантской битвы, максимального напряжения двух единоборствующих армий, двух народов писатель обостренно прислушивается к тихо произнесенному слову, едва уловимому движению души, считая это не менее достойным внимания, нежели стратегические замыслы и государственные постановления.

Он отвергает неизбежно все упрощающее мнение, будто на войне люди не думали, не до того было. Наоборот, настаивает он, война обострила мысль. Особенно у тех, кто не утратил способность работать собственной головой, сохранил душу.

Это, среди прочих, подполковник Даренский, успевший до войны отведать тюремной баланды. Подполковник бросит старшему по званию офицеру презрительные слова, когда тот ударит ногой ползущего на четвереньках пленного немца.

Хорошо зная военную историю, Даренский размышляет о том, что в человеческой памяти война обычно откладывается своеобразной картиной, где построены войска, одержавшие победу, или войска, потерпевшие поражение. Память хранит число колесниц, катапульт или пушек, бережет легенду о мудром и счастливом полководце. Но забываются человеческие страдания, солдатская тоска.

В кабинете за столом с военно-историческими фолиантами и атласами суждения Даренского, возмож-

но, отдавали бы умозрительностью. Но дело происходит в заволжской пустыне.

«Чувство обреченности охватило его... Погибала Россия! Погибала здесь, загнанная в холодные приазиатские пески, погибала под угрюмой и равнодушной луной, и милая, бесконечно любимая им русская речь слилась с воплями ужаса и отчаяния разбегавшихся, покалеченных немецкими минами верблюдов.

В горькую минуту он испытал не гнев, не ненависть, а чувство братства ко всему слабому и бедному, живущему в мире; почему-то всплыло темное, старое лицо калмыка, встреченного им в степи, и показалось ему близким, давно знакомым».

Через несколько строк: «В эту ночь по указанию Сталина три командующих фронтами — Ватутин, Рокоссовский и Еременко — отдали войскам приказ о наступлении, решившем в течение ста часов судьбу Сталинградского сражения...»

Что ж, история, совершив еще один виток, повторится? Сталинграду предстоит стать очередным постаментом для памятника полководцу, своевременно отдавшему исторический приказ?

В. Гроссман отвергает идею о гениальности плана окружения немцев под Сталинградом. Сама идея окружения противника стара как мир. Однако велика заслуга организаторов наступления, точно избравших район и момент удара, наладивших взаимодействие трех фронтов. Только объявлять гением самого толкового генерала, считает автор, глупо и опасно.

Под Сталинградом решалась судьба основанного Лениным государства, судьба Европы, судьба мира. Но для Сталина это был и час его личной победы не только над вполне реальным врагом этого государства, но и над бесчисленными врагами, с которыми он сводил счеты уже второе десятилетие. «Гуще станет трава над деревенскими могилами тридцатого года. Лед, снеговые холмы Заполярья сохранят спокойную немоту».

Как и всякий, кому удались преступления, Сталин тешит себя надеждой: победителей не судят. В час, когда на Волге произносился смертный приговор Освенциму и Бухенвальду, он, намечая новые расправы, решал судьбу советских военнопленных — после гитлеровских лагерей их ждали лагеря Сибири и Воркуты. В час, когда гитлеровский расизм терпел сокрушительное поражение, Сталин решал судьбы целых народов, оглядываясь на опыт гитлеровского геноцида.

С мягкой гортанной интонацией Сталин произносит: «Ах, попалась, птичка, стой, не уйдешь из сети. Не расстанемся с тобой ни за что на свете». И даже у повидавшего многое Поскребышева холодеют пальцы.

Писатель хочет приблизиться к пониманию того, как Сталин завладел властью, с чьей помощью ее удерживал и почему война усилила эту власть.

Народ внял его призыву сражаться за правое дело. Но какое дело вершил он сам, отделенный от сражающегося народа не только кремлевскими стенами, но и бесчисленными могилами?

Постигая противоречия войны, В. Гроссман стремится постичь противоречия, которыми полнится душа человеческая, когда ее порывы распаляются фронтовым ветром. Жизнь, открывающаяся на страницах романа, бесконечно многообразна даже в самых обыденных проявлениях. Что, например, повседневнее для военной обстановки, чем принятие боевого приказа? Что зауряднее в обстановке научного института, чем плановая работа одной из лабораторий? Что извечнее в домашней обстановке, чем споры отца со взрослеющей дочерью? Однако какие потаенные страсти вспыхивают всякий раз и какие просторы озаряются вспышками! При том, что В. Гроссману чужды сколько-нибудь выигрышные эффекты и близок Чехов, чье имя возникает в романе чаще других писательских имен.

Обстоятельность, уравновешенность письма, фиксирующего бесконечные подробности фронтового быта или семейного, обостренное внимание к внутренним импульсам, к слову, невзначай слетевшему с уст, не вводят нас в заблуждение. В. Гроссман не холодный созерцатель, для коего самоценна деталь, а собственная зоркость дорога как таковая. Он определен и независим в своих взглядах на общество, историю, нравственные нормы, на писательский долг. Это не бьющее в глаза, но постоянно ощущаемое авторское отношение к героям объединяет их не менее прочно, чем сюжетные нити. Оно помогает нам всякий раз понять, почувствовать, куда клонится жизнь человека, вовлеченного в водоворот противоречивых событий и страстей, чем оборачивается для других.

Член-корреспондент Академии наук Виктор Павлович Штрум, потеряв в гетто мать, на фронте — пасынка, совершает открытие в физике, становится объектом травли, при живой, как говорится, жене влюбляется в тихую, неприметную Марью Ивановну, жену своего давнего коллеги и друга, отшатнувшегося, едва над головой Штрума начали сгущаться облака...

События наслаиваются друг на друга, каждое душевное движение резонирует, усложняя дни и ночи людей, рождая новые тревоги, подспудно готовя новые потрясения.

Самая бесхитростная человеческая жизнь, по убеждению В. Гроссмана, сложнее, головоломнее любой теории, доктрины. Однако доктринеры его привлекают не менее тех, кто, подобно Штруму, открещивается: что мне до политики? Я ученый, физик и т. д. Это открещивание — форма тщетного самообмана, подтверждение конфликта с доктриной, какого-то неподконтрольного интеллигентского разлада. Он выражается во фрондерстве, в рискованном анекдоте, рассказанном за чаем, а также в страхе и за свое фрондерство, и за анекдот. Среди героев романа «Жизнь и судьба» встречаются люди, свободные от такого страха. Позволяя себе умеренное свободомыслие, они не делают вид, будто непричастны к официальной доктрине. Но и они не гарантированы от превратностей судьбы. Крымов, партиец с дореволюционным стажем, предстает перед следователем-энкаведистом. Друг Крымова, видный сотрудник Коминтерна Мостовской, попадает в немецкий лагерь для пленных. К нему в приятели-собеседники набивается оберштурмбанфюрер Лисс.

Если победам гитлеровской армии над советской суждено стать окончательными, рассуждает Лисс, национал-социалистское государство останется с глазу на глаз с остальным ненавидящим его миром. Вот что тревожит философа-гестаповца. Тревожит, однако и успокаивает: военная победа одной из сторон, считает он, не означает еще уничтожения национал-социализма. «Это как парадокс: проиграв войну, мы выиграем войну, мы будем развиваться в другой форме, но в том же существе». Он словно бы предугадывает мысли, в которых утвердится Сталин в час Сталинградской победы. Да и велика ли проницательность? В мирное время, напоминает Лисс, в немецких лагерях сидят враги партии, враги народа. Как и в советских.

Лисс числит себя теоретиком партии и ее солдатом. Как теоретик, он интересуется философией, как солдат партии, становится мастером заплечных дел. Но стоит Мостовскому упомянуть о заплечных делах, Лисс не остается в долгу: «...— Если бы Центральный Комитет поручил вам укрепить работу в Чека, разве вы можете отказаться? Отложили Гегеля и пошли. Мы тоже отложили Гегеля». Лисс одобряет массовый террор в нашей стране: все, дескать, совершенно верно, так и надо, подавление личности в порядке вещей.

Его слова для Мостовского иногда страшнее пыток. Мелькает мысль, которая и прежде, бывало, являлась на мгновение: может быть, прежние сомнения не были признаком бессилия, усталости, может быть, они содержали «зерно революционной правды», «динамит свободы»? Надо было всей революционной страстью ненавидеть лагеря, Лубянку, Ежова, Ягоду, Берию, Сталина с его диктатурой...

Но Мостовской на такое уже не способен, и, слушая Лисса, он с небывалой ясностью видит гений Сталина, который проницательно установил внутреннюю связь между фашизмом и его агентурой — «врагами народа», между фашизмом и фарисеями — проповедниками ложной свободы.

«Учитель», как его с убийственной почтительностью величает Лисс, не верит, что свобода бывает и не ложной. В презрении к свободе Мостовской роковым образом совпадает с Лиссом. Он, начинавший жизнь профессионального революционера, мечтал о равенстве, братстве, свободе.

Не лукавого гестаповца боится Мостовской, но в мыслях хотя бы приблизиться к некоей твердо прочерченной линии. Кем прочерченной? Им самим, его соратниками и учениками, охваченными доктринерским пылом и не всегда ведавшими, что творят.

Дело, разумеется, не только в пыле; воздействовали и крутые исторические обстоятельства. На солидном временном удалении нам легче кое в чем разобраться. Но на душе от этого легче не становится.

Написав диалог эсэсовца и коминтерновца, автор проник туда, куда прежде не проникали. Но иначе, выходит, не мог, испытывая власть более сильную, чем законное желание увидеть роман напечатанным. Почувствовать такую власть дано только истинному художнику, безоглядно устремленному к правде.

Нам еще придется оглядываться на эту сцену. Проблема персональной ответственности в конечном счете решающая. Форм личной ответственности множество. Кровь, пролитая Мостовским в гитлеровском концлагере, и Крымовым, попавшим во внутреннюю тюрьму НКВД, вряд ли уменьшает их вину за все, что совершалось на их глазах прежде, при их активном содействии.

Николай Григорьевич Крымов — «сквозной» герой дилогии. Всякое его появление вносит в роман что-то новое или обновляет уже известное, подтверждает неслучайность поступка, высказывания. Такие приходы и уходы главных героев позволяют писателю, не склонному увеличивать круг вовлеченных в действие, открывать новые планы общего полотна. Почти каждый приход сюжетно завершен, словно отдельная новелла. Чередуясь, они создают пространственную даль романа и открывают глубины человеческого характера, казалось бы, уже знакомого.

Размеры статьи позволяют проследить далеко не за всеми героями, всеми человеческими и общественными проблемами, пересечением всех судеб.

Крымов связан родственными, дружескими либо служебными узами со многими людьми, знакомыми нам по дилогии. Будто писателю необходимо сверяться по Крымову, проверять других реакцией на Крымова и крымовской реакцией на других. Крымов старается осмыслить происходящее, соотнести его с системой взглядов, выработанных за долгие годы. Одновременно вырабатывалось, оказывается, и умение в каких-то случаях напористо отстаивать свои воззрения, в иных умалчивать о них. Он не был приспособленцем, но был тактиком. Минутами чувствовал свою раздвоенность, тяготился ею, но умел одолевать преходящие колебания, не доводя их до циничного двоемыслия. Да и не сухарь он — уход жены становится незаживающей раной. Саднит душу и память о товарищах, исчезнувших в 37-м, болезненное недоумение вызывают кое-какие идейные поветрия военных лет. Ему, убежденному интернационалисту, трудно мириться с тем, что фронтовая пропаганда обходит антифашистский характер войны, предпочитая будить мстительное чувство к немцам. Но, умея теоретически обосновать любые явления, взять в расчет международную обстановку и внутреннюю, подвести, как говорится, базу, он снимет проблему и сам избавится от беспокойства.

Крымов скажет о суровости советского гуманизма, вспомнит, как высмеивал Штрума, его невестку, свою бывшую жену Евгению Николаевну, охавших по поводу раскулаченных. Он сам, не колеблясь, готов был уничтожать белогвардейских гадов, меньшевистскую и эсеровскую сволочь, потом — кулачье...

Слово «гуманизм» удается предварять любыми эпитетами, но им не оправдаешь огульные расправы. Уже обреченные на гибель, Мостовской и Крымов продолжают духовно соучаствовать в преступной жестокости.

Мостовской еще вспомнит Лисса, когда к нему придет руководитель подпольной группы, чтобы получить «добро» на уже предпринятый шаг: подпольщики сумели переложить в нужное место карточку своего товарища Ершова, и тот попадал в группу отобранных для уничтожения в Бухенвальде. Майор Ершов внушал подозрение — он не состоял в партии, держался независимо, к нему тянулись люди. Руководители подполья, проявив подобающую бдительность, вынесли приговор Ершову, предоставив исполнение его гестаповцам. Подпольщики, правда, проморгали провокатора, который их вскоре выдаст и заставит всех, в том числе Мостовского, разделить участь Ершова.

Михаил Сидорович Мостовской успел одобрить решение своих товарищей относительно Ершова:

Так одобрял он коллективизацию, политические процессы над друзьями революционной молодости.

И Крымов, еще не догадываясь, что внесен в проскрипционный список, успевает, вернувшись из окруженного немцами в Сталинграде дома «шесть дробь один», написать донос на легендарного «управдома» капитана Грекова, который, как и Ершов, не больно жаловал чины и звания. Зато умел воевать.

Торжествовала закономерная последовательность. Крымов и Мостовской оправдывали массовые репрессии, принимали как должное свои привилегии и считали себя прежде, чем попали в немецкий лагерь или на Лубянку, свободными людьми. Хотя давно перестали ими быть и не чувствовали, что утрачено главное.

Они предали не только товарищей, но и самих себя, предали идею, за которую сами когда-то шли на крест.

Великие преступления издавна совершаются под прикрытием высокой идеи. Корыстные, властолюбивые намерения главарей выносятся за скобки. В. Гроссман написал о подоплеке преступлений, о 37-м. Первым с такой прямотой написал о драматических перекосах коллективизации, их масштабе (еще до «Канунов» В. Белова, «На Иртыше» С. Залыгина), а в годы войны написал о «Треблинкском аде». В романе «Жизнь и судьба» трагедии 30—40-х годов XX столетия обретают связь между собой. В. Гроссман говорит о пасынках времени.

В майоре Ершове, разрабатывавшем дерзкий план восстания военнопленных, жило «неистребимое презрение к насилию», он понимал свою борьбу с немцами как борьбу за свободную русскую жизнь: победа над Гитлером станет победой и над теми лагерями в России, где погибли как кулаки его мать, сестры, отец. Он не предполагает, что в другом конце материка другой пасынок времени — политический зэк — внушает своему лагерному товарищу: без свободы нет пролетарской революции.

В этом отношении Гитлеру с евреями повезло —

они ходили пасынками в разные исторические эпохи. Но и Гитлер, проводя акции истребления, разглагольствовал о высших интересах рейха, и лишь совсем немногие знали, что в нижнем этаже крематория специалисты отыскивают золотые коронки — часть золота идет в казну, часть оседает в карманах палачей. Как и всякий насильственный режим, подавляющий свой народ, фашизм должен был растлевать немцев, науськивать на другие народы, изображая тех звероподобными или хитроумно злонамеренными. Гитлер, его предшественники и преемники пороха не выдумали.

Воспроизводя одну из самых чудовищных трагедий века, В. Гроссман всматривается в лица старые и молодые, красивые и уродливые, замечает человеческие слабости, а когда обреченных заставят раздеться, опишет волосатые мужские спины, толстые плечи, жилистые женские ноги и большие груди. Лишь одним отличаются эти люди от остальных: сейчас они войдут в бетонную камеру и перестанут быть. Их страдания оборвутся, но страдания человечества от этого не уменьшатся. Напротив, будут расти.

Автор романа и здесь не хочет даровать нам иллюзию избавления от груза, части его.

Есть ли у нас право, основание претендовать на снисходительность? Не слишком ли долго, упорно мы, оберегая свой душевный комфорт, подобно Крымову, предпочитали неведение или «подводили базу»?

Что же противопоставляет В. Гроссман жестокости и преступлениям? Обладает ли сострадание реальной силой протеста?

В. Гроссман рассказывает, как Софья Осиповна Левинтон ведет за руку бездомного мальчугана Давида и в предсмертный миг прижимает к себе. Как подполковник Даренский вступается за полуживого пленного немца, а полковник Новиков, распределяя остатки горючего, приказывает эвакуировать на грузовиках раненых немецких солдат. Как старуха украинка Христя Чуняк спасает русского солдата, бежавшего из плена.

Евгения Николаевна, оставившая Крымова (почувствовала его равнодушие к людям, склонность к схоластике), отрекается от своей счастливой любви к Новикову. Крымов арестован, и она дежурит в скорбной очереди в приемной НКВД на Кузнецком, 24, собирает ему посылку, пишет заявления.

Много это или мало?

Для В. Гроссмана бесспорно лишь то, что истинное сострадание не бывает избирательным, подвластным только национальной, расовой, социальной солидарности или даже родственным чувствам. Ради него приходится преодолевать опасность, эгоизм, какие-то догмы, идти на риск, нередко на жертвы.

В месяцы Сталинградского сражения, которые охватывает дилогия, многое из повседневного обихода высвечивалось с ясностью, недоступной прежде. Сколько раз на своем веку Виктор Павлович Штрум заполнял анкету, а лишь сейчас ему начал открываться подспудный смысл каждого пункта. Даже ответив на самый простой вопрос — «пол», Штрум испытал смущение. Будь он настоящим мужчиной, разве смолчал бы после отстранения от работы академика Чепыжина?

Он уже почувствовал, какое коварное значение начинает набирать пятый пункт анкеты, но еще не предвидел последствий этого пункта для калмыка, балкарца, чеченца, крымского татарина, еврея. Он впервые обнаружил родство между пятым пунктом и шестым, вопрошавшим о социальном происхождении. Прежде ему представлялось справедливым недоверие к человеку с «дурным» происхождением. Но разве дворянство или купечество в крови у детей, внуков дворян, священников, купцов?

Однако Штрум заблуждался, полагая, будто простыня с вопросами, лежащая сейчас у него на столе,— коллекция абсурдов и нелепостей. Анкета служила средством надежного отбора по признакам, безразличным к способностям и душевным проявлениям того, кто ее заполняет. Но позволяла отбирать по другим признакам, внятным специально вышколенным работникам-кадровикам. Начальник отдела кадров металлургического завода не смыслит в металлургии, его коллега из сельскохозяйственного института не сведущ в агрономии. Но голоса их определяют, кому возглавлять прокатный цех или лабораторию по выращиванию злаков. Итог такого отбора академик В. Вернадский осенью сорок первого года подвел в своем дневнике: «Цвет нации заслонен дельцами и лакеями-карьеристами».

В искусстве, науке отбор по сугубо анкетным данным несколько затруднителен, поэтому здесь периодически производился «отстрел» «кулацких поэтов», «попутчиков», историков школы Покровского, экономистов школы Чаянова, «безыдейных писателей», вейсманистов-морганистов, «формалистов» в музыке, «космополитов», «очернителей», «новомирцев», сторонников кибернетики и т. д.

Пренебрегая дельцами и лакеями, В. Гроссман останавливается на человеке, который благополучно, заполняя анкетные графы, взбирается на высокий пост, освобожденный для него процессами 37-го года, расправами предыдущих лет.

Давненько укоренился в нашей жизни Дементий Трифонович Гетманов, не распознанный, между прочим, литературой, готовой иной раз выдать его за того самого «положительного героя», которого десятилетиями ищет та часть нашей критики, что, подобно кадровикам, ценит в герое анкетную непорочность и умение произносить слова, соответствующие эпохе.

Крымов и Мостовской тоже когда-то соответствовали своему времени. Но чем дальше, тем больших внутренних усилий это требовало от них. Дементий Трифонович соответствует своему времени органически, благо время соответствует ему.

Роман «Жизнь и судьба» немыслим без Гетманова не только как непосредственного участника событий, но и как участника событий, совершающихся вроде бы помимо него. Начав карьеру личным охранником секретаря крайкома, Гетманов вскоре сам становится секретарем обкома, именно тем руководителем, какой нуждается в Сталине не меньше, чем Сталин нуждается в нем. Гетманов Сталину необходим так же, как люди из ведомства Ежова и Ягоды; неспроста Дементий Трифонович поначалу служил в органах госбезопасности.

Гетманова манили секреты карьерного преуспеяния, им владел инстинкт власти, который следовало скрывать, не торопя время, но и не упуская момент. Умело устанавливать полезные связи, обходить «чужих», то есть анкетно замаранных.

Крымов хотел сохранить веру в святость своего дела и готов был на многое закрывать глаза. Гетманов свято верил только в Хозяина, с трезвой деловитостью угадывал его намерения, читая между строк с такой же безошибочностью, с какой публично читал составленный помощниками доклад. Текст доклада и написанное между строк необязательно совпадали. Но для Гетманова это не имело значения. Имела значение только провозглашенная или угадывавшаяся воля Хозяина.

Когда Гетманов по обыкновению поднимал первый тост «за нашего отца», он испытывал почти сыновние чувства, и неудивительно, что Сталин, взирающий с портрета, казалось, говорил: «Вот, ребята, я раскурю трубочку и подсяду к вам поближе». Гетманов, слывший добрым отцом и мужем, охотно изменял своей Галине Терентьевне, но Сталину не только изменить не мог, даже не мог усомниться в его правоте, безоговорочно отождествляя Сталина с партией, а свою холопскую преданность — с высшей верностью генеральной линии. Он сам неукоснительно и повсеместно проводил эту линию и, не обладая ни талантом, ни культурой мышления, ни знаниями, поучал всех и каждого — слесаря, инженера, писателя, штабного офицера.

Назначенный комиссаром танкового корпуса, никогда не воевавший, Гетманов прежде всего наводит справки о командире корпуса, и самых скудных сведений ему достаточно, чтобы испытать неприязнь к полковнику Новикову. Он небезосновательно полагается на свой феноменальный нюх, даже гордится им.

Комиссар корпуса будет злорадно рассказывать о калмыках, якобы певших под немецкую дудку, и, торжествуя, вспомнит, как прежде «сигнализировал насчет Басангова», воспрепятствовал Новикову, пытавшемуся выдвинуть толкового командира: «не подвело партийное чутье». Он как бы предчувствовал политическую неблагонадежность калмыков, относил ее к числу национальных особенностей, а то обстоятельство, что майор Басангов умело и отважно воевал, отбрасывается.

Удивительно, что подполковник Даренский, свободный от предрассудков и предубеждений, ни с того ни с сего поддакнул Гетманову. Хотя недавно ездил по Калмыкии, видел: комиссар несет не просто чушь, но чушь опасную.

Гетманов обладал притягательной силой, вызывал желание поддакивать. Умел выглядеть рубахой-парнем, подкупить панибратством. Это тоже своего рода искусство, необходимое руководителю вполне определенного склада.

Сохраняя свои индивидуальные черты и черточки, Гетманов вырастает в фигуру, которая олицетворяет касту, пришедшую к власти в середине 30-х годов. Наследники революционеров, нередко страдавших из-за раздвоенности сознания, вроде Крымова и Мостовского, они бестрепетно приняли двуличие как форму настолько уверенного существования, что не видели нужды рядиться в тогу революционеров, свободолюбцев и скромно именовали себя «слугами народа».

В Крымове жило свойственное русскому интеллигенту стремление к просветительству. Он любил читать лекции, произносить зажигательные речи, объяснять массам политические задачи. Объясняя, старался подавить собственные колебания.

Гетманову вообще чужды какие-либо колебания. Он постоянно наведывается в колхозы и на заводы, покоряет слушателей расспросами о зарплате, о тесноте в общежитии, демонстративно жесткими придирками к снабженцам. Но в служебном кабинете у него не говорили о порядке в общежитии и об озеленении цехов. Здесь утверждали жесткие производственные планы, добивались повышения выработки и розничных цен. Гетманов оставался самим собой и когда задушевно разговаривал с колхозницами, и когда срезал последние граммы с колхозных трудодней. Ни малейшего противоречия он не ощущал и не должен был ощущать: двуличие составляло его натуру, живые люди были безразличны.

Обостренно чуткий ко всему, что касалось собственного положения, личной власти со всеми надлежащими атрибутами, благополучия его семьи, он любил обильное застолье в компании равных, когда гордятся своей кастовостью, близостью к сильным мира сего, а заодно победами над женщинами. Когда крепится замкнутое номенклатурное братство и каждый с полуслова понимает другого, преисполненный чувства собственного государственного значения.

На посту комиссара корпуса Гетманов сохранил само собой разумеющийся двойной счет: это положено мне, это дозволено остальным. Ему непредосудительно завести «боевую подругу», но как смеет затеять роман с медсестрой командир бригады Белов? Однако фронт все-таки меняет привычную для Гетманова ситуацию. Его власть ограничена властью командира корпуса; за командиром остается последнее слово. Боевой успех корпуса, а следовательно, репутация командования, зависит не от пустых речей Гетманова, но от приказа, отданного Новиковым. Однако комиссар находит выход. Он ведь свойский мужик, друг и брат Новикова, который впрямь вызывает у него уважение. Подумать только: Новиков, не поддавшись нажиму сверху, на восемь минут задержал ввод танков в действие и тем самым максимально обеспечил удачу! Бил звездный час Новикова, и растроганный Гетманов всхлипнул и громко сказал:

«— Спасибо тебе, Петр Павлович, русское, советское спасибо. Спасибо тебе от коммуниста Гетманова, низкий тебе поклон и спасибо».

А вечером отправил наверх письмо: командир корпуса самолично задержал начало решающей операции исторического сражения.

Это прямо-таки ошеломляет. Но почему, собственно? Разве во всем, что делал Гетманов в своем обкоме, потом в танковом корпусе, он на миг переставал быть двоедушным? Разве только Гетманова отличает двуличие? Разве ответственный работник Сагайдак не начал свою карьеру, когда редактировал газету и умалчивал — из соображений высшей целесообразности — горькую правду? Он знал, как сохли, как пухли от голода дети в деревнях, но помещал статьи о колхозных яслях, где ребятишек кормят куриным бульоном и пирожками.

Если бы в академике Шишакове, его сподвижниках по институту Дубенкове и Ковченко не сидел Гетманов, сумели бы они на сто восемьдесят градусов изменить свое мнение о научном открытии лишь потому, что Штруму позвонил Сталин?

Людей беспринципных хватало во все времена. Особенно среди рвущихся к власти. Но когда беспринципность и двуличие вошли в число первых условий для достижения руководящего поста, это тяжко отразилось на экономике, культуре, на вооруженных силах, сковало человеческие умы.

Таким образом, был преподнесен подарок Гитлеру, тоже, кстати заметить, сильно понизившему моральный и интеллектуальный уровень немецкого народа, освободив его, как он утверждал, от химеры, именуемой совестью. Для черного дела, на какое подвигнул Гитлер немцев, и нужно было избавить их от совести, нейтрализовать ее воздействие. Но выяснилось, что на руку Гитлеру сыграло и ослабление моральных критериев и по другую сторону линии фронта.

Их ослабление неизбежно, когда человеческая жизнь запросто превращается в лагерную пыль. Услышь Гетманов, что люди и есть главная ценность, он бы только усмехнулся про себя. Ему и в голову не приходило, что Ленин, говоря о потерях, понесенных в гражданской войне, на первое место ставил главную ценность, которой мы лишились в невероятно большом масштабе,— человеческие жизни.

Сталин, без всякой войны посылая на гибель сотни тысяч, подготовил легкое отношение к человеческой смерти на фронте. О неоправданных подчас жертвах с болью сказано у В. Гроссмана.

Слов нет, Гетманов хотел победы своей стране. Но не оборачивалась ли его деятельность временами невольным подспорьем врагу? Я имею в виду не только разлагающее влияние цинизма, который порождал Гетманов, его всесторонне некомпетентное руководство. Не без содействия Гетманова полковник Новиков был снят с командования и отозван в Москву (он же успел подкинуть «материальчик» и на Крымова). Даже если справедливы сведения

о письме Гетманова в высшие инстанции, где Новиков аттестовался как командир безупречный в политическом и моральном отношении, дело не меняется. Гетманов способен и на такое письмо, и на доносы. Сработает ли письмо — бабушка надвое сказала, зато доносы уже сработали.

Трудно предугадать судьбы оставшихся в живых героев романа. Но у Гетманова все будет в лучшем виде. Ко времени его ухода на заслуженный отдых подрастет достойная смена, и мы поныне нет-нет да встречаем гетмановских наследников.

Кое-кто пойдет дальше предтечи, дальше портретов Хозяина на ветровом стекле. Взыскуя «твердой руки», вспомнит идейки «Майн кампф», процитирует — без кавычек, разумеется,— гитлеровские листовки, сброшенные когда-то на Сталинград, прикинет, как бы выглядел в роли гауляйтера.

В. Гроссман обнажил многоликость, многовариантность фашизма. Время показало его живучесть. Нам определять степень опасности комплекса несостоявшегося гауляйтера или полицая.

С Мостовским оберштурмбанфюрер Лисс так и не нашел общего языка, а с Гетмановым, не читавшим Гегеля,— глядишь — поняли бы друг друга. Их сблизили бы циничное презрение к свободе и правде, вера в насилие и крепкий кулак, склонность к коварной игре на националистических струнах.

Линия, которую десятилетиями гнул Гетманов, к добру не ведет. Грязные лапы малюют свастику на воинских надгробьях, мародеры роются в могилах павших, внук меняет боевой орден деда на поллитровку, не нюхавший пороха, травмированный стойкой своей непопулярностью стихотворец поясняет, что молодые поэты, отдавшие жизнь за Родину, преследовали не те цели, какие надлежало,— по его разумению.

Впрочем, разве только молодые поэты?.. Батальон Филяшкина в романе «За правое дело» и гарнизон Грекова в романе «Жизнь и судьба» сложили головы не за гетмановские цели. Но их гибелью частенько пользовались Гетманов, его последыши. Гетмановское двоедушие нередко отравляло воздух и сознание.

Роман об одной из величайших битв в истории, о нераздельности бытия и смерти, о судьбах государства и личности вряд ли вероятен без философской идеи, пронизывающей его, сообщающей ему внутреннее единство. Но, формулируя ее, рискуешь прочертить прямую линию; она не передаст многообразие мыслей, бесконечные их оттенки и грани, многомерность характеров, безотчетно выражающих философию писателя.

В романе есть главка — менее полустраницы текста,— где изложено то, что я бы решился назвать авторским кредо. Она предшествует главе, где рассказывается, как попавшему в плен водителю Семенову удалось полумертвым добраться до деревни, и его выходила сердобольная Христя Чуняк.

Благодаря деревенской старухе, рисковавшей головой, Семенов сохранил жизнь. А жизнь, сказано в короткой главке,— это свобода. «...Умирание есть постепенное уничтожение свободы; сперва ослабляется сознание, затем оно меркнет; процессы жизни в организме с угасшим сознанием некоторое время еще продолжаются, совершаются кровообращение, дыхание, обмен веществ. Но это неотвратимое отступление в сторону рабства — сознание угасло, огонь свободы угас... Вселенная, существовавшая в человеке, перестала быть. Эта Вселенная поразительно походила на ту, единственную, что существует помимо людей... В ее неповторимости, в ее единственности душа отдельной жизни — свобода. Отражение Вселенной в сознании человека составляет основу человеческой мощи, но счастьем, свободой, высшим смыслом жизнь становится лишь тогда, когда человек существует как мир, никогда никем не повторимый в бесконечности времени. Лишь тогда он испытывает счастье свободы и доброты, находя в других то, что нашел в самом себе».

Для В. Гроссмана смерть человека — переход из мира свободы в царство рабства. Так расположены полюса; и движение от одного к другому, несмотря на фатальную неизбежность конца, необязательно означает превращение человека в раба. Доживающая тяжкий век Христя Чуняк не стала рабыней.

Когда В. Гроссман назвал свою повесть сорок второго года «Народ бессмертен», он утверждал победу людей над рабством, смертью, победу, добытую даже ценой собственной гибели. В такой борьбе человек может оказаться сильнее и мудрее государства. Старая Христя отличала хороших немцев, добрых, от убийц и садистов, лютовавших вместе с деревенскими полицаями. Она, спасшая «акающего» москвича Семенова, помнила и других «акающих». Те приехали в 1930 году в гибнущую от голода украинскую деревню, спокойно, без жалости смотрели, как умирают женщины, дети, как перестал дышать Василий, муж Христи.

Для Христи Чуняк существовал человек, а уж где-то потом его место в государстве, профессия, национальность, домашний адрес. Но не стоит считать, будто праведность — привилегия малограмотных. Соседи Христи Чуняк не захотели помочь валившемуся с ног беглецу из плена. Зато Александра Владимировна Шапошникова, верная неписаному кодексу русской интеллигенции, наверняка пришла бы на помощь. Она такой же народ, как старая Христя, как офицеры Новиков, Даренский, Бова, директор сталинградской электростанции Спиридонов. Выходя на первый план, они убеждают нас в бесконечном многообразии мнений, оценок, решений, в тщетности попыток приведения народа к единомыслию.

Именно в Сталинграде, утверждает В. Гроссман, достигшая своего пика война обозначила водораздел между исконными стремлениями сражающегося народа и намерениями государства.

«Сталинградское торжество определило исход войны, но молчаливый спор между победившим народом и победившим государством продолжался. От этого спора зависела судьба человека, его свобода».

Вслушиваясь в разговоры героев, ведущиеся на протяжении романа, мы нередко ловим отголоски такого спора. Сама логика событий, переданных в романе, подводит нас к сокровенным народным чаяниям: коль война — эта великая беда — сделалась неизбежной, так пускай кровь, что льется рекой, сметет гитлеровскую заразу, а вместе с тем очистит нашу жизнь от уродливых перекосов, насилия, лжи, выдаваемой за правду.

В. Гроссман первым среди писателей постиг эту непростую логику и приобщил к ней нас, нынешних читателей.

Капитан Греков признается Крымову, что хочет свободы и за нее воюет. Но Крымову свобода не нужна, ему нужно справиться с немцами и восстановить «всеобщую принудиловку».

Политрук Сошкин, вернувшийся из дома «шесть дробь один», донельзя возмущен: не воинское подразделение там, а какая-то Парижская коммуна, солдаты величают капитана Ваней, обращаются к нему на «ты», и он с ними, как ровня.

Насчет Парижской коммуны политрук схватил, пожалуй, довольно верно. Повиновению, которое держится на страхе и на субординации, Греков предпочитал дисциплину, основанную на уважении к командиру. Греков живет единой с бойцами жизнью, не реже, чем они, подставляет голову под пули, не позволяет себе никаких поблажек. Сам, вероятно, о том не думая, он придерживался принципов, на каких поначалу строилась Красная Армия, победившая в неравных боях гражданской войны.

Как раз во время Сталинградского сражения эти принципы были наиболее явно отринуты, дисциплина ужесточалась, субординация абсолютизировалась; в самом начале 1943 года ввели погоны. Интендантское ведомство спешно шило гимнастерки и кителя, копируя форму старой армии. Сперва даже забыли о нагрудном кармане в солдатской рубахе, и бойцы не знали, куда класть партбилет... Шустрый журналист, порывшись в пыльных подшивках, строчил для «Красной звезды» «подвалы» о традициях дореволюционного офицерства, о великолепии офицерских собраний, о ритуале встречи высоких особ...

Греков не принадлежал ни к революционным романтикам, ни к догматикам. Он видел катастрофичность ситуации, и ему было не до дискуссий о дисциплине и традициях. Но он понимал также, почему дело приняло такой оборот, понимал, что политика «завинчивания гаек», набирая инерцию, обернется новым насилием в послевоенные годы. Против этого он восставал, на примере своего дома доказывая, что можно успешно сражаться и по-другому.

Дом «шесть дробь один» представляет собой, если воспользоваться языком современной публицистики, альтернативный вариант, то есть вариант, отличный от другого, в данном случае официально узаконенного. У грековского варианта нет шансов на признание, у гарнизона нет шансов на спасение. Сознавая это, Греков отправит из «своего» дома Сережу Шапошникова и радистку Катю Венгрову. Он сам «положил глаз» на Катю, но едва почувствовал: перед ним молодая любовь, вспыхнувшая среди дымящихся развалин, солдатского мата, вшей,— отступил.

Атмосфера в маленьком гарнизоне Грекова такая же, как и в других сталинградских гарнизонах. И вместе с тем чем-то отличная. Солдаты безбоязненно говорят, что думают, смеются, когда смешно, и над теми, кто им смешон. Даже если у него «шпалы» в петлицах. Не нужны им унылые наставления, проповеди, казенный порядок. Греков отказывается писать отчеты. Люди не желают жить с оглядкой, рассуждать, как предписано, отвлекаться на зряшные дела, когда надо бить фашистов. Бить, не жалея себя, зная, что живым из осажденного дома им не выбраться. Но свои последние дни все они хотят прожить свободными людьми и умереть свободными.

Порядки, возобладавшие в доме Грекова, противостоят порядкам, которые привели к голоду 30-х годов, к невинным жертвам, расчистившим дорогу гетмановым и, следовательно, перекрывшим дорогу капитану Грекову, майору Ершову, затруднившим путь полковника Новикова, научные поиски Штрума, работу Спиридонова. Напрасно утешая себя, мы полагаем все свершившееся исторической неизбежностью. Если революция выражала волю народа — а иначе бы ей не одержать верх,— то крестьянство по доброй воле, не отделяя своего интереса от интересов революции, избрало бы наиболее разумную форму кооперирования и Крымова в доме «шесть дробь один» не ошарашили бы вопросом: нельзя ли ликвидировать после войны колхозы? Да и так называемая «Русская освободительная армия» Власова была бы гораздо малочисленнее. Или вообще ее бы не было. Как не было в истории случая, чтобы русские формирования сражались вместе с чужеземными захватчиками.

Роман В. Гроссмана заставляет задуматься: не слишком ли высокомерно, равнодушно наше обычное «если бы да кабы...». Разве не реальна возможность для Новикова командовать корпусом, не чувствуя постоянно на себе хитровато-недоверчивый прищур Гетманова? Разве Греков нуждается в опекунах и ревизорах? Разве майор Ершов не был бы наиболее подходящим руководителем лагерного подполья? Разве страна выигрывает, когда истинный ученый академик Чепыжин уступает директорское кресло в институте беспринципному ничтожеству академику Шишакову?

Но даже если бы люди типа Новикова, Грекова, Ершова находились на командных вышках, перед страной возникло бы немало сложностей, трудных задач. Только можно поручиться: коль Гитлер и напал бы на нашу страну, армии Паулюса не видать волжского берега как своих ушей.

Никому на свете не приходило в голову, что спустя десятилетия после войны, когда над миром вспыхнет зарево Чернобыля, выяснится, насколько продуктивен, спасителен порядок, господствовавший в сталинградском доме «шесть дробь один». Академик Е. Велихов скажет, как развалилась система руководства, построенная на приказах, спускаемых сверху вниз, и на безропотном исполнительстве. Зато возобладала система, когда солдат давал совет генералу, а генерал делил тяготы с солдатом.

Осуществись вольнолюбивый идеал, который под впечатлением романа «Жизнь и судьба» связывается с именем капитана Грекова, мы бы знать не знали многих бед и позорных недугов, избежали бы напрасных жертв. Гетмановых забыли бы как дурной сон. А лучше, если б они сохранились в памяти суровым предостережением.

Разговоры о том, что, мол, предстояло еще дозревать до грековского идеала, на мой взгляд, оскорбительны для павших в боях. Вести их может лишь тот, кто героические свершения народа приписывает «мудрым водителям», демонстрировавшим недостаток человеческой мудрости, политической дальновидности, шаткость нравственных опор и бюрократическую веру в социализм, построенный соответственно директивным распоряжениям.

Роман В. Гроссмана — роман о великой силе народа, одолевшего закованный в крупповскую сталь вермахт. Но победу разделил с государством, далеко не всегда желавшим знать, что народ жив не хлебом единым. Сражаясь за Сталинград, он сражался и за свободу. В этом городе, по словам В. Гроссмана, была заключена душа войны. «Его душой была свобода».

Даже среди немцев — тех, чьи головы не окончательно отравлены ядом нацизма, тех, кто не оглох от победной дроби барабанов,— начался процесс, который В. Гроссман называет очеловечиванием после десятилетия тотальной бесчеловечности.

Писатель, глянув на карту, заглянув в кабинеты правительственных лидеров и в парламентские залы, возвращается в город на Волге. Вчерашняя столица мировой войны отступает в историю, превращается в областной центр с заводами, школами, родильными домами, театром, тюрьмой. Вчерашнее возбуждение сменяется непередаваемым чувством счастья и — пустоты. Это чувство бессмысленное — откуда взяться пустоте, тоске, если побоище завершилось победой и смерти нет. «Но так было».

Не потому ли, что люди ощутили: Сталинград потерял свою вольнолюбивую душу. Подтверждая эту утрату, через десять лет тысячные полчища заключенных возведут здесь одну из величайших на планете гидроэлектростанций. В. Гроссман уточняет: государственную гидроэлектростанцию. Государство укрепляло свою мощь трудом зэков, среди которых было немало вчерашних солдат.

Это они, солдаты, упрямо повторяет В. Гроссман, приближаясь к финалу, своими руками добыли победу. Ради женщин с потрескавшимися от ледяной воды руками, стариков, детей, обмотанных рваными материнскими платками, шли на смерть бойцы. Шли, доказывая, что бессмертие надо завоевывать.

...Искусство творят не ради подтверждения истин, пусть и вечных. Искусству самому дано совершать открытие новых истин, озарять их светом художественной правды. В таких открытиях тоже бессмертие народа, его негасимый порыв к свободе.

Т. А. МАВРИНА.

ОЧИ ЗЕМЛИ.

лась нежной и доброй, какой-то матовой — словно бы темперной, а была это живопись маслом. Седая, стройная, очень красивая, даже в бедной своей затрапезе выглядевшая по-королевски, ходила со мной художница по Вологде, ставшей за много лет ее городом.

— Во ВХУТЕМАСе «молодые дарования» могли надеяться на заграничную командировку,— говорила Смоленцева.— А я вышла замуж за инженера, который вскоре был осужден по «делу промпартии». После лагеря — ссылка. Места менялись. Наконец мы очутились в «столице русских лесов и вод», как называл Вологду мой муж... Татьяна Алексеевна его уважала. А это факт особенный. Она ведь только свободных людей может уважать. Так с младых ногтей... Несколько лет назад мы с ней плавали по северным рекам из Вологды в Архангельск. Белые ночи были, пароход идет медленно, мы знай рисуем на палубе. Какое счастье работать рядом с ней. Если бы в тяжелые дни кто-нибудь сказал мне, что это будет, ни за что бы не поверила! Там надеяться нельзя было, да и вспоминать хорошее тоже вредно. Человек становился слабей, понимаете? Но когда водили в баню, я о Татьяне думала. Мы с ней любили писать обнаженных, будто зная, что скоро ханжи и лицемеры начнут это искоренять, не допускать на выставки, убирать ню из музеев. Почему? Наверное, потому, что тело соврать не может. Человек молчит, а его тело кричит, стонет, рыдает.

— Но во вхутемасовские времена другие ведь у вас были модели? И вы

Начало см. на стр. 8.

ЛЕТО.

В ПАРКЕ.

другое писали? — я перебила Александру Ивановну.

— Конечно, другие. Совсем другие. И мы тогда писали иной смысл женского тела: гедонизм или цинизм, хрупкость или грубость, застенчивость или наглость. Цветовое пятно и силуэт все могут рассказать о жизни, все на свете. Вот, наверное, почему «вольная линия» «Тринадцати» преследовалась... Уж и не помню, каким образом попался мне в лагере обрывок газетной статьи «О художниках-пачкунах». Я читала со страхом, что вот сейчас будет имя Мавриной, но в моем куске газеты его не было. Это, кажется, год тридцать шестой или тридцать седьмой... Вы попросите Татьяну Алексеевну показать вам картину «Кегли». Так называется ее холст о том времени. Что за холст!

* * *

«Кегли» впервые увидела теперь на выставке к 85-летию Мавриной в Музее А. С. Пушкина. Здесь многие, кто любит иллюстрации Татьяны Алексеевны, ее графику станковую, вошедшую в чудесные книги-альбомы, впервые узнали Маврину-живописца. Правда, почти тридцать лет назад ее живопись уже была показана — в зале на Кузнецком мосту, 20. И предисловие к каталогу написал тогда Игорь Эммануилович Грабарь. То была его последняя статья. «Кегли» там были. А я, тогда еще зеленая, выставку пропустила.

Итак, «Кегли. 1937 год». Холст висит рядом с «Олимпией», «Обнаженной в шляпе». На той же стене, где «Женщина в синем» кажется закусившей язык от физической боли или страданий. Выкрашенными в красный цвет деревянными обрубками, напоминающими четвертованное тело, играет восточное дитя, стоя на коленях. Кто-то неожиданно вошел, дитя испуганно обернулось и отбрасывает свои страшные игрушки. Вот такой сюжет. Сочетание глухих, желто-красно-черных тонов, трагический ракурс — мгновенный

взгляд сверху, в короткое пространство, чудовищная тишина детской игры, где нет ни звука, ни шороха. «Картина о том времени»,— сказала Александра Ивановна. Кому уж и понять все это. Но знала я еще одного почитателя картины «Кегли» — Михаила Владимировича Алпатова. Энциклопедист, восхищавшийся мавринскими «Русскими сказками», «Русскими песнями», «Рассказами русских летописей», «Городецкой живописью», «Загорском», «Сказочной азбукой» и видевший связи современного мастера с древней «досельной» книгой, Алпатов называл шедевром холст «Кегли».

— Это о нас,— говорил он,— о нашем времени. Вы, конечно, можете оценить эту картину как произведение живописи. Но я перестаю тут быть искусствоведом. Слышу рыдание...

Бродя по трем маленьким залам Музея А. С. Пушкина в Москве, я думала, как правильно, что именно здесь устроена юбилейная выставка Мавриной. Еще бы: пушкинские сказки, проиллюстрированные Татьяной Алексеевной, есть чудо проникновения (проникания!) к истокам фантазии поэта. К тому же Кузьмин и Маврина приняли самое горячее участие в создании московского Музея А. С. Пушкина — дарили ему сокровища. Не только материально-художественные ценности, но и духовно-художественные — свои мысли, советы, суждения, дарили пушкинское богатство своих неповторимых личностей: классическую ясность, эстетическую открытость, благородство вкуса, памяти, чести. Здесь Маврина у себя дома. Здесь продолжает жить ее замечательная дружба с современниками. Вот их портреты: Николай Ашукин, Татьяна Цявловская, Николай Пахомов, Ефим Дорош. Вот их иронически-нежно запечатленные лица на стенах и в особых витринах. А вот товарищи по группе «Тринадцать»: Антонина Софронова, Даниил Даран...

Даран, посвятивший свое блистательное искусство изображению цирка, жил тяжело, ушел рано. В рисовальном альбоме Мавриной есть горькая запись: «4.VI. 64. Пел соловей в овраге за железной дорогой, цвели яблони в нашем Абрамцеве, а мы и не знали, что умер Даран. Весть привезла моя сестра из Москвы...

Рисовать его было легко. Что-то мопассановское — от черных усиков, неизменной шляпы, от неиссякаемой галльской общительности — с трамвайной ли кондукторшей, или со знаменитым писателем... Был редкой рыцарской преданности людям и делу; и что еще бо́льшая редкость — никому не завидовал».

Зная эту эпитафию, стою около пророческого портрета Даниила Дарана на выставке. Лицо это будто на твоих глазах тает, теряет объем и улыбчивую ясность.

— Татьяна Алексеевна, а чем вы зарабатывали на жизнь в 30-е годы? — решаюсь спросить Маврину. И она отвечает той же горько-победной улыбкой, которой восхищался Милашевский:

— Пуговицы раскрашивала. На выставки не пускали. Работать в книге не давали. Один график, тогда очень молодой, назначенный экспертом при ликвидации издательства «Академия», сказал: «Мавринские иллюстрации к Анатолю Франсу? Только через мой труп». К работам Николая Васильевича отношение было такое же. Оставались нам санитарные плакаты и пуговицы.

Бывшего юношу Маврина не назвала, но мы обе знаем, кто это. Год назад пришлось ему, теперь уже старичку,— вот уж истинно наказанье-то свыше! — говорить похвальную речь над гробом Кузьмина в Академии художеств. Татьяна Алексеевна знала об ораторе и слушать его не захотела. Не до мести ее сердцу, пусть даже справедливой. На другое, совсем на другое нужны силы.

* * *

Когда начиналось лето, они уезжали в Подмосковье, бродили по селам. Маврина писала маленькие районные города с их новью и древними сокровищами, цветы, детей, стариков, народный обычай, в который вживалось яркое, советское. Она рисовала зимой хоккей в московских дворах, весной — волейбольную площадку на Сретенке, где играла в одной команде с подругой по «Тринадцати» Надеждой Кашиной.

В Загорске, в доме старой докторши, свекрови сестры Екатерины, застала их с Николаем Васильевичем война. Муж сестры был арестован, на столе у Мавриной лежали эскизы для санитарных плакатов — чудом добытый заказ. А она, все забросив, со страстью рисовала Лавру, старинные горбатые улицы, площади. Война угрожала родной земле, война могла уничтожить все это, столь горячо любимое. Вот откуда появился житийно-лубочный плакат Мавриной с текстом Абрама Марковича Эфроса «Стой! Прочти рассказ о том, как сражалась Русь с врагом».

— Татьяна Алексеевна, я всегда слышала в вашем доме, что вы с Николаем Васильевичем, атеисты, собирали иконы, писали храмы?

— Да, мы атеисты! — Дочь народника из окружения молодого Максима Горького до сей поры гордится своим мировоззрением.— Но можно ли из-за атеизма потерять драгоценности народной культуры? Во время войны это чувство стало особенно острым, тревожным. Я начала портретировать Москву по памяти — рисующие на улицах подозревались в шпионаже...

Центральная и северная Россия, неведомые речки, озера, болота, холмы, проселки, деревенские избы, колодцы, палисадники, бледно-зеленый Юпитер в черном предвесеннем небе, столичные бульвары, еще казаковское — до перестройки! — здание Моссовета... Букеты, листья, травы, коты, бабочки, ложбинка со снегом в весеннем лесу, мыслящая лошадь и самодовольная корова, розовые дорожки в парке, серебряная березовая роща, черно-синие грачи, куст дикого шиповника. Сколько всего этого у Мавриной?

Больше трехсот работ, только что подаренных ею Советскому фонду культуры, около тысячи, принадлежащих Музею А. С. Пушкина и художнице, показала юбилейная выставка.

«Спасибо Вам, что Вы сохранили веру в жизнь»,— пишет в книге отзывов москвичка Шашина. «Маврина — это чудесный праздник, которого нам так часто не хватает» — запись петрозаводского врача Давыдовой. «Спасибо Вам за волшебство» — слова ученицы 3-го класса Любы Петровой.

Книга отзывов — толстая, доброго и умного в ней много. Хоть и «подпочвенные воды» старой зависти, вражды, непонимания оставили тут свой след. Интересная книга отзывов. Социологу, историку искусства, просто историку очень полезно ее полистать.

Я стою около портрета старушки в ярко-синем платочке, с выцветшими васильковыми глазами. Датирован шестидесятым годом. Няня моя Анна Васильевна погибла в Ленинграде во время блокады, значит, мавринская модель просто очень похожа на нее... Мальчик сидит на полу возле музейной стены с пейзажами, и я боюсь помешать ему смотреть, потому стою и стою около «Анны Васильевны»; лицо в белых морщинках-лучиках, наверное, щурилась на улице, плохо видела. Родное лицо, помню его без платочка. Все помню.

Мальчик встает, подходит к своей маме и шепчет: «Посмотри, какое там дерево!» «Царь-дуб. Сыр-дуб. Кряковатый, мокрецкий, вековой, первопосаженный Перунов дуб»,— объяснила бы ему Маврина и прочла бы нижегородскую песенку:

На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова та мне теща.
Воробушка шурин
Глазки прищурил...
Ворон черный там сидит.
Утром он в трубу трубит.
Вечер сказки говорит.

КАНДИДАТ В ПОДСУДИМЫЕ

В судебном очерке М. Корчагина «Кандидат в подсудимые» («Огонек» № 20) поднимаются очень важные проблемы укрепления законности.

Казалось бы, в публикациях на эту животрепещущую тему нет недостатка в последнее время. Весьма ощутимы еще последствия произвола, затронувшего судьбы большой массы людей. Не поставлено пока прочного заслона необоснованным арестам и привлечению к уголовной ответственности.

Не одна сотня уголовных дел «рассыпалась» в последние годы, и многие из них — дела о взяточничестве. Люди, порой проведшие годы в местах не столь отдаленных, полностью реабилитированы сегодня, а следователи, прокуроры и судьи, виновные в беззаконии, строго наказаны. Может быть, это неизбежные издержки производства, и не стоит к ним так уж пристально приковывать внимание общественности? Согласиться с этим невозможно! За каждым подобным случаем исковерканные судьбы, горе и боль невинных.

Тогда, может быть, не следует арестовывать и привлекать к уголовной ответственности за взяточничество — преступление, которое, как мы очень часто повторяли, является лишь отвратительным пережитком прошлого? Но и с этим, естественно, согласиться тоже нельзя. Слишком уж буйно расцвел он своим махровым цветом при пока живучем бюрократически-авторитарном стиле руководства. Коррупция проникла в должностные кабинеты различного ранга и уровня. Она не только, как ржавчина, разъедала принципы социальной справедливости, но стала и своеобразным тормозом на пути перестройки. Понятно, что борьба со взяточничеством ослабляться не должна.

Но и укреплять-то законность, правопорядок можно только при строжайшем соблюдении законности.

Как раз об этом судебный очерк М. Корчагина «Кандидат в подсудимые». Особую значимость имеет он, затрагивая обычно скрытую от посторонних глаз сферу непроцессуальных отношений следователей с одной из одиознейших фигур в преступной корпорации — взяткодателя. Как известно, во взяточничестве участвуют всегда не менее двух человек — взяткодатель и взяткополучатель. В действиях и того, и другого при доказанности самого события, разумеется, всегда имеется состав преступления. Почему же «фигурой умолчания» становится взяткодатель? Каким образом он становится из «кандидата в подсудимые» свидетелем обвинения?

Действующее законодательство предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, давшего взятку, если в отношении его имело место вымогательство или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся.

Вымогательство, как таковое, встречается все реже. Поэтому на практике наиболее широко используется второе основание для освобождения взяткодателя от ответственности.

И вот тут-то следствие часто балансирует на весьма скользкой грани между законом и беззаконием. Весьма редки случаи, когда лицо, давшее взятку, совершенно добровольно (а так требует закон!) является после этого в следственные органы с заявлением об этом. Чаще всего такое «добровольное» заявление появляется лишь после соответствующих бесед в органах МВД или прокуратуры.

Поэтому трудно говорить о твердых, высоконравственных целях заявителя, который с помощью взятки привык выторговывать себе блага у должностного лица. Поэтому столь чутко и откликается он на «совет» иного следователя не вступать с ним в конфликт. Зачем ему этот конфликт? Он прекрасно понимает, что следствие при желании легко установит нетрудовой характер сбережений, за счет которых он одаривал взяткополучателя.

Нельзя, разумеется, представлять себе дело так, что любое заявление подобного содержания берется только на веру. Но в основе расследования находится все же это пресловутое «добровольное» заявление, и исключать в этих случаях его клеветническую направленность нельзя.

Широкое распространение — вплоть до высших следственных эшелонов получила описанная М. Корчагиным практика взятия под особую опеку следствием взяткодателей, давших нужные показания. Следственные органы редко интересуются образом жизни взяткодателя, который, как правило, носит преступный характер. Иначе откуда же взять для дачи взяток средства?

Вопреки установленному порядку о взяткодателях — членах КПСС, далеко не во всех случаях сообщается в партийные органы, хотя они, как лица совершившие преступления, в соответствии с Уставом КПСС подлежат исключению из партии. Остаются они и на различных должностных постах.

И то, что подобный сговор следствия с взяткодателями — прямой путь к произволу, мало кого волнует сегодня.

Но следствию так проще. Создается «прочная свидетельская база», а само следствие продвигается значительно быстрее. Под гипнозом громких имен и высоких должностных лиц, попавших в орбиту следствия, как-то забывается требование закона. Но обществу совсем не безразлично, что многочисленные «свидетели обвинения», оставаясь на своих высоких постах, с не меньшим усердием продолжают брать взятки, чувствуя на этот раз покровительство следственных органов. А, получив на руки письмо на фирменном бланке, что «ими проявлено гражданское мужество» и «активное содействие следствию», претендуют и на продвижение по службе.

В постановлении ЦК КПСС от 2.04.88 года «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» вновь подчеркнуто: **«Неукоснительно должно соблюдаться требование Устава КПСС о том, что коммунисты, совершившие проступки, наказуемые в уголовном порядке, исключаются из рядов КПСС».** И об этом забывать мы не имеем права.

Думается, что заслуживает поддержки предложение М. Корчагина рассмотреть целесообразность существования в новом уголовном законе нормы, безапелляционно устраняющей ответственность взяткодателя. И уж, во всяком случае, требуется строжайшая проверка того, что заявление сделано добровольно, без принуждения или обещания особого покровительства со стороны следствия.

Действительной гарантией от произвола должен быть сам закон «без двусмысленности и хитроумных лазеек». Это особенно необходимо сейчас в условиях расширяющейся демократии и укрепления законности.

Заместитель Прокурора РСФСР, государственный советник юстиции 2-го класса А. В. БУТУРЛИН

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. КУЙБЫШЕВА

ЭТУ ФОТОГРАФИЮ Я УВИДЕЛ НЕДАВНО В ГОРОДЕ КОКЧЕТАВЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ МУЗЕЕ ВАЛЕРИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА КУЙБЫШЕВА. НА СНИМКЕ ЗАПЕЧАТЛЕН ЮНЫЙ ВАЛЕРИАН (ОН СТОИТ ВО ВТОРОМ РЯДУ — КРАЙНИЙ СПРАВА) СО СВОИМИ РОДИТЕЛЯМИ, БРАТЬЯМИ И СЕСТРАМИ. ФОТОГРАФИИ — 88 ЛЕТ. ОНА СДЕЛАНА В 1900 ГОДУ ЗДЕСЬ, В КОКЧЕТАВЕ, ГДЕ ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ЖИЛА СЕМЬЯ. Я ПОИНТЕРЕСОВАЛСЯ: ЖИВ ЛИ КТО-НИБУДЬ ИЗ ЕЕ ПЕРСОНАЖЕЙ, ЧЛЕНОВ КУЙБЫШЕВСКОЙ СЕМЬИ? ОТ СОТРУДНИКОВ МУЗЕЯ УЗНАЛ: СЕСТРА ВАЛЕРИАНА ВЛАДИМИРОВИЧА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА (НА ФОТО СИДИТ НА ПОЛУ) ЗДРАВСТВУЕТ И ПОНЫНЕ. ДОЛГИЕ ГОДЫ ОНА РАБОТАЛА ДИРЕКТОРОМ ЭТОГО МУЗЕЯ, В 90-ЛЕТНЕМ ВОЗРАСТЕ УШЛА НА ПЕНСИЮ, ПЕРЕЕХАЛА В МОСКВУ.

«Я ВЕСЬ В... БОРЬБЕ»

ВСТРЕЧА С ЕЛЕНОЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ

...Большое, на целый квартал, здание на улице Серафимовича, неподалеку от Кремля. В квартире Елены Владимировны я увидел фотографию, точно такую, что и в кокчетавском музее.

— Это наша семейная реликвия,— пояснила мне Е. В. Куйбышева, седая женщина, с добрым, приветливым лицом, живыми глазами.— В центре снимка, видите, мужчина в военной форме, с густой черной бородой, усами. Это наш отец Владимир Яковлевич Куйбышев. Он был воинским начальником в Кокчетаве. Офицер царской армии. Полковник. Участник русско-японской войны. Дворянин. Рядом с отцом — наша мать. Юлия Николаевна Куйбышева (урожденная Гладышева). Она — учительница. Ее отец Николай Евграфович Гладышев был врачом, знал ссыльного Достоевского.

Рядом с родителями мы, дети: Воля (так мы звали Валериана), Анатолий, Миша, Коля, сестры Женя, Надя, Маша и я. Восемь детей. А вообще-то нас было одиннадцать.

— Елена Владимировна! Каким вам запомнился Валериан Владимирович?

— Воля был в семье самый высокий, самый красивый, самый способный. В детстве он мечтал быть знаете кем? Суворовым. Начитался книг о полководце (у отца была хорошая библиотека). Играл в войну, закалял себя, спал на досках, мылся только холодной водой, занимался гимнастикой. Учил и нас, сестренок, быть стойкими, смелыми. Загонит, бывало, меня в темную комнатку и запрет ее, предлагает лезть под кровать. И я, боясь оказаться в глазах Воли трусихой, дрожа от страха, лезла под койку. Вообще он любил игры с «приключениями».

— Как могло случиться, что сын дворянина, офицера стал революционером?

— Валериан, как сын офицера и дворянина, был принят в кадетский корпус в Омске, учился, содержался там за казенный счет. Это было привилегированное военно-учебное заведение закрытого типа. Карьера ему была обеспечена. Но Воля думал не о мещанском благополучии. Мечтал служить народу. Тому причиной книги Маркса, Энгельса, Ленина. Юный кадет стал искать встречи с революционерами-подпольщиками. Заводил связи с членами социал-демократического кружка в Омске. Валериану не было и 16 лет, когда он вступил в ряды РСДРП.

Летом пятого года в казармах воинской команды нашего отца, на улицах Кокчетава были разбросаны социал-демократические прокламации. Полицию, жандармов подняли на ноги. Но никому и в голову не приходило, что это сделал кадет Валериан Куйбышев, приехавший домой на каникулы. Однако отец дознался. Каждая прокламация была свернута в трубочку, перевязана гарусом, тем, который был только у нашей мамы. Помню, как разволновался отец. За обедом сидел мрачнее тучи, говорил с гневом о молокососах, которым надо всыпать, чтоб не портили солдат крамольными листками. Потом в упор посмотрел на Волю:

— Это ты натворил?

— Я,— тихо, но твердо выговорил Воля.

Отец положил ложку, выскочил из-за стола... Однако и после этого случая Воля продолжал свое революционное дело.

— А отец как смотрел на это?

— Переживал. Просил подумать о семье. Упрекал, увещевал. Осенью 1906 года Волю впервые арестовали, бросили в застенок. Это было в Омске. Я пошла к нему на свидание в тюрьму. Воля ничуть не унывал. Шутил, балагурил. Но у меня на душе было тяжело. Вечером я с сестрой Женей послала отцу (он тогда служил в Каинске Томской губернии) телеграмму: «Воля предан военно-полевому суду». Отец немедленно приехал в Омск. Он был вне себя. Он не надеялся застать Волю в живых. Ведь военно-полевой суд обычно приговаривал к расстрелу. Когда же он увидел Волю, то бросился целовать, обнимать, ощупывать его, не веря глазам своим. Повторял: «Жив! Жив, сынок!»

Потом выяснилось — это мы с сестрой напутали. Волю должен был судить суд не военно-полевой, а просто военный. Брату дали всего год тюремного заключения. Его еще семь раз арестовывали, четыре раза ссылали. В ссылках и тюрьмах он томился семь лет.

После случая с телеграммой отец... смирился. Он только просил меня:

— Лена! Никому не говори, что у тебя брат — политический.

Я, конечно, помалкивала. Но в душе очень гордилась Волей.

Как-то отец, будучи в Петербурге, узнал, что Воля живет там нелегально, по чужому паспорту, по ночам прячется в бедном квартале, на чердаке старого дома. Отец в офицерской форме, в мундире с орденами, регалиями разыскал Волю, жил несколько дней с ним на чердаке. Брат уговаривал его снять номер в гостинице, но он наотрез отказывался. Спустя годы Воля с улыбкой вспоминал:

— Царский офицер — на чердаке у поднадзорного, у нелегального сына. Представляете...

Когда Волю отправили в ссылку — по этапу, мама сказала: «Наш Воля избрал себе путь мученика-революционера».

— Валериан Владимирович был одним из образованнейших людей своего времени. Его экономические труды и поныне представляют немалую ценность. Был он и способным литератором. Разбирался в технике, медицине, естествознании. Работал председателем Госплана, заместителем председателя Совнаркома СССР. Какое образование он получил?

— Кадетский корпус давал знания в объеме реального училища. Воля учился также в Петербургской военно-медицинской академии. Но его исключили с первого курса за политическую неблагонадежность. Ему удалось поступить на юридический факультет Томского университета. Там проучился менее полугода: арестовали. Так что знания брат добывал самостоятельно. Он учился, как тогда говорили, в «Романовском» университете. В камере, в ссылке изучал труды мыслителей: философов, историков, экономистов, штудировал иностранные языки. У него была колоссальная работоспособность: мог заниматься по 16—18 часов кряду без передышки. Трудился самозабвенно, забывая, казалось, обо всем на свете. Был он человек увлекающийся — в лучшем смысле этого слова. Любил спорт, живопись, музыку. Был тонким ценителем, знатоком литературы. Занимался фотографией. Сохранились снимки, сделанные им. После революции я часто бывала дома у брата. Встречала там ученых, композиторов. Желанным гостем был поэт, один из зачинателей научной организации труда в СССР, Алексей Капитонович Гастев. Бывал также и известный художник Василий Семенович Сварог — большой друг моего брата. Они вместе отдыхали, играли в шахматы. Художник советовался с братом, прислушивался к его пожеланиям. По совету Валериана Владимировича Сварог написал картины «Гибель «Челюскина» и «Встреча героев на Красной площади». Брат знал многих писателей — Алексея Максимовича Горького, Демьяна Бедного, Федора Панферова, Федора Гладкова, Александра Серафимовича, Михаила Шолохова.

— Елена Владимировна! Я слышал, что Валериан Владимирович любил шутку, острое слово, был мастером розыгрышей.

— О да! Он был жизнерадостный, веселый, энергичный. Вечно что-то выдумывал. Запомнился такой эпизод. В семнадцатом году мы, сестры, жили с мамой в Питере. (Отец наш умер еще в 1909 году.) Мама очень волновалась за судьбу сыновей. Время было тревожное. Анатолий находился в голодной Москве. Николай воевал на фронте. Воля боролся за власть Советов на Волге, в Самаре. В один из апрельских дней мы с мамой убирали квартиру. Вдруг — звонок в дверь. Мать открывает: Анатолий! Она страшно обрадовалась. Стала расспрашивать: что с Николаем, Волей? Но Анатолий только руками развел:

— Не знаю.

Минут через пять снова звонок: на пороге — Николай. Мать воскликнула:

— Как хорошо! Оба сына, не сговариваясь, приехали меня навестить. Вот бы еще Волю увидеть!

Снова звонок в дверь: входит Воля. Мать смотрит на него. Переводит взгляд на Колю, Анатолия. Какое счастье! Потом перед отъездом из Питера мы узнаем: это все Воля придумал. Братья приехали домой вместе, втроем, но по совету Воли заходили поодиночке.

«ЖИВИТЕЛЬНЫЙ БАЛЬЗАМ»

Мы еще долго беседовали с Еленой Владимировной. Под конец я спросил: «Нет ли в семейном архиве писем, которые еще не публиковались?»

— Поищу. Загляните денька через два.

И вот передо мной тоненькие, поблекшие листки, исписанные мелким убористым почерком,— письма матери, Юлии Николаевны. Адресованы они Валериану Владимировичу. Отправлены из Саратова в 1921 году, где жила тогда Юлия Николаевна у своей дочери Марии Владимировны — журналистки, автора ряда книг.

«Мария вся в работе. Работает по-куйбышевски. Родной мой хороший Воля! Твои письма для меня — живительный бальзам!» — писала Юлия Николаевна сыну. Валериан Владимирович горячо, нежно любил свою мать. Еще до революции из тюрем, ссылок, присылал свои стихи.

Вот они, написанные в тюрьме:

Замолчи, мое сердце, не думай
о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном
поле.
Слышишь, в камеру входят,
грохочут ключи.
Скрой же слабость в молчанье,
будь гордым в неволе.
Замолчи!..
Ни оковы, ни стены, ни годы
страданья
Не заставят позорной пощады
просить.
Не сломить мою гордую стену
молчанья,
Не сломить.

Будучи в ссылке в Иркутской губернии, революционер послал матери лирические стихи:

ЛУННАЯ НОЧЬ

Полночь. Снежок, кристаллы
пушистые
Тихо и плавно летят...
Ветви деревьев, красиво волнистые
Снегом покрытые, спят.
Сказочно в сердце. Волшебными
красками
Что-то рисуется в нем...
Грезится дружба, богатая ласками,
Чуткостью, дружбы огнем.
Сказка кругом. И как в сказке,
мне грезится —
Вот-вот из лунных лучей,
В снежную тогу одетая, явится
Греза — царица ночей.

«Немного поэт»,— писал Валериан Владимирович в автобиографии.

«СПАСИТЕ МОЕГО ПАПУ»

У Валериана Владимировича была дочь Галя. Одна из ее подруг рассказала мне примечательную историю, происшедшую на Галиных именинах.

...В феврале 1934 года в Чукотском море затонул пароход «Челюскин». Находившиеся на борту люди высадились на льдину. Для их спасения была организована специальная правительственная комиссия во главе с В. В. Куйбышевым. Валериан Владимирович работал очень много, не замечая, не чувствуя усталости. «Если бы в сутках было 72 часа, и их было бы мало»,— говорил он. Дома бывал редко. Ночевал в своем кабинете.

...В один из вечеров он выкроил время, пришел домой, на Галины именины. Ей исполнилось 15 лет. Собралось много гостей, мальчишек и девчонок, и все с радостью встретили Куйбышева. Стало весело, шумно. Один мальчик предложил игру: пусть каждый расскажет какую-нибудь смешную историю, забавный случай. Когда очередь дошла до Валериана Владимировича, он тихо произнес:

— Извините меня, дорогие ребята, но сейчас я ничего веселого рассказать не могу. Вот это письмо не дает мне покоя.— Он вынул из кармана аккуратно сложенный листок, прочел вслух: «Москва. Председателю комиссии по спасению челюскинцев. Товарищ Куйбышев! Спасите моего папу! Я очень люблю его! Ада».

Спасти челюскинцев было нелегко. Куйбышев возлагал надежды на авиацию. К этому недоверчиво отнеслись некоторые видные ученые: полярники, океанографы. Они категорически утверждали: средствами авиации невозможно спасти челюскинцев. И все же Куйбышев не отказался от своего плана. Председатель комиссии внимательно следил за продвижением самолетов, кораблей, за доставкой горючего, снаряжения потерпевшим бедствие. И летчики, напутствуемые Куйбышевым, добрались до ледового лагеря, вывезли людей с затонувшего парохода.

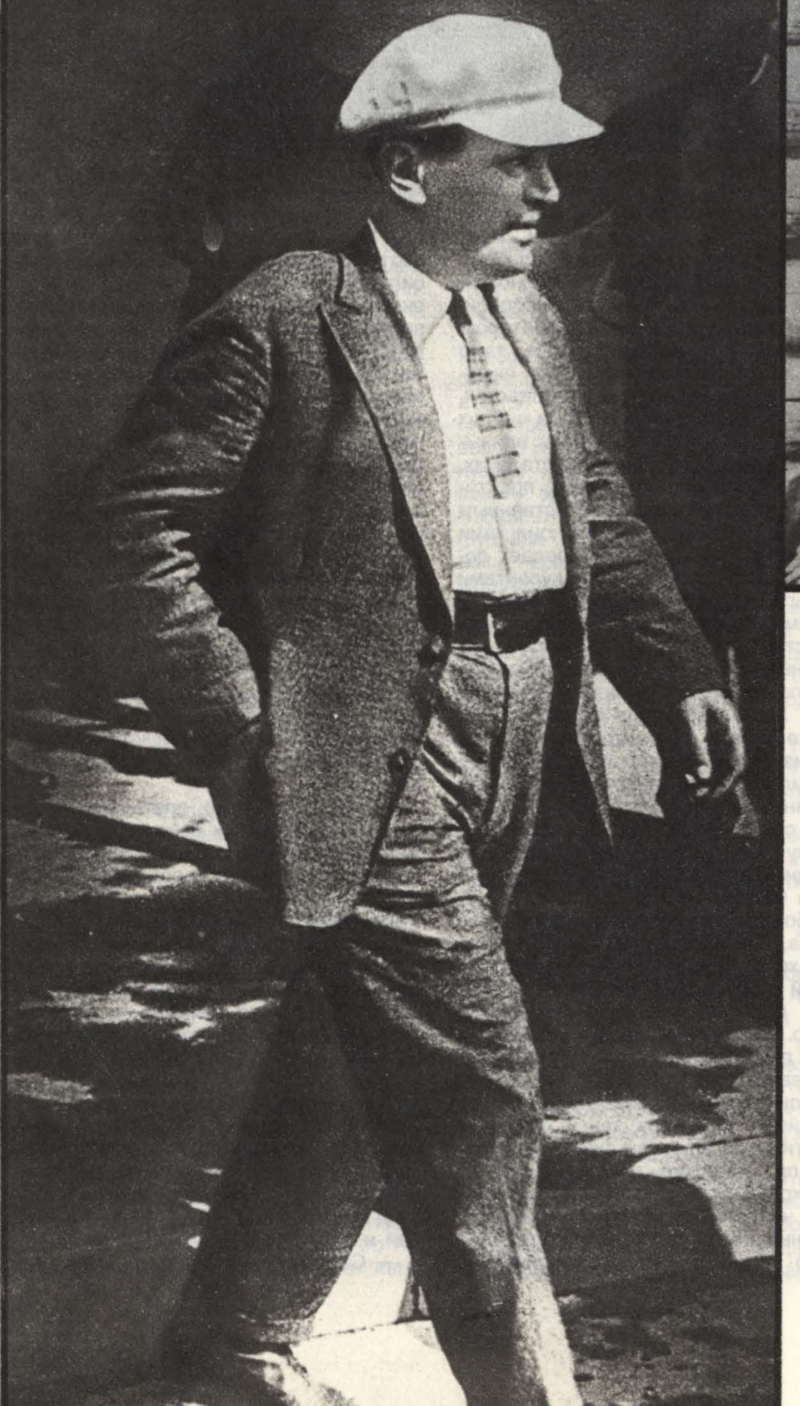
Челюскинская эпопея вошла в историю освоения Севера, в историю Страны Советов.

* * *

Эти заметки мне хочется закончить строками из письма, написанного В. В. Куйбышевым 24 апреля 1922 года:

«Я весь в происходящей борьбе, весь без остатка. Не только приемлю ее всю... но и сам в ней весь, всем своим существом, всеми помыслами. Все надежды, вера, энтузиазм в ней, в борьбе. Все, что не связано с ней, чуждо мне, я люблю, мне близко только то, что с ней слито...»

Юлий ПЕСИКОВ

Семейная фотография Куйбышевых.

Нарымская ссылка. 1910 г. В. В. Куйбышев и Я. М. Свердлов со своими товарищами-революционерами.

По пути в Кремль. Фото начала 30-х гг.

Елена Владимировна Куйбышева. 1988 г.

ПРИРОДА И МЫ

ДРАМА в СТЕПИ

УБИЙСТВО БЫЛО ЗЛОДЕЙСКИМ. В НЕГЛУБОКОЙ СТЕПНОЙ ВПАДИНЕ ОНИ УВИДЕЛИ РАЗБРОСАННЫЕ КАК ПОПАЛО ТУШИ, ГРУБО РАСЧЛЕНЕННЫЕ ТОПОРОМ. С НИХ ТЯЖЕЛО ПОДНЯЛИСЬ В ВОЗДУХ СЫТЫЕ ГРИФЫ И ОПУСТИЛИСЬ НЕВДАЛЕКЕ, ОЖИДАЯ УХОДА НЕПРОШЕНЫХ ГОСТЕЙ. ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ОРЛОВ ПАРИЛИ В НЕБЕ. ОНИ И НАВЕЛИ ЛЮДЕЙ НА ЭТУ ВПАДИНУ. ОПЫТНЫМ ВЗГЛЯДОМ ОПРЕДЕЛИЛИ, ЧТО ТРАГЕДИЯ СЛУЧИЛАСЬ СОВСЕМ НЕДАВНО — ДНЯ ДВА ТОМУ НАЗАД. НО ГРИФЫ УЖЕ ОСНОВАТЕЛЬНО ЗДЕСЬ ПОСТАРАЛИСЬ, О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАЛИ РАСКЛЕВАННЫЕ ЧЕРЕПА И ГОЛЫЕ РЕБРА СКЕЛЕТОВ.

Юрий ЛУШИН

— Не успели,— огорчился старший охотинспектор Александр Михайлович Красовский,— но они от нас не уйдут, эти сволочи, не должны уйти.

— Они хуже волков,— сказал егерь Жетписбай Изтлеуов,— смотрите, что вытворяют: отрубают и забирают заднюю часть туши, а остальное бросают.

— И бьют всех подряд,— вглядываясь в истерзанные туши сайгаков, определил старший охотовед Сергей Гусев,— самок бьют и рогачей, старых и молодых. Нелюди.

— Бедные сайгаки,— вздохнул Аманжол Утегенов,— сколько их погублено здесь?

Стали считать и насчитали больше пятидесяти голов — целое стадо. Судя по размаху, подумал Красовский, браконьеры с опытом и места эти им, видимо, хорошо знакомы. Следы браконьерского грузовика вели к ближайшим такырам и тут на их плотной (тверже асфальта) глинистой поверхности совершенно терялись. Догадка Красовского, похоже, подтверждалась: браконьеры путали следы умело. Где их теперь искать? Сары Арка — Золотая Степь раскинулась на все четыре стороны, отсюда до ближайших населенных пунктов многие десятки, а то и сотни километров. Тут, на стыке четырех областей Казахстана — Актюбинской, Тургайской, Джезказганской и Кзыл-Ординской,— проходили традиционные осенние пути миграции степных антилоп — сайгаков — к югу. На этом пути и поджидали их браконьеры. Встречи с охранным отрядом Красовского они, понятное дело, не искали...

Сайгаки, наверное, одни из самых древних жителей земли. Они, современники давно вымерших мамонтов, заселяли некогда (в ледниковую эпоху) степные просторы от Британских островов на западе до Аляски на востоке. Три-четыре столетия тому назад немалые стада сайгаков бродили еще по украинским степям и югу России. Однако интенсивное наступление человека на природу, массовая распашка земель и неумеренная охота (похожая больше на истребление) привели сайгаков в начале прошлого века на грань полного исчезновения. Их истребляли не только ради вкусного мяса, но и ради рогов, лечебные свойства которых (подобно пантам марала) издавна использовались в тибетской и китайской медицине. До революции, например, ежегодно из Казахстана вывозилось контрабандой до 350 тысяч пар рогов. Неудивительно, что к тому времени здесь сохранилось лишь несколько сотен животных — количество для этого вида просто критическое. Достаточно было случиться джуту зимой (резкая оттепель, а затем столь же резкое похолодание, надолго покрывающее прочной коркой льда степные пастбища), массовой эпидемии или массовому отстрелу — и мы никогда больше не увидели бы живого сайгака, как не увидим больше стеллерову (морскую) корову, саблезубого тигра, тура, тарпана — предка домашних лошадей, бескрылой гагарки и многих десятков животных, истребленных человеком.

Спасло сайгаку жизнь постановление Совнаркома от 27 мая 1919 года, подписанное В. И. Лениным,— «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие», согласно которому полностью запрещалась, в частности, охота на сайгаков. Повсеместно усилилась борьба с браконьерством и контрабандой сайгачьих рогов. Ученые-зоологи Казахстана взялись за изучение поведения животных, способности к воспроизводству, мест обитания, путей их миграции и т. д. Этот нескладный с виду зверь с горбоносой, низко опущенной, тяжелой головой, с телом овцы, поставленным на относительно высокие и тонкие ноги, таил в себе массу неожиданного. Так, зимовать он предпочитал в одних областях, а лето проводил в других. Из-за частых перемещений сайгаков назвали вечными странниками, но при этом стада их, двигаясь с большой скоростью, практически не наносят ущерба естественным пастбищам. Кстати, питаются они теми растениями, которые мало поедает домашний скот, поэтому конкурентами ему быть не могут. Ученые выяснили, что самка сайгака способна приносить потомство уже в первый год жизни, что животные чрезвычайно выносливы. Это внушало оптимизм. При весе в 30—40 кг сайгак легко развивает скорость в 70 и даже более километров в час, он один из самых быстроногих животных на земле. Не случайно у него самое массивное сердце по отношению к весу тела среди всех наших копытных. К слову сказать: сайгачонка в возрасте 4—5 дней поймать уже невозможно — так он быстр.

Но больше всего поразил ученых нос сайгака, похожий на небольшой короткий... хобот, снабженный в своей обширной внутренней полости множеством волосков, обильно смоченных слизью. Вдыхаемый воздух очищается там от пыли, увлажняется, а зимой еще и согревается. Удобный нос. Не потому ли с одинаковым спокойствием переносят сайгаки как жару, так и холод?

Постигая загадки сайгака, ученые давали практические рекомендации по его сохранению и возрождению. Постепенно численность почти исчезнувших животных стала восстанавливаться, но только через сорок лет увеличилась настолько, что стало возможным (в разумных пределах и в строго ограниченные сроки) организовать промысловую охоту на сайгаков. Их численность стабилизировалась и составляет сейчас около девятисот тысяч голов (а было время, когда достигала и двух миллионов), что позволяет без ущерба для воспроизводства ежегодно поставлять народному хозяйству республики примерно три тысячи тонн высококачественного и дешевого мяса, а также отправлять продукцию на экспорт. К сожалению, вместе с возрождением сайгаков возрождались и самые страшные их враги — браконьеры. В последние годы браконьерство приобрело злостный и массовый характер (по данным учета, ежегодно недосчитывается 300 тысяч голов, из которых лишь третья часть падает на государственный промысел), поэтому для борьбы с ним стали создаваться мобильные отряды охотинспекции. Один из таких отрядов и возглавил в Актюбинской области старший госохотинспектор Александр Красовский...

Ночное дежурство опять ничего не дало, фарщики в их районе не обнаружились (ночами браконьерствуют с помощью мощной фары-прожектора, ослепляя животных и расстреливая их почти в упор). Красовского такое обстоятельство могло бы только порадовать, если бы не видел он своими глазами то страшное сайгачье побоище. Впрочем, видел он такое не впервые, но виновники, как правило, не уходили с его помощью от правосудия. Неужели теперь уйдут?

В районе горы Атанбас он остановил отряд на отдых. Он знал, что километрах в 25 отсюда базировался лагерь экспедиции, имевшей в своем распоряжении самолет АН-2, совершавший дважды в день рейсы в поселочек Жайсанбай и обратно.

— Самолет — хорошо,— задумчиво

сказал Красовский,— с него далеко видно.

— Правильно, нужно сделать воздушную разведку,— понял его мысль Гусев. Он и отправился немедленно в экспедицию вместе с инспекторами Дуйсеновым и Найденко.

...Серо-желтая в эту глухую осеннюю пору степь поражала, особенно сверху, своим унылым однообразием. По ней неспешно скользила тень самолета. Когда она накрывала группку сайгаков, животные нервно бросались в сторону. Потом успокаивались, продолжая пастись. Стада сайгаков чем дальше, тем становились плотнее. Они упорно стремились к югу, куда вел их многие столетия врожденный инстинкт. Где-то там они принесут потомство, а затем по огромному трехтысячекилометровому кругу, минуя города, переплывая реки и каналы, переходя железные дороги, вновь возвратятся в эти же места. И так из года в год. Только все ли дойдут?

Внезапно стадо голов в триста сорвалось с места и понеслось вслед за самкой-вожаком. Кто-то сильно их напугал, подумал Гусев, и почти сразу же увидел — кто.

По большой дуге наперерез стаду, стремясь опередить его, мчался мотоциклист. Так это же «смертник»,— понял Гусев (так сами браконьеры называют мотоциклиста-загонщика, и неспроста. Сколько их разбивается при загоне, сколько попадает под пули своих же сообщников! Надо быть либо бесшабашно смелым, либо просто помешанным, чтобы гнать мотоцикл под сотню километров в час без дороги, по выбоинам, кочкам и камням. Но жадность лишает разума). Не знал, не мог знать Гусев, что через несколько часов слово «смертник» обретет свой буквальный зловещий смысл, что и сам он, и его товарищи будут смотреть в лицо смерти. Сейчас он видел, как загонщик выгнал стадо на браконьерский ЗИЛ-130 цвета хаки, как стоявшие в его кузове стрелки били сайгаков. Стреляли азартно и зло, почти не целясь, стреляли в живую плотную массу. Он не слышал звука выстрелов, он видел, как сбитые картечью, мягко кувыркались в пыль животные, как разбредались по степи подранки. Он видел все это, но ничем не мог им пока помочь. Он мог точно зафиксировать на карте место бойни и как можно быстрее возвратиться к своим, чтобы начать преследование.

В середине дня отряд Красовского начал погоню. План был прост. Найденко и Сактаганов на своей машине перекрывают на переезде через сухое русло реки Жингельдыузек единственную дорогу на восток. Впрочем, вряд ли браконьеры двинутся по ней, тоже ведь понимают, что именно там легче всего устроить засаду. Но, как говорится, береженого и бог бережет. Непосредственно на задержание вместе с самыми опытными Гусевым и Юхиным Красовский решил идти сам на машине ГАЗ-66. Дуйсенов, Изтлеуов и Утегенов на УАЗе должны ехать по следу, но близко к браконьерам не приближаться, пока Красовский не вызовет их по рации...

Кончался четвертый час поисков, близился вечер. Они ехали по тем местам, над которыми Гусев пролетал днем. Сайгаков здесь уже не было, распугали. Возможно, и браконьеры подались следом за ушедшими стадами. Или просто затаились, ждут ночи, чтобы выехать на промысел с фарой? Одно ясно, размышлял Красовский, если до темноты они не обнаружат ЗИЛ-130 цвета хаки, задача снова осложнится.

И все-таки в седьмом часу вечера они его обнаружили, увидели в бинокль километрах в полутора-двух на краю такыра. Теперь все решали минуты. На полной скорости машина инспекции приближалась к ЗИЛу, вокруг которого сразу же засуетились люди, стали что-то бросать в кузов и потом сами туда запрыгивать. Но грузовик почему-то не двигался, и метрах в двадцати от него на заведенном мотоцикле сидел загонщик и тоже не двигался. Все это странным образом напоминало замедленную киносъемку. Когда до грузовика оставалось метров 150, из кабины выскочил водитель и, подняв капот, стал копаться в моторе. Счет пошел на секунды, и Красовский подумал, что наконец-то им повезло и, возможно, ЗИЛ не заведется. Метрах в восьмидесяти от него Гусев дал красную предупредительную ракету. В ответ двое в кузове, демонстративно встав на туши отстреляных сайгаков, направили на охотинспекторов свои десятизарядные ружья, прицелились. Пришлось затормозить, не доезжая до них метров 40—50. Выйдя из машины, Красовский с Гусевым стали требовать, чтобы браконьеры сдали оружие. Те молча продолжали в них целиться. И тут произошло непредвиденное: слева вдруг появился (вопреки договоренности, без вызова) УАЗ, вторая машина охотинспекции. Один из браконьеров немедленно повел стволом в ее сторону, но появился еще и третий, взявший на мушку Красовского из-за борта грузовика. Секунды тянулись как часы, Красовский под дулами ружей продолжал уговоры. Изтлеуов, выйдя из УАЗа, повторял его слова по-казахски. В ответ — молчание. Что в нем зрело — угроза, страх, надежда?

ЗИЛ все-таки завелся, и Красовский понял, что истекли и секунды, отпущенные на размышление. Он дал предупредительный выстрел вверх и тут же услышал, как ударила рядом с ним браконьерская картечь в железо кабины (потом в их машине насчитали более десятка таких отметин). ЗИЛ уже набирал ход, и Гусев стрелял по его передним баллонам. Попал. Грузовик повело в сторону, он остановился и снова заглох. Один из браконьеров выпрыгнул из кузова и, целясь в Красовского, пошел прямо на него. Красовский выстрелил в землю перед ним, тот продолжал идти, потом остановился и спустил курок. Но выстрела не последовало, браконьер в бешенстве передернул затвор и вновь прицелился. Тогда, опережая его, охотинспектор выстрелил ему по ногам, тот упал и поднял руки вверх... ЗИЛ в это время вновь завелся и пошел в отрыв, оставив раненого. Браконьеры отстреливались из кузова. Мотоциклист тоже было дернулся, но как-то неловко сполз с седла, присев на корточки. Мотоцикл опрокинулся, заднее колесо его бешено вращалось, мотор ревел. Красовский с Гусевым прыгнули в свой ГАЗ-66. Его передний баллон был пробит браконьерской пулей, но все же медленно они настигали ЗИЛ. Из кузова грузовика летели туши сайгаков — браконьеры стремились избавиться от улик. Километра через три грузовик встал окончательно, двигатель перегрелся. Однако браконьеры по-прежнему стояли с ружьями наготове, а когда подъехала вторая машина охотинспекции, открыли по ней огонь. Пришлось ответить. Только тогда браконьеры сдались. Но не все. Шофер грузовика Арыстан Каримов подошел к Красовскому, сказал:

— Слушай, начальник, давай так договоримся, без милиции, в долгу не останемся. Иначе и вам всем плохо — на вашей совести раненые.

— Лучше бы к своей совести обратились,— ответил Красовский,— а договариваться нам не о чем, ответите по закону.

— Ладно, там посмотрим,— равнодушно сказал шофер.

Быстро темнело. Охотинспекторы перевязали раненых браконьеров Абдулу Сериева и Серикбая Тулегенова (мотоциклист Турлыбек Убисултанов от полученной раны скончался) и повезли их в ближайшую больницу. На месте драмы Красовский оставил Гусева и Утегенова для охраны трупа, грузовика и всего места происшествия. Кроме того, они должны были выгрузить сайгаков из кузова (там оставалось примерно 70 голов), составить протокол о нарушении правил охоты и дать на подпись оставшимся у ЗИЛа браконьерам Каримову и Турашу Кубанову. Однако выгрузку отложили, решив сначала поужинать, и случилось совсем уж неожиданное. В темноте браконьеры пробрались к грузовику, опрокинули находившуюся в кузове бочку с бензином и подожгли. ЗИЛ полностью сгорел. Попытки потушить его успеха не имели: в кузове начали рваться оставленные там патроны, пришлось отойти подальше. Утром шофер Каримов и его напарник наивно объясняли прибывшим милиционерам:

— Случайность, начальник, искра от костра попала в кузов. Сколько сайгаков там оставалось? Штук пять, может быть, не помним...

Вообще, пойманные с поличным браконьеры, как правило, обнаруживают странную забывчивость и незнание, которые роднят их разве что с деревенскими дурачками. Не помнят, где и кем работают, а иногда и собственную фамилию забывают. Не знают, что охота на сайгака запрещена, хотя потом обнаруживается, что многие из них члены общества охотников, а некоторые уже задерживались за такое же браконьерство (как, например, в нашей истории). Забыли, на чьей машине приехали охотиться и как попали из родной Кзыл-Ординской области в Актюбинскую; заблудились, наверное. Не знают, что законом запрещено хранить незарегистрированное оружие. Отказываются вспоминать, как целились и стреляли в охотинспекторов (мимо ведь, просто попугать хотели), как потом сулили взятку за то, чтобы отпустили. И решительно никто из браконьеров не знает, для чего им такая гора мяса (иногда целые тонны).

Кстати, последний вопрос заинтересовал меня особенно, но оказалось, что ни один суд за многие годы его не исследовал (просто накладывал штраф как за пять, так и за 75 сайгаков). А не стоит ли за хищниками-добытчиками некий оптовый хищник-покупатель, перекупщик, не пахнет ли тут подпольным бизнесом? Слышал я, что весь убой сплавляют часто каким-то шашлычникам-узбекам...

Описанная мною история, конечно, исключительна, и, может быть, трагический ее финал случаен. И наоборот: случайно как раз то, что десятки подобных задержаний не кончились трагедией! Именно на такой точке зрения стоят все охотинспекторы и егеря, с которыми я беседовал.

В самом деле, давайте представим себя в их роли. В глухом, безлюдном месте, без свидетелей, часто ночью, вы обязаны задержать вооруженного разбойника, грабителя (а что такое браконьерство, как не вооруженный разбой, грабеж?), нередко готового на крайние меры, нередко находящегося «в подпитии». Вы обязаны изъять у него оружие и незаконно добытую дичь, составить протокол, а в необходимых случаях доставить браконьера в ближайший сельский Совет или отделение милиции. Ну-ка, попробуйте, если он не реагирует ни на какие ваши сигналы, если таранит мощным грузовиком ваш автомобиль, бросает под его колеса на полном ходу доски с гвоздями, бревна и даже взрывпакеты, если стреляет, и не только в колеса, а во что придется. Каждое такое задержание — подвиг, а между тем в уставе службы госохотнадзора даже нет пункта о праве личной неприкосновенности охотинспектора при исполнении служебных обязанностей. Не потому ли так распоясываются браконьеры, особенно когда оказываются в численном большинстве? Михаил Иванович Жинкин, старший егерь Прибалхашского заказника, рассказывал, как браконьеры оставляли его раздетым зимой в глухой степи, как привязывали к дереву, стреляли в него. Другие, погибшие от рук браконьеров, уже ничего не расскажут.

Нет, плохо закон защищает права защитников природы, зато бывает неоправданно мягок к нарушителям. Не потому ли размах браконьерства с годами не снижается? Если за весь 1986 год в республике отмечено почти шесть тысяч случаев браконьерства (задержано почти восемь тысяч человек, взыскано 213 тысяч рублей штрафов и полмиллиона по искам), то за девять месяцев прошлого года пресекли около четырех тысяч фактов браконьерства. И это несмотря на то, что штраф за голову сайгака, например, увеличен до 200 рублей (раньше было сто), а в заповеднике та же сумма взыскивается в тройном размере. Но и браконьер ведь мгновенно «перестроился»: сбывает тушу сайгака на черном рынке не по десятке, как раньше, а по тридцатке.

Поразмыслим и над таким фактом: в прошлом году у населения республики изъято 14 тысяч единиц незаконно хранившегося огнестрельного оружия. Не утверждаю, что все они хранились с браконьерской целью. Но страшно подумать, что из половины этого арсенала сделано хотя бы по одному выстрелу в живое! А ведь браконьер выходит на промысел не с одним патроном, а с сотнями. И бьет все, что попадется, невзирая на запреты: сайгака, ондатру, сурка, фазана, горного козла — тэка, косулю, занесенного в Красную книгу кулана... Недавно в Прибалхашье обнаружился делец, соливший бочками... лебедей, добытых в заказнике. Дальше, кажется, уже некуда.

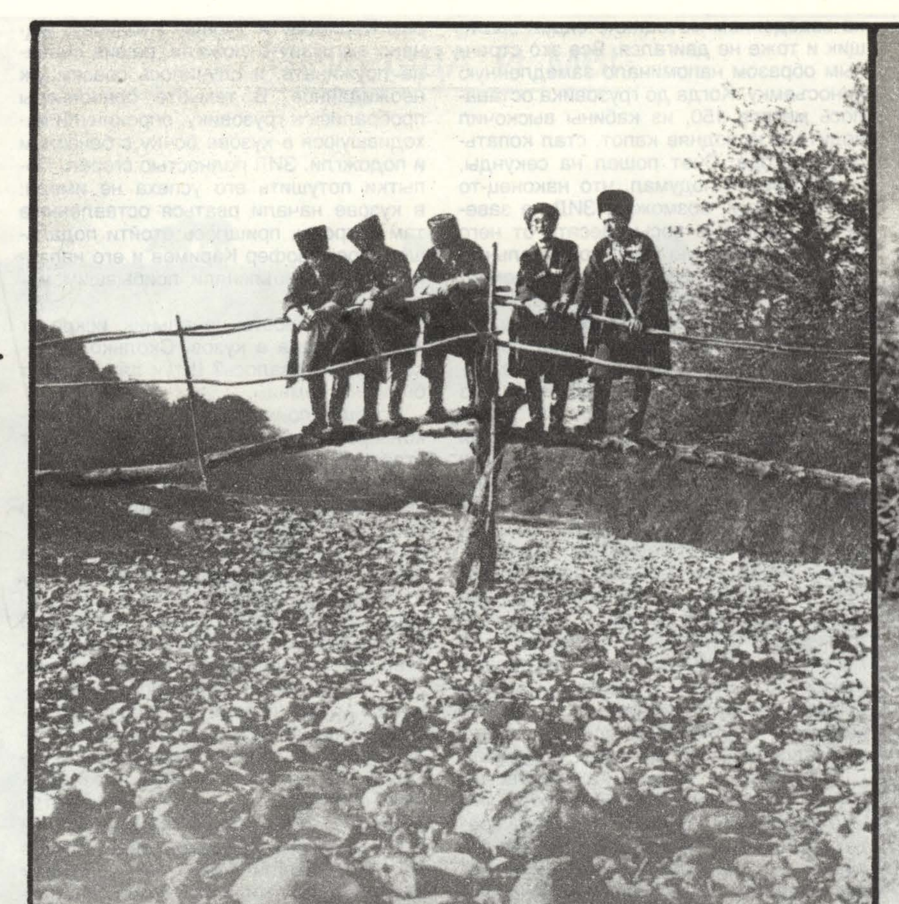
Не снижается уровень браконьерства и потому, что охотинспекция скверно, скудно оснащена транспортом и другой техникой (уверен, что необходима съемочная аппаратура, может быть, видео, приборы ночного видения и т. д.) да и просто малочисленна. Например, в Саратовской области 15 миллионов гектаров приписных охотничьих угодий охраняют 153 человека, а в Казахской ССР на 225 миллионов гектаров положено почему-то всего 164 человека. Как тут уследить за всем? К тому же нередки случаи, загадочные, прямо скажем, когда браконьеры никакого наказания не несут. Особенным милосердием к ним отличаются правоохранительные органы Кзыл-Ординской области (поэтому, наверное, область держит печальное первенство в республике по количеству браконьеров). Вот пример: «Уголовное дело № 670, возбужденное против Жубатова И. и Тулепбергиева С., по факту обнаружения у них при задержании в автомашине КАМАЗ 84-13 КЗД пятидесяти одной головы сайгаков в долине Сарысу, за отсутствием в их деянии состава преступления прекращено. Начальник Сырдарьинского РОВД подполковник Т. Алиев». Прекращено также «дело» на А. Есмухамбетова, Н. Каимова, С. Байкадамова, А. Уралбаева, задержанных с 222 сайгаками на двух ЗИЛах. Что тут говорить о каких-то двух десятках сайгаков, обнаруженных в машине А. Абдекерова из поселка Джалагаш, или об А. Туринбетове из поселка Джусалы, убившем немного больше? Другое дело — В. Науменко, Н. Адюкаев и А. Исаев, отстрелявшие 220 голов. Это размах! Впрочем, вывод тот же — отпустить. Почему? Кто ответит?

Безнаказанность развращает. Уверен, что не случайно стали участниками степной драмы в Актюбинской области именно кзыл-ординские браконьеры, ранее пойманные с поличным и, видимо, «гуманно» отпущенные с миром. Между прочим, все они тоже из упоминавшегося поселка Джусалы. Кстати, прошло уже несколько месяцев с момента случившейся драмы. Разоружившие браконьеров с риском для жизни охотинспекторы... обезоружены, в свою очередь, милицией. Оружие им не возвращают под предлогом тщательной экспертизы, необходимой для следствия. Инспекторы маются без дела, сайгаки ходят без охраны, браконьеры до сих пор не наказаны...

Почему? Кто ответит?

●

ДЕСЯТЬ СТАРИКОВ ГУДАУТСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ СУХИМ И ТЕПЛЫМ МАЙСКИМ УТРОМ СЪЕХАЛИСЬ В РАЙЦЕНТР, ЧТОБЫ ОТ КРЫЛЬЦА ИСПОЛКОМА КАЗЕННЫМ ТРАНСПОРТОМ ОТПРАВИТЬСЯ В СЕЛО АЧАНДАРА. ДЕСЯТЬ СЛАВНЫХ ГРАЖДАН СТРАНЫ ДУШИ (ТАК НАЗЫВАЮТ АБХАЗИЮ), КАЖДЫЙ ИЗ КОТОРЫХ ПРОЖИЛ УЖЕ ВЕК, НО ЕЩЕ НЕ ИСЧЕРПАЛ ЗЕМНОГО СВОЕГО СРОКА. ВСЕ ОНИ БЫЛИ В ПАРАДНОМ ОБЛАЧЕНИИ. ЧЕРКЕСКИ С ГАЗЫРЯМИ, БАШЛЫКИ И ПАПАХИ, СТАРИННОЙ РАБОТЫ КИНЖАЛЫ В БЛАГОРОДНЫХ НОЖНАХ — ВСЕ ЭТО БЫЛО ЯВЛЕНО НЕСПРОСТА, ПО СЛУЧАЮ. СТАРИКИ СОБРАЛИСЬ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ К СВОЕМУ ТОВАРИЩУ. ВЕКОВОЙ РУБЕЖ ТОТ ОДОЛЕЛ РОВНО ГОД НАЗАД. ЕДЕМ! СТО ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КЕАМИНА МХОНДЖИЯ ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ В ПАМЯТИ ТЕХ, КТО ПЕРЕЖИВЕТ СТАРИКА, И НА ПЛЕНКЕ «КОДАК».

Разговоры за столом

Прежде чем пригласить к столу, хозяин пожелал запечатлеться с гостями на фоне дома. Десять мужчин расположились портретной группой. В последний момент перед съемкой, разрушая композицию, старый Кеамин подался вперед и сделал знак жене, чтобы та подошла. Он что-то сказал ей по-абхазски, затем снял с головы и передал белую шляпу с широкими мягкими полями. Бесшумной тенью хозяйка метнулась в дом и через мгновение выпорхнула оттуда с высокой папахой серого каракуля. Увенчав седины убором, достойным горца, виновник торжества замер, напряженно уставясь в объектив, и все его товарищи сделали то же самое.

Отдав полновесной мужской работе девять десятилетий, старики и в эту минуту трудились как могли, полагая, что, участвуя в съемке, служат общему делу. Пожалуй, так оно и есть. Люди увидят фотографию, прочитают слова и узнают, что, к примеру, Сафер Аргун в июле сорок первого (ему было тогда пятьдесят два года) пошел добровольцем на фронт. В декабре был ранен, после госпиталя опять воевал. В мае сорок второго под Харьковом попал в плен, бежал, скитался по лесам и деревням Житомирской и Винницкой областей, пока не пробился к партизанам... Люди узнают также, что Хаджарат Ладария участвовал в революционном движении в Абхазии, а в сорок первом и сорок втором (ему было в ту пору пятьдесят пять) тропами безопасности проводил бойцов Красной Армии через Санчарский перевал. Пять дочерей произвел на свет Хаджарат Ладария, одиннадцать внуков и правнуков украсили его жизнь — пусть люди читают и завидуют.

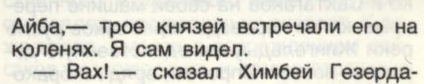

Но к столу, к столу! Пора уважить доброе красное вино, дымящуюся мамалыгу, ароматный сыр сулугуни и горячие хачапури...

Ах, какое пышное красноречие переливалось из уст в уста! Сколько достоинства и душевной широты было в тостах: за здоровье и долголетие хозяина, за всех его гостей, за счастье и процветание нашей Родины, за детей и внуков, за мир во всем мире, за покой и благополучие этого дома, за героев революции и Великой Отечественной, за богатый урожай нынешнего года...

Разговоры вспыхивали внезапно и как бы беспричинно, но какая-то неведомая постороннему слуху логика застолья владела умами и языками, устанавливая в каждую данную минуту главенство одной темы над всеми остальными.

— Когда приезжал в Лыхны абхазский царь,— вспоминал Григорий Айба,— трое князей встречали его на коленях. Я сам видел.

— Вах! — сказал Химбей Гезердава.— Когда приезжает в Ачандару большой начальник из района, кто теперь стоит перед ним на коленях?

— Если начальник умный,— назидательно заметил Мустафа Смыр,— он не позволит целовать землю у своих ног. А если глупый, то всякий преклонивший перед ним колени — дважды глупец.

— Так,— кивнул Михаил Аджба и больше не сказал ничего, потому что очень устал: он провел без сна ночь у гроба умершего родственника: покойного грех оставлять одного...

Чтобы почтить представителей прессы разговором, приличествующим их высокой общественной миссии, Алмсхан Айба (однофамилец и ровесник Айбы Григория, который рассказывал про абхазского царя и трех князей) деликатно коснулся текущей внутриполитической обстановки.

— Он говорит, темно было в прошлые времена,— перевел нам с абхазского Владимир Зосимович Хинтба, секретарь Гудаутского райисполкома.— Теперь стало светлее.

— Перестройка! — по-русски подтвердил батоно Алмсхан. И вновь зажурчала гортанная абхазская речь, пока из ее потока вдруг опять не выплыло нечто, произнесенное на чистом русском: «тридцать седьмой год». Что-

Жизнь на склоне лет — все равно жизнь. Со всеми радостями. Хотя за спиной у каждого из тех, кто на снимках, — столетие. Но главная радость — видеть наследника.

то вздрогнуло и натянулось в стариках, потемнели их лица.

— Меня арестовали в сорок первом году,— сказал Мустафа Смыр. Ему ровно сто лет, он не снимает очков, в которых похож на древнего звездочета.— Я работал тогда в райкоме партии на очень ответственной должности. А потом всю войну в лагерях. Надо поднять мое дело. Мертвым возвращают их честные имена, а я еще живой!

— Все народы страны пострадали от Сталина,— поддержал тему Григорий Айба.— Я сам,— он с гордостью постучал кулаком по груди,— был агентом иностранной разведки, не знаю какой. Десять лет на лесоповале под Томском... В Абхазии были села, крикнешь: «Эй, хозяин!» — выйдет женщина... Всех мужчин, понимаете, всех до единого...

Заговорили о мужчинах. Затем само собой о женщинах. Тосты — за женскую красоту и силу, которая — в слабости! За настоящих мужчин! За тепло семейного очага!..

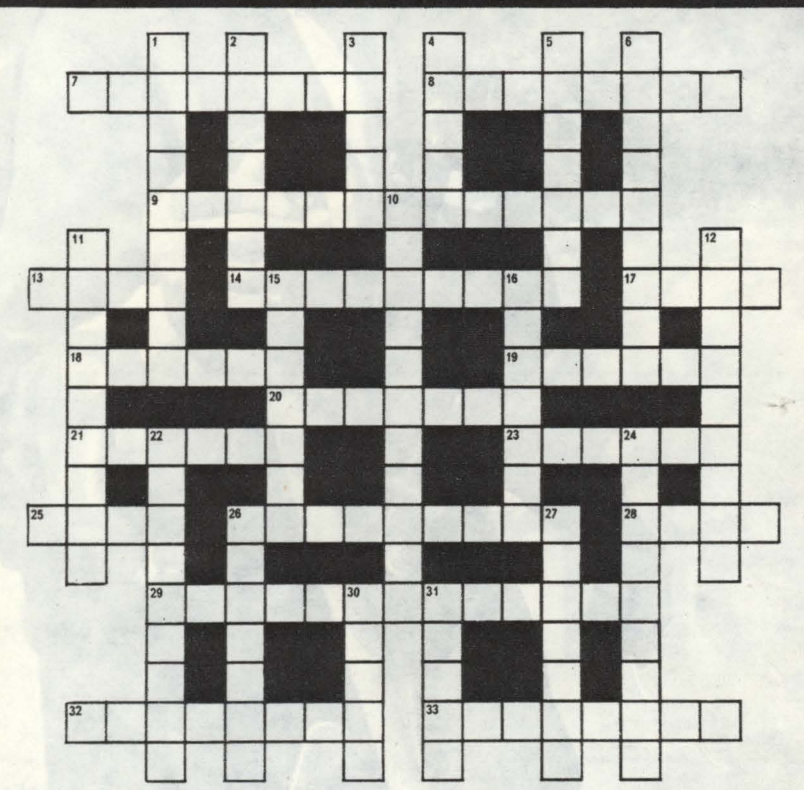
Десять стариков Гудаутского района Абхазии продолжали свои неспешные разговоры за столом. Да и куда им спешить: век прожит. Что сделано, то пребудет с тобой до последнего вздоха. А чего не успел совершить в молодую и зрелую пору, того, хоть еще век живи, не наверстаешь.

В. ВИКТОРОВ
Фото А. БОЧИНИНА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Вид мелиорации. 8. Певица, народная артистка СССР, выступающая в Большом театре. 9. Характеристика размеров судна, тоннаж. 13. Электрический провод. 14. Места в зрительном зале. 17. Прибор для отсчета времени. 18. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 19. Озеро в Восточной Сибири. 20. Заголовок раздела в газете, журнале. 21. Река в Перу. 23. Пузырек для духов, одеколона. 25. Ряд художественных произведений, объединенных общностью действующих лиц, тематики. 26. Областной центр в Узбекистане. 28. Продолжительность трудовой деятельности. 29. Наука о рельефе суши, дна океанов и морей. 32. Русский художник, передвижник. 33. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Образное выражение, оборот речи. 2. Машина для подъема или перемещения грузов. 3. Краткое изречение, выражающее руководящую идею. 4. Выдающийся итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. 5. Одна из основных деталей поршневых машин. 6. Украинский драматург, Герой Социалистического Труда. 10. Прибор для автоматической записи давления, температуры и влажности воздуха. 11. Минерал, сырье для огнеупоров и керамических изделий. 12. Космос. 15. Форма для отливки типографских литер. 16. Ударный музыкальный инструмент. 22. Крокодил. 24. Лесное ягодное растение. 26. Стопа в метрическом стихосложении. 27. Соглашение. 30. Стихотворение Я. Смелякова. 31. Крупная промысловая рыба.

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Лопатин. 5. Танзания. 7. Штоколов. 10. Дюкер. 11. Толстой. 14. Слово. 16. «Кирджали». 18. «Травиата». 20. Минор. 21. Песец. 22. Вираж. 23. Роговица. 25. Нежданов. 27. Наряд. 29. Баккара. 31. Марля. 32. Ансамбль. 33. Кузнецов. 34. Сицилия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лангет. 2. Ниобий. 3. Маникюр. 4. Гондола. 6. Зубр. 8. Овес. 9. Воскресенский. 10. «Декамерон». 12. Олимпиада. 13. Ортоцентр. 15. Оранжевая. 17. Жаров. 19. Взвод. 24. Гардина. 26. Нароков. 28. Дева. 29. Барбюс. 30. Алазея. 31. «Море».

ТЕАТР ПОЭЗИИ

Все знают, что такое видеоклип: смотрели по телевизору. Студенты актерского факультета ГИТИСа (художественный руководитель курса — народный артист СССР, профессор В. А. Андреев) решили сделать поэзоклип.

— Это,— говорит режиссер спектакля Н. Х. Британева,— одна из первых попыток создания сценического клипа. В основе композиции Поэзоклипа-88 «Осень в России» — стихи И. Жданова, А. Еременко, А. Парщикова, Ю. Немировской, В. Друка, Н. Искренко, В. Коркия, Е. Бунимовича и других современных поэтов, представителей так называемого «задержанного поколения».

Поэзия авангарда противостоит стихии стереотипов. Ярким, сочным, нестандартным был спектакль, показанный недавно в редакции «Огонька».

Редакция сердечно благодарит участников спектакля — студентов Б. Дергуна, П. Белышкова, А. Айсина, А. Погодину, И. Потапову, Н. Саруханову, Т. Иванцову, Ю. Казакова, Е. Яковлеву, А. Коровкина, Е. Малявину, А. Погодина за доставленную радость и желает им новых творческих успехов.

Ю. КРАСНОЩЁКОВ.
Фото И. ГАВРИЛОВА.

Валентин БЕРЕСТОВ

НЕВОЛЬН

В революционные эпохи, как при переходе из возраста в возраст, все видится в новой связи и в ином свете. Даже Пушкин. Давно ли Т. Г. Цявловская, изучив свежую публикацию, восклицала: «Новый вклад в отечественное дантесоведение!» А Эдуард Бабаев меж юбилеями Льва Толстого и Пушкина шутил: «Отметили Софью Андреевну, теперь почтим Наталью Николаевну!»

И вдруг выяснилось, что про целую треть жизни Пушкина почти нечего сказать. Всех раззадорил Ю. М. Лотман. В новой, яркой биографии поэта он заявил, что тот был «человеком без детства», «детство он вычеркнул из своей жизни». Но постепенно все менялось. Празднества в честь Пушкина-ребенка в подмосковном Захарове, хлопоты общественности о судьбе пушкинских мест в Москве и Подмосковье. И, наконец, в 1987 году — сразу две книги с отдельными главами о долицейском, допожарном, довоенном детстве поэта. В «Русском гении» Н. Н. Скатова сказано, что «подобного дара детства потом уже не получит ни один из русских поэтов и писателей», а в книге «Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками» (составитель, комментатор и автор вступительных очерков В. В. Кунин) нам дана возможность как бы своими глазами увидеть Пушкина-ребенка и самим делать выводы из документов.

Итак, дом Бутурлиных. Поэт-моряк торжественно возглашает стихи с такими строчками:

И этот кортик,
И этот чертик!

Малыш, который любит сидеть со взрослыми и слушать стихи, хохочет. Мать делает ему знак уйти. Гости осуждают шалуна. А ученый француз Жиле жмет руку мальчику: «Чудное дитя! Как он рано все начал понимать!» Вот ключ к детству Пушкина. Оно в самом деле необычное. Не всякий малыш станет сидеть в компании взрослых, слушать стихи и разговоры, не каждому это и позволят. Мать хочет, чтобы ребенок вел себя хорошо, но есть люди, которые и в его шалостях видят истинный интерес к миру литературному, духовному, даже понимание и вкус.

И все же Ю. М. Лотман прав: Пушкин зачеркнул свое детство. Вернее, он его утаил. В начале 20-х годов он писал записки, где, конечно, речь шла и о детстве. Но после поражения декабристов вышло так, что записки могли «замешать многих» и увеличить число жертв.

Есть программа и новых записок. Он хотел их написать в 30-х годах. А в ней важные пункты, посвященные детству. Скажем, такие, как пункт о воспитании отца (видимо, оно отозвалось на сыне!) или «Свадьба отца», или «Рождение мое», или «Первые впечатления», а также «Первые неприятности», значит, их какое-то время не было, и даже «Ранняя любовь». Итак, одни записки уничтожены, другие не написаны, Пушкин остался человеком без детства. И все же он написал о своем детстве и указал, где и как искать сведения об этом предмете. В ноябре 1825 года Пушкин пишет Вяземскому: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии... Мы знаем Байрона довольно». Поищем в невольной исповеди Пушкина то, что относится к первым 12 годам его жизни.

Пункт «Рождение мое». Об этом рукою Пушкина написано вот что: «Оно, кажется, и мудрено помнить свое рождение, но рассказы, слышанные в детстве, так сильно врезываются в память нашу, что впоследствии нам кажется, что мы были свидетелями всего, о чем в самом деле мы только слышали». Правда, речь идет о рождении П. В. Нащокина. Один раз поэт заставил Нащокина диктовать ему свои записки, другой раз усадил его писать, а потом правил написанное другом, и оба раза записки обрывались на впечатлениях о родне, о слугах и раннем детстве Нащокина, будто остальное Пушкина не интересовало. Нащокину о его рождении рассказывал буфетчик Севолда, подавший по сему поводу рюмку мадеры Нащокину-старшему, который распил ее вместе «с крепостным подлекарем, вывезенным из Польши жидком». (Так национальные, классовые предрассудки рухнули перед великим событием — рождением человека!)

Рождение младенца — для Пушкина историческое событие, включение в историю. Сам младенец изначально прекрасен и создан для прекрасной жизни, достойной человека. Уважение к личности, уважение к летам, как выразилась Татьяна Ларина, вот чему, как и любви, у Пушкина все возрасты покорны, с самого рождения. Детство — это надежда. Голос ребенка — голос надежды. «Надежда им лжет детским лепетом своим»,— сказано про гадающих стариков. Детский лепет — тайна из тайн, чудо из чудес:

А речь ее... какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца
первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум
небес,
Иль звонкие Баяна Славья гусли.

Это тоже одно из впечатлений раннего детства поэта и имеет прямое отношение к пункту «Рождение Льва», нежно любимого брата.

Пункт «Первые впечатления». Поэт придает им, как и Толстой в «Исповеди», великое значение. «Я начинаю себя помнить на большом, барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством противу так называемой английской болезни). Около меня толпа нянек и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор и на деревенский базар»,— пишет Пушкин под диктовку Нащокина. Огромный обоз. Отец хочет взять малыша с собой, а тот рвется к няне. Еще первое впечатление: «Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества... Солнце светит во все окошки, и мне очень весело. Монах с золотым крестом на груди благословляет меня; в двери выносят красный длинный гроб». Это хоронят мать героя «Русского Пелама». И, наконец, первое впечатление Петра Великого: «Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю. Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову и сказал, что его не забудет».

Детской сабельке под подушкой Петра у Пушкина соответствует завороженная свирель, ее оставила «меж пелен» муза, которая, «детскую качая колыбель», его «юный слух напевами пленила». В стихах «Наперсница волшебной старины» муза впервые в истории мировой поэзии является в виде веселой старушки в шушуне. «в больших очках и с резвою гремушкой». (В Захарове их называют «громушками». Одну из них я видел в музее Клуба друзей игры в Лесном городке под Москвой.) В отрывке «Сон» — еще одна мамушка, на сей раз сказочница. Так и видишь ее «в чепце, в старинном одеянье», когда она «духов молитвой уклоня», шепотом рассказывает малышу о мертвецах

АЯ ИСПОВЕДЬ ПУШКИНА

(не сюжет ли «Утопленника»?), о подвигах Бовы, а тот не шелохнется от ужаса, едва дыша, прижмется под одеялом, глядя на «под образом простой ночник из глины», который «чуть освещал глубокие морщины» и «длинный рот, где зуба два стучало». Ночник гасился, мамушка уходила, и в темноте, как это, наверное, со всеми бывает в младенчестве, возникали уже другие видения, они «на ложе роз» слетали крылатыми волшебниками и волшебницами, и малыш превращался в могучего русского богатыря, который «средь муромских пустыней Встречал лихих Полканов и Добрыней».

И в вымыслах носился юный ум.

Таким он хотел быть и в старости, до которой не дожил:

Над вымыслом слезами обольюсь.

А днем ему вручала свою семиствольную цевницу муза в античном наряде. Ее нетрудно было вообразить. Она была и на фронтонах домов, и на сосудах, и в эстампах, которые показывали гостям, ей верили и клялись в верности и отец, и дядя мальчика. Мальчик играл на завороженной свирели, а потом муза, чтобы развлечь его и научить, сама ее брала. И так было «с утра до вечера в немой тени дубов». Восприятие малого ребенка: дуб над ним полон звуков, шелеста, пения птиц, а тень внизу движется, но молчит.

Пушкин предельно точен. Он помнит себя не «с минут бесчувственных рожденья», не остающихся в памяти, а с младенчества.

С младенчества дух песен
в нас горел,
И дивное волненье мы
познали,—

вспомнит он 19 октября 1825 года. Это — чудо самопознания. Он помнит даже свои ночные и дневные видения в классическом возрасте от двух до пяти. Задолго до Чуковского поэт открыл для себя, что в этом возрасте сказочность и непреодолимая тяга к стихам — обычная норма. Мысль о детстве приходит ему на каждом шагу. Вот он славит Гнедича за перевод «Илиады». Пророк выносит скрижали «бессмысленным детям». И тут же «прямой поэт», как Пушкин-ребенок, летит «во след Бовы иль Еруслана». Все начинается с видений детства. Даже «Онегин». Вот из черновика первой главы:

И детства милые виденья
В усталом, томном вдохновенье,
Волнуясь легкою толпой
Несутся над моей главой!

Вот с чего начинается пушкинский творческий процесс, вот в чем его тайная свобода!

Если мы попробуем снять из этого сугубо «взрослого» романа все «детства милые виденья», если исчезнут из романа все, кого мы видим детьми,— что останется? Уйдут Татьяна и няня, Ольга и Ленский, уйдет Онегин. Исчезнет и сам автор. Что остается? Светское общество? Но Пушкин решительно отказывает ему во взрослости:

Среди лукавых, малодушных,
Шальных балованных детей...

В «Городке» Пушкин-лицеист, ненароком заглянув в детство, вспомнил шуто-героическую пьесу Крылова «Подщипу»:

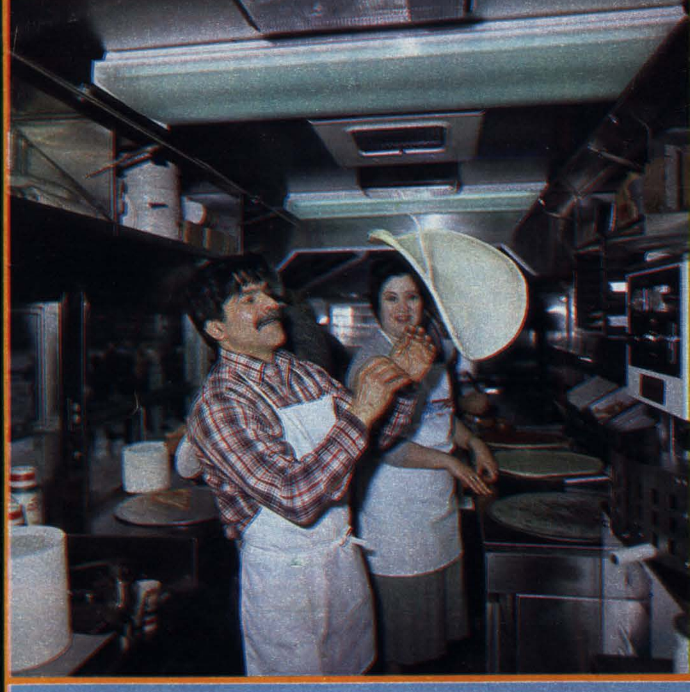
В трагическом смятенье
Плененные цари,
Забыв войну, сраженья,
Играют в кубари.

Он и царям откажет во взрослости. Вот как отзовется связанная с памятью детства тема в одном из предсмертных творений Пушкина:

Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы,
то свободы,
То гордости багрила алтари.

Рисунок
Ю. СЕЛИВЕРСТОВА

«ФАСТ ФУД» НА УЛИЦЕ ГОРЬКОГО?

Константин КОСТИН, Георгий ГИНЗБУРГ (фото)

«Фаст фуд» — быстрая еда. Завтрак на ходу, где не только котлета горяча и аппетитна, но и обслуживание не покушается ни на ваш карман, ни на ваше время.

Вот и в Москву, в город, некогда славящийся рестораном Тестова, трактирами, блинными и чайными, теперь везут скорые гамбургерные и пиццерии на колесах, фальшивый сок «фанта» и шипучий напиток «пепси», что-то еще очень импортное, неведомое и потому ублажающее наш слух.

...Совсем недавно столица делегировала в Канаду группу организаторов городского общепита, уже состоялся и ответный визит; деловой и предметный. Договор-соглашение, идут слухи о совместном предприятии «Макдональдс — Москва». Первые «ММ», поговаривают, появятся на улице Горького, их сулят оснастить по канадским стандартам — на уровне, неведомом нашему затурканному обычным общепитом едоку. Что в основе? Качество пищи, высокая культура обслуживания, доступные цены. «Это является нормой работы «Макдональдса» во всех странах мира»,— пояснил председатель правления компании.

Кто поспорит с таким набором, кто возразит!

...Появятся, не могут не появиться новые кафе и ресторанчики «фаст фуд». Будут горячие бутерброды-гамбургеры.

ОГОНЁК

ISSN 0131—0097. Цена номера 40 коп. Индекс 70663